

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Социология. Политология

2020

Том 20

Выпуск 2

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Калинникова М. В., Головина А. А.** Социальная инфраструктура города как отражение качества физического пространства 128
- Кошарная Г. Б., Найденова Л. И., Каримова Л. Ф.** Проблема мобильности молодого поколения в малообеспеченных семьях 133
- Черняева К. О., Сорокина Н. В.** Репрезентация профессиональных групп и династий в советском медиапространстве (по публикациям газеты «Известия» 1965–1980 гг.) 138
- Перевозкина Ю. М., Тишкова А. С., Ганпанцурова О. Б.** Специфика адаптации и навыков межличностного общения обучающихся 146
- Быченко Ю. Г., Магомедов М. К.** Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих 154
- Захарченко А. А., Пить В. В.** Совершенствование механизмов лесной политики и системы управления в лесной сфере в России: социологический взгляд 161
- Мунина О. В.** Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности 171

Слово молодым социологам

- Кулагина П. Ю.** Социально-трудовой конфликт в оценках работников банка 175
- Круглов А. В.** Социальная нетерпимость в современном российском обществе: региональное измерение 179
- Фомин А. А.** Социально-коммуникативные практики взаимодействия институтов власти и населения в регионе: социальные факторы и современные тенденции 183

Политология

- Шестов Н. И.** «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть вторая) 188
- Головченко В. И.** Партийно-идеологический контекст изменений в Конституции РФ 196
- Керимов А. А., Луговцов М. М.** Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации 202
- Богданов А. В.** Специфика применения игровых технологий в рамках формирования политической культуры современной российской молодежи (на примере анализа деятельности Росмолодежи) 207
- Каминченко Д. И., Шмелева О. Ю.** Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) 212
- Лаптева Н. В.** Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России 219

Слово молодым политологам

- Толкунов Н. С.** Феномен национализма в полиэтничной среде 224
- Malfait M.** The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow 228
- [Малфет М.** Разведывательные службы ЕС: проблемы информационной перегрузки]
- Демирель Н.** Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира 236
- Исса М. Г.** Современное состояние курдского вопроса на Ближнем Востоке 242

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.05.20.
Подписано в свет 01.06.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,25).
Тираж 500 экз. Заказ 38-Т.
Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Kalinnikova M. V., Golovina A. A.** The City Social Infrastructure as a Reflection of Physical Space Quality 128
- Kosharnaya G. B., Naydenova L. I., Karimova L. F.** The Problem of Younger Generation's Mobility in Low-Income Families 133
- Chernyaeva K. O., Sorokina N. V.** The Representation of Professional Groups and Dynasties in the Soviet Media (By the Publications of the Newspaper "Izvestia", 1965–1980) 138
- Perevozkina Yu. M., Tishkova A. S., Ganpanzurova O. B.** Specificity of Adaptation and Skills of Interpersonal Communication of Students 146
- Bychenko Yu. G., Magomedov M. K.** Military Servicemen's International Communication Culture Development Problems 154
- Zakharchenko A. A., Pit V. V.** Improving Forest Policy Mechanisms in Russia: A Sociological Point of View 161
- Munina O. V.** The Role of Physical Culture and Sports in the System of Youth's Patriotic Education and the Mechanism of Civic Identity Formation 171

New Voices: Young Sociologists' Research

- Kulagina P. Yu.** Social and Labor Conflict in the Estimates of Bank Employees 175
- Kruglov A. V.** Social Intolerance in Modern Russian Society: The Regional Dimension 179
- Fomin A. A.** Social and Communicative Practices of Interaction Between Institutions of Power and the Population in the Region: Social Factors and Current Trends 183

Politology

- Shestov N. I.** "Value" as a Prerequisite to the Quality of Modern Political Science Research (Part Two) 188
- Golovchenko V. I.** Party and Ideological Context of Changes of the Constitution of the Russian Federation 196
- Kerimov A. A., Lugovtsov M. M.** Political Protest: Theoretical and Methodological Approaches and Interpretations 202
- Bogdanov A. V.** Specifics of Using Game Practices in the Framework of Forming the Political Culture of Modern Russian Youth (On the Example of the Analysis of the Federal Agency for Youth Affairs) 207
- Kaminchenko D. I., Shmeleva O. Yu.** Social Media as a Tool for the Formation of the Political Picture of the World of Modern Youth (Examplefied by Nizhny Novgorod Region) 212
- Lapteva N. V.** The Issue of Reforming Higher Education within the Scholarly Discourse of Modern Russia 219

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Tolkunov N. S.** The Phenomenon of Nationalism in a Multi-Ethnic Environment 224
- Malfait M.** The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow 228
- Demirel N.** The Influence of Turkish Foreign Policy in the Black Sea Region on the Politics of Global and Regional Actors of the Modern World 236
- Issa M. H.** The Current State of the Kurdish Issue in the Middle East 242

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

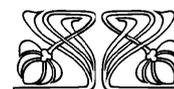
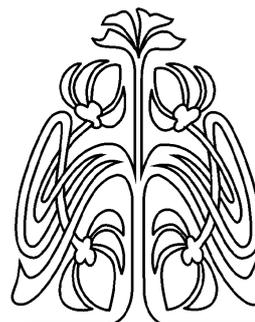
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

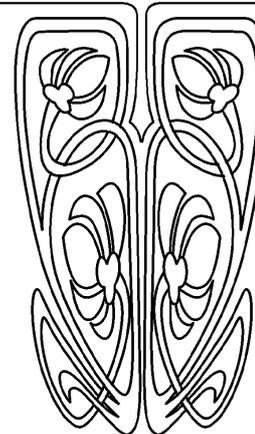
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.56(470.44-25)

Социальная инфраструктура города как отражение качества физического пространства

М. В. Калининкова, А. А. Головина

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kalinnikova1@rambler.ru

Головина Анна Алексеевна, аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anechka_mango@mail.ru

Современный процесс урбанизации актуализирует вопросы качества социальной инфраструктуры городского пространства. В статье рассмотрены вопросы организации одной из важнейших составляющих социальной инфраструктуры города – физического пространства. Городское физическое пространство рассматривается как сложный и многообразный организм, состоящий из определенных кластеров: природно-экологического, инженерного, транспортного, культурно-исторического, социально-расселенческого. Они образуют единую взаимодополняющую и постоянно изменяющуюся систему, обеспечивающую жителям города полный набор функций. Управление физическим пространством городов – это постоянная работа социальной, экономической и духовной сфер. Авторский опрос общественного мнения, проведенный среди молодого населения города Саратова, выявил основные индикаторы, по которым население оценивает качество организации городской среды – это безопасность, экология, транспорт, услуги, инфраструктура, качество работы коммунальных служб, культурное и историческое наследие (наличие театров/музеев), концентрация мест развлечений и досуга. Прослежена зависимость между уровнем образования, возрастом и занятостью респондентов и их выбором индикаторов качества жизни в городской среде. В статье подчеркивается, что, используя индикаторы качества жизни, можно не только изучить проблемы организации социальной инфраструктуры, но и определить пути создания комфортной жизни горожан в каждом отдельном городе.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, физическое пространство, индикаторы качества жизни, город Саратов, кластер, молодежь.

Поступила в редакцию: 15.01.2020 / Принята: 01.02.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

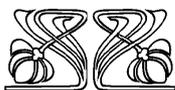
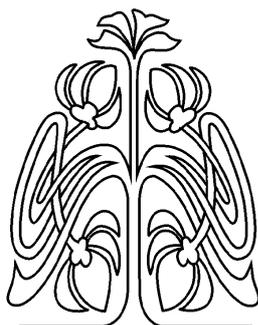
The City Social Infrastructure as a the Reflection of Physical Space Quality

M. V. Kalinnikova, A. A. Golovina

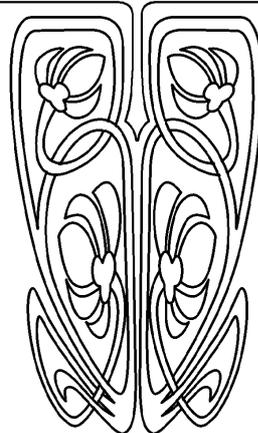
Marina V. Kalinnikova, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kalinnikova1@rambler.ru

Anna A. Golovina, <https://orcid.org/0000-0001-5460-0165>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, anechka_mango@mail.ru

The modern process of urbanization actualizes the urban space social infrastructure organization quality. The article deals with organizing as one of most important components of the city's social infrastructure – a physical space. The physical urban space is considered as a complex and diverse organism, consisting of certain clusters: nature-ecological, engineering, transport, culturally-historical, socially-settling. They form a single, complementary and ever-changing system that provides urban residents with a full range of functions. Managing the physical space of cities is a constant

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

work of social, economic and spiritual spheres. The author's public opinion poll conducted among the young population of Saratov, identified the main indicators by which the population assesses the quality of the organization of the urban environment; they are: safety, ecology, transport, services, infrastructure, the quality of public services, cultural and historical heritage (theatres / museums), concentration of places of entertainment and leisure. The dependences between the level of education, age and employment of respondents and their choice of life's quality indicators in the urban environment are traced. It is highlighted that using the life's quality indicator make it possible not only to study the problems of social infrastructure organization, but also to determine the ways of creating a comfortable life of citizens in each individual city.

Keywords: social infrastructure, physical space, indicators of quality of life, Saratov city, cluster, youth.

Received: 15.01.2020 / Accepted: 01.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-128-132>

Для современных российских городов вопросы качества социальной инфраструктуры особенно актуальны. Обеспечить человека достойной жизнью, удовлетворить его духовные и физические потребности, максимально повысить качество жизни – вот основная цель организации физического пространства современного города.

В приоритете любой страны вопросы повышения качества жизни населения решаются на государственном уровне. Так, к примеру, во Франции политика градостроения исходила из документа «Первые выводы трех лет опыта в градостроительстве», утвержденного генеральной Дирекцией градостроительства и проживания в Министерстве реконструкции и градостроения в 1947 г. В нем говорится, что для поддержания стандарта жизни необходимо обеспечить всему населению наиболее рентабельные условия жизни и защитить его от напрасных трат¹. В европейских странах, исходя из заботы о благоустройстве городов, градостроение было вынуждено, с одной стороны, поставить строительство в определенные рамки, с другой стороны, тщательно изучить условия, в которых развивается городская агломерация. Речь идет, главным образом, о всевозможной поддержке стандарта жизни населения и попытке повысить качество жизни, сокращая дисбаланс, который существует между городскими ресурсами и основными расходами². В России вопрос о повышении качества жизни граждан закреплен в Конституции РФ, в государственной программе Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ (на период с 2008 по 2020 гг.). В частности, в Саратовской области, так же как и во многих других субъектах РФ, принято Постановление о повышении качества жизни населения (от 29.12.2017 г.).

Цель данной статьи – рассмотреть понятие социальной инфраструктуры с точки зрения пространственно-временных измерений, выявить роль физического пространства города в обеспечении человека достойным уровнем и качеством жизни.

Прежде чем рассмотреть тематику социальной инфраструктуры города, остановимся на такой категории, как социальное пространство. Проблематику социального пространства можно встретить в работах многих классиков социологии. Следует отметить, что и у классиков, и у современных ученых социальное пространство отражается в контексте социальных реалий³.

Основоположником изучения пространства как предмета социологического анализа является Г. Зиммель. Он писал, что «любое социальное взаимодействие локализовано в некотором пространстве»⁴. Ведь именно свойства городского пространства позволяют человеку быстро и эффективно адаптироваться в различных условиях проживания. Поэтому пространство социально и локально, так как используется людьми.

В дальнейшем социологи продолжили изучение социального пространства и социальной инфраструктуры города. Так, М. Вебер в своей работе «Город» отразил закономерности размещения городов, составил классификацию городов по их типам, изучил причины возникновения того или иного типа городов. Город, по М. Веберу, – это социокультурный феномен, особый тип социальных отношений, появившийся в результате культурно-мировоззренческих, ценностных явлений⁵.

Научный подход Э. Гидденса делит городское пространство на зоны переднего и заднего плана⁶. Э. Гидденс изучает эти зоны с учетом процесса мотивации деятельности человека. Городскую среду он делит на промышленные зоны, центральные зоны, изучает их движение во времени. Так, если в индустриальном обществе промышленные районы были на переднем плане физического пространства, то в настоящее время эти зоны выводятся из городской черты. Ту же тенденцию можно проследить и изучая процесс расселения людей. Раньше наиболее комфортным для жизни считался центр города, однако в современных реалиях под влиянием экологического кризиса все большую популярность приобретают районы на окраинах.

Французский социолог П. Бурдьё призывает четко различать социальное пространство и физическое⁷. С его точки зрения, социальное пространство стремится реализоваться в физическом, более или менее полно и точно. Загравивая тему социальной инфраструктуры, П. Бурдьё считает, что социальное пространство характеризуется определенным набором благ и услуг, которые распределяются внутри групп. Распределение благ имеет тенденцию сосредотачиваться в одном месте, тут же сосредотачиваются и

потребители данных благ. Это приводит к возникновению мест, населенных однородными в социальном плане индивидами.

Понятие «социальная инфраструктура» появляется в научных публикациях в конце 40-х гг. XX в. в военной науке. Наукой социологией этот термин стал широко использоваться в середине 70-х гг. XX в., когда перед учеными остро встала проблема изучения этого понятия для обеспечения людей достойной трудовой и бытовой жизнью в городах. Роль социальной инфраструктуры в жизни общества повышается в геометрической прогрессии. Этот термин используют различные науки, но единого определения не существует, так как каждая наука рассматривает сложный процесс, именуемый «социальная инфраструктура», под своим углом. В настоящее время социологи трактуют инфраструктуру города как совокупность материально-вещественных элементов, создающих и обеспечивающих потребности человека в данный момент времени⁸.

Важнейшая составляющая социальной инфраструктуры города – это физическое пространство⁹. Управление данным пространством – комплексная эффективная работа социальной, экономической и духовной сфер. Только тогда можно говорить о наиболее полном удовлетворении потребностей горожанина в жилищно-бытовых, социальных, коммунальных, культурных, экологических и других услугах. Управление городом ставит перед собой цель постоянно повышать качество жизни людей, улучшать экологическую обстановку, повышать уровень культуры.

Физическое пространство – это сложный и многообразный «организм», который состоит из социальных кластеров, подчиняющихся законам самоорганизации¹⁰. Подобные территориальные агломерации обеспечивают жителям городов полный набор функций: жилищных, административно-деловых, торгово-развлекательных, рекреационных и т.д. Кластеры образуют единую взаимодополняющую и постоянно изменяющуюся систему. Рассмотрим ее на примере города Саратова. Здесь мы можем выделить культурно-исторический, транспортный, инженерный, социально-расселенческий, природно-экологический кластеры.

В различные периоды своей истории город Саратов был военной крепостью, купеческим городом и зерновой столицей Российской империи. В первые годы советской власти являлся административным центром Автономной области немцев Поволжья. В годы Великой Отечественной войны в Саратове сформировалась мощная промышленная база, состоящая из крупных предприятий оборонной промышленности, и до 1990 г. Саратов был закрытым городом, что нашло отражение в его социальной инфраструктуре.

Культурно-исторический кластер формирует центр города Саратова со множеством архитек-

турных памятников и объектов культурного наследия (Саратовская консерватория, Свято-Троицкий кафедральный собор, Саратовский музей имени А. Н. Радищева и др.). Это территория с развитой системой развлекательных комплексов (театры, музеи, цирк). Задача данного кластера состоит в сохранении культурно-исторического наследия, в охране памятников и объектов культуры и природы, в обеспечении горожан торгово-развлекательным досугом. Здесь расположена пешеходная зона длиной 8 километров, объединяющая центр города и набережную реки Волги в единый развлекательный комплекс.

Транспортный кластер представляет собой систему автомагистралей, связывающих центр и различные районы города с железнодорожным вокзалом, автовокзалом, аэропортом, промышленными и торговыми предприятиями. Однако транспортная система города Саратова, включающая в себя пассажиро- и грузоперевозки, на сегодняшний день не в состоянии обеспечить растущий пассажиропоток. К примеру, значительно сократились перевозки пассажиров электротранспортом. С 1995 г. в Саратове не было проложено ни одного километра эксплуатационного пути популярных у населения трамвая или троллейбуса.

Инженерный кластер объединяет в себе промышленную и жилищно-коммунальную зону городского пространства. В Саратове наибольшее распространение получили нефтеперерабатывающая, химическая, стекольная, машиностроительная промышленность, поэтому производственная сфера города представлена крупными предприятиями, такими как ОАО «Саратовский завод энергетического машиностроения», ОАО «Саратовский агрегатный завод» и др. В задачи инженерного кластера в инфраструктуре города входят эффективное решение проблем жилищно-коммунального хозяйства, ликвидация аварийного жилого фонда, капитальный ремонт зданий и т.д.

Социально-расселенческий кластер включает в себя спальные микрорайоны города и социальную инфраструктуру. От работы данного кластера зависит решение проблем социальной поддержки населения. В настоящее время в г. Саратове действуют 18 больниц, 27 взрослых и 22 детские поликлиники, несколько детских больниц. Образование и науку представляют высшие учебные заведения, учреждения среднего профессионального образования, например, Саратовский областной колледж искусств, Саратовский государственный колледж книжного бизнеса и информационных технологий и др. В городе много средних образовательных учреждений.

Природно-экологический кластер создает комфортную среду обитания человека, обеспечивает экологическую безопасность и строительство экологически безопасных систем

переработки и размещения отходов, развивает и совершенствует систему экологического контроля и т.д. Рекреационно-оздоровительные объекты, входящие в данный кластер, представлены Набережной Космонавтов, городским парком имени М. Горького, парком «Липки», природным парком «Кумысная поляна».

Таким образом, физическое пространство города обладает определенным природным, социальным, промышленным потенциалом, который изменяется в зависимости от политических и экономических условий, что определяется требованиями создания комфортной и благоустроенной среды в каждом городе. Физическое пространство города является способом обустройства среды обитания таким образом, чтобы она помогла населению выжить и сохранить социально-психологические установки и представления¹¹.

Качество городской среды выражается через определенные индикаторы. Эти показатели позволяют выявить проблемы городской среды, изучить потребности горожан в организации комфортной жизни, помогают искать пути улучшения проживания населения в каждом отдельном районе города.

Какие индикаторы качества жизни наиболее приоритетны для жителей крупных городов, показало авторское социологическое исследование, проведенное в 2018 г. Эмпирическую основу составили материалы статистики, опубликованные работы по теме исследования, результаты социологического опроса, проведенного методом анкетирования. Было опрошено 88 молодых жителей г. Саратова в возрасте от 18 до 30 лет. Для подсчета выборки использовался квотно-стратифицированный метод. Критерии квот: возраст, пол, район проживания. По возрасту респонденты делились на три группы: первая – от 18 до 22 лет, что составило 39,8% от общего числа респондентов; вторая – это молодежь от 23 до 26 лет, 29,5%, и третья группа – от 27 до 30 лет, 30,7%. По половому признаку 52,3% составили женщины и 47,7% – мужчины, что соответствовало распределению генеральной совокупности и принципам репрезентативности. По месту проживания респонденты распределялись по шести районам города: в Ленинском районе – 31,8%, в Заводском – 22,7%, в Кировском – 15%, в Октябрьском – 14,8% в Волжском – 8,0% и во Фрунзенском районе – 6,8%, что соответствует статистическим данным о количественном распределении жителей города Саратова по административным районам. Жилищные условия респондентов были таковы, что большая часть, 70,5%, проживала в 1-2-3-комнатной квартире, 25% – в общежитии или на съемной квартире, 4,5% являлись жителями 4-комнатных квартир или частных домов.

Респондентами из предложенного списка были выбраны такие индикаторы, характеризую-

щие качество городской среды, как безопасность (криминогенная обстановка) (93,0%), экология (84,0%), транспорт (81,0%), степень развитости инфраструктуры (80,7%), чистота и близость парков (78,0%), культурное и историческое наследие (наличие театров/музеев) (77,0%), наличие мест развлечений и досуга (65,0%), качество квартир (53,0%), качество работы коммунальных служб (53,4%) и добрососедство (50,0%).

В категорию «наиболее значимые» большинство респондентов отнесли такие характеристики, как безопасность (криминогенная обстановка) (59%), экологическая ситуация (57%), развитость системы общественного транспорта (45%), качество квартир в районе (38%).

В категорию «значимые» были определены развитая инфраструктура в районе (53,0%), чистота и близость парков, лесопосадок (43,0%), культурное и историческое наследие (наличие театров/музеев) (40,0%), наличие мест развлечений и отдыха (39,0%).

Как «наименее значимые» респондентами были отмечены качество работы коммунальных служб (53,4%) и добрососедство (37,5%).

Подобное расположение индикаторов свидетельствует о том, что неблагоприятная криминогенная обстановка и напряженная экологическая ситуация оцениваются молодежью как реальная угроза жизни. Хорошо организованный общественный транспорт необходим молодежи, поскольку именно молодые люди хотят иметь доступ ко всему, что предлагает им городская среда, от работы и учебы до проведения досуга. Высокая значимость качества квартир для молодежи объясняется тем, что комфорт и функциональность проживания является основной частью удовлетворенности качеством жизни.

В процессе исследования была предпринята попытка проследить влияние возраста респондентов на выбор или иного индикатора. Наиболее наглядно связь с переменной возраста показал выбор «степени концентрации мест развлечений». Как «очень важное» данное качество оценили только 11,4% молодежи из самой младшей возрастной группы. Оценку «важное» дали 29% молодежи 18–22 лет, 23,0% 23–26-летних и всего 11,0% 27–30-летних. Таким образом, чем старше человек, тем менее важным для него является степень концентрации мест развлечений.

Однако анализ такого качества, как безопасность (криминогенная обстановка), показал обратную зависимость. Чем старше человек, тем более важным для него является такое качество, как безопасность района. Данную связь можно объяснить тем, что с возрастом молодежь более серьезно подходит к вопросу личной безопасности и безопасности своих близких. К тому же среди молодежи возраста 27–30 лет наблюдается более высокий процент семейных людей.

Характеризуя зависимость выбора индикаторов качества жизни по критерию важности

от возраста респондентов, можно сделать следующие выводы. Так, в группе 18–22-летних наиболее важным для всех оказались такие характеристики, как развитая инфраструктура в районе (57,0%), развитая система общественного транспорта (60,0%), качество квартир в районе (48,6%), экологическая ситуация (50,0%), безопасность (криминогенная обстановка) (51,4%).

Для молодежи 23–26 лет наиболее важными являются близость парков и других природных объектов (50,0%), развитость системы общественного транспорта (42,3%), экологическая ситуация (69,2%), безопасность (криминогенная обстановка) (69,2%).

В возрастной группе 27–30 лет наиболее важными были отмечены следующие качества: экологическая ситуация (55,6%), безопасность (криминогенная обстановка) (59,3%). Данная возрастная группа оказалась наиболее сдержанна в своих оценках.

Подводя итоги, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, физическое пространство представляет собой единую систему, сконструированную природным, транспортным, социальным, промышленным, инженерным, историко-культурным кластерами, что является способом обустройства комфортной и благоустроенной городской среды.

Во-вторых, физическое пространство характеризуется общими для определенных групп жителей индикаторами качества городской среды. При этом, в первую очередь, следует обратить внимание на такие индикаторы, как безопасность, экологическая обстановка, транспортная система, социальная инфраструктура (магазины и рынки, досуг и спорт, детские сады и поликлиники, школы), близость парков, лесопосадок, наличие мест развлечений и досуга.

В-третьих, высокий уровень социальной инфраструктуры, развитие отдельных ее сфер на

благо горожан ведет к увеличению и повышению качества физического пространства города.

Примечания

- 1 См.: *Chevalier L.* Urbanisme et population // Population (French Edition). Jul. – Sep., 1948. Vol. 3, № 3. P. 551–554. DOI: 10.2307/1523818
- 2 См.: *Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С.* Неравенство и неопределенность : современные вызовы для городов // Социс. 2019. Т. 10, № 26. С. 153–155.
- 3 См.: *Чернявская О. С.* Социальное пространство : обзор теоретических интерпретаций // Вестн. ННГУ. Сер. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329–335.
- 4 *Зиммель Г.* Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. С. 592.
- 5 См.: *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 309.
- 6 См.: *Гидденс Э.* Устроение общества : Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. С. 190.
- 7 См.: *Бурдьё П.* Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 38.
- 8 См.: *Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.* Социальная инфраструктура города через призму общественного мнения саратовской молодежи // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–10. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-5-10
- 9 См.: *Спиридонов И. А.* О процессе конструирования субъективных пространственных структур социального пространства города // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 49–51.
- 10 См.: *Тарасенко В. В.* Исследование территориальных кластеров : социологический подход // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2013. № 2. С. 13–20.
- 11 См.: *Столбов В. П., Староста П. Ю.* Социология городской среды. М. : Инфра-М, 2017. С. 3.

Образец для цитирования:

Калинникова М. В., Головина А. А. Социальная инфраструктура города как отражение качества физического пространства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 128–132. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-128-132>

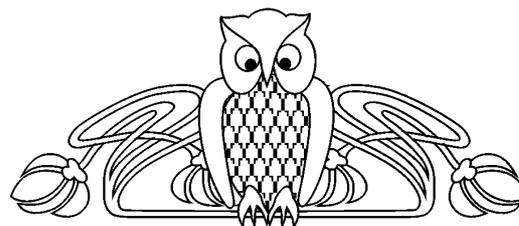
Cite this article as:

Kalinnikova M. V., Golovina A. A. The City Social Infrastructure as a the Reflection of Physical Space Quality. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 128–132 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-128-132>

УДК 316.35

Проблема мобильности молодого поколения в малообеспеченных семьях

Г. Б. Кошарная, Л. И. Найденева, Л. Ф. Каримова

Кошарная Галина Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет, k-galina1@yandex.ru

Найденева Людмила Ивановна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет, linajdenova@yandex.ru

Каримова Людмила Федоровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет, lyudmila_vyargizova@mail.ru

В статье анализируются данные проведенных исследований возможности социальной мобильности для молодого поколения из малообеспеченных семей в современном российском обществе. Рассматриваются факторы и причины, оказывающие наибольшее влияние на уровень жизни малообеспеченных семей. Предложена функциональная формула вероятности вертикальной социальной мобильности, которая может применяться в дальнейших исследованиях социальной мобильности представителей малообеспеченных семей.

Ключевые слова: малообеспеченные семьи, вертикальная восходящая мобильность, социальный статус, социальная адаптация, социальная идентичность, социальные стратегии.

Поступила в редакцию: 20.01.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Problem of Younger Generation's Mobility in Low-Income Families

G. B. Kosharnaya, L. I. Naydenova, L. F. Karimova

Galina B. Kosharnaya, <https://orcid.org/0000-0001-7474-0499>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, k-galina1@yandex.ru

Lyudmila I. Naydenova, <https://orcid.org/0000-0002-7386-3697>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, linajdenova@yandex.ru

Lyudmila F. Karimova, <https://orcid.org/0000-0002-9395-0675>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, lyudmila_vyargizova@mail.ru

The article analyses the research carried out on the subject of the possibilities of social mobility for the young generation from low-income families in modern Russian society. The factors and reasons that have the greatest impact on the standard of living of low-income

families are considered. The functional formula for the probability of vertical social mobility, which can be applied in further research of representatives' social mobility of low-income families, is proposed.

Keywords: low-income families, vertical upward mobility, social status, social adaptation, social identity, social strategies.

Received: 20.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-133-137>

Происшедшие за последние годы социально-экономические трансформации в современном российском обществе и качественно новые социальные процессы, в том числе изменения в социальной структуре, векторы социальной мобильности и социальной стратификации общества вызывают необходимость изучения многих социальных явлений, что требует новых подходов к изученным ранее социальным институтам. В условиях современного российского общества правомерно поставить вопрос о том, насколько могут быть предсказуемыми и регулируемы процессы социальной мобильности. В этом аспекте проблемой исследования является определение роли и функций семьи как социального института, с которого начинается приобретение социального статуса индивидов. И особенно важным и в то же время новым, учитывая возможный рост численности малообеспеченных семей в современном российском обществе, становится вопрос о роли и функциях именно такой семьи в процессах социальной мобильности. Какими будут эти виды и типы социальной мобильности – восходящими или нисходящими, горизонтальными или вертикальными, требуется исследовать уже сейчас или хотя бы определить факторы, влияющие на все виды и типы, чтобы с наиболее возможной вероятностью попытаться определить направления социальной мобильности в ближайшие годы и тем самым возможности регулирования этих процессов.

Экономические преобразования прошлого века в России привели к тому, что в обществе появились новые социальные слои, а также и «новые бедные», многие из которых в советском обществе принадлежали по большей части к интеллигенции, но в результате социально-экономических реформ обеднели. Для выделения такой группы социологи ввели понятие «новые бедные». Этим социальным группам, в частности, посвящено исследование С. В. Барсуковой

и С. М. Барсукова ««Новые бедные» семьи в социальной структуре российского общества: теоретический аспект»¹, к анализу результатов которого мы еще будем обращаться в данной статье.

Следует выделить основные направления исследований, посвященных социальным проблемам малообеспеченных семей в современном российском обществе. Вторичный анализ результатов проведенных исследований позволил выделить среди этих исследований две большие группы. В одной из них малообеспеченные семьи собственно не являются предметом и даже объектом исследования, но входят в исследуемые социальные явления. Прежде всего – это исследования бедности как социального явления. Во второй группе семья исследуется скорее как социальный институт, но при этом следует отметить, что в условиях происходящих социально-экономических изменений в современном российском обществе, по причине которых изменился социальный статус многих семей, появилось понятие «новая бедная семья».

Проблема бедности в условиях трансформации российского общества рассматривалась учеными Н. Д. Вавилиной², Г. Б. Кошарной и Л. Ф. Каримовой³, Л. Т. Печеной, С. В. Толкачевой и И. Е. Домарева⁴, Н. М. Римашевской⁵, С. В. Мареевой и Н. Е. Тихоновой⁶, Т. Ярыгиной⁷.

В социологической литературе активно исследуется бедность как социальное явление, выясняются ее причины и факторы, разработаны теория и модели бедности. Отечественный социолог Л. Н. Овчарова, отмечая, что функции семьи связаны с характером экономических условий жизнедеятельности общества, предложила свою типологию семей, основанную на критерии доходов. В этой типологии бедные семьи представлены в маргинальных и кризисных типах семей⁸.

1990–2000-е гг. отмечены возрастанием интереса социологов к проблемам бедности и бедных семей. Однако причины и факторы, приводящие семьи к состоянию бедности, еще мало освещены в отечественной социологической литературе. До сих пор отсутствует универсальное определение бедности. Так, В. В. Радаев и Н. М. Римашевская выделяют среди бедных в России две группы: традиционные бедные и «новые бедные»⁹.

Изучая методологию и результаты исследований современных отечественных социологов, посвященных изучению бедности в современном российском обществе, следует отметить, что категория «новые бедные» используется в отношении не только профессиональных групп, но и семей. Е. Д. Слободенюк и В. А. Аникин считают семьи «новых бедных» самой массовой группой бедняков¹⁰.

Анализ отечественной литературы по проблемам бедности позволяет выделить критерии отнесения к «новой бедной» семье, в которые входят:

– распространение бедности среди работающих (у которых, вероятно, ранее был более высокий уровень жизни);

– нисходящая вертикальная мобильность социальных слоев, ранее считавшихся благополучными;

– материальное положение семьи, минимум потребления которой ниже установленного официально;

– вынужденное отсутствие ресурсов для приобретения жилья, средств передвижения, оплаты лечения, обучения, отдыха;

– продолжительность нахождения в состоянии бедности;

– социально-экономический потенциал семьи, который не позволяет ей планировать затраты на приобретение жилья, средств передвижения, оплату лечения, обучения, отдыха;

– социальная эксклюзия – это ситуация ограничения общепринятых прав по причине дискриминации от институтов интеграции в социум, и оказавшиеся в такой ситуации семьи занимают место инсайдеров и аутсайдеров в социальной стратификации;

– маргинализация, т.е. такое снижение уровня жизни, при котором происходит вынужденное или постоянное занятие только нижних социальных статусов, хотя и не самых крайних, но близких к ним.

«Новые бедные» семьи характеризуются также признаками материальных и нематериальных ресурсов и самоидентификации.

С точки зрения системного подхода в перечне критериев мобильности малообеспеченных семей возможно выделить следующие составные части.

Источники – это материальное положение семьи, не имеющей официального минимума потребления, и низкий социально-экономический потенциал семьи, недостаточный для того, чтобы удержаться в привычном социальном статусе.

Предпосылками возможно считать продолжительность бедности, которая вызывает социальную депривацию и часто порождает пассивное отношение, стремление «довольствоваться малым».

Причины развития – это вынужденное отсутствие ресурсов, распространение бедности среди работающих и соответствующая маргинализация тех социальных групп, которые сравнительно недавно имели более высокий уровень жизни и могли вести другой образ жизни.

Факторы, способствующие развитию, – это нисходящая мобильность ранее благополучных социальных слоев и социальная эксклюзия, которая представляет социальное отделение группы людей от большого социального потока (социума) и может сопровождать социальную депривацию.

В исследовании трансформационных процессов в российском обществе М. К. Горшкова

социальная структура пореформенного российского общества рассматривается в контексте его доходной стратификации и в межстрановом сравнении. Оценки уровня и качества жизни разных групп даются с учетом показателей объективного и субъективного благополучия/неблагополучия россиян, основанных на их восприятии текущей социальной реальности. В качестве ключевых показателей субъективного благополучия/неблагополучия рассматриваются степень удовлетворенности различными аспектами их повседневной жизни, а также характерные для них в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния¹¹.

Во второй отмеченной нами группе исследований выделяются еще два важных направления исследований. Это – социальная адаптация бедных семей, их социальные стратегии и проблемы самоидентификации «новых бедных».

Все это требует по-новому исследовать проблемы «новых бедных» семей как социального феномена, изменения функций этих семей в современных условиях, их адаптацию и выбор жизненных стратегий по преодолению бедности.

Следует отметить, что проблема адаптации российских граждан и, в частности, малообеспеченных семей к изменяющимся социально-экономическим условиям остается актуальной и также приобретает свою новизну. Отметим методологический подход О. А. Калмыковой, которая выделила типологические группы по признакам меры и успешности результатов адаптации в трансформирующемся российском обществе: это успешные адаптанты, неуспешные адаптанты, успешные дезадаптанты, неуспешные дезадаптанты. Для эмпирической проверки адаптации использовались оценки своего материального положения, социального самочувствия и уверенности в своем будущем. С. В. Барсукова для оценки адаптации «новых бедных» семей использовала мнения респондентов об их отношении к своей жизни и сравнение своего материального положения с другими людьми. Выяснилось, что представители «новых бедных» семей имеют средний уровень адаптации в стремлении приспособиться к новым социально-экономическим условиям. «Новые бедные» семьи сумели сохранить свой социальный статус, но для того чтобы удержаться в нем, прибегают к новым стратегиям поведения.

Из региональных исследований отечественных социологов, на наш взгляд, заслуживает внимание исследование Г. Е. Пляскиной и Д. Г. Бордоева, в котором проблемы малообеспеченных семей исследуются с учетом региональных особенностей (на примере Республики Бурятия). Авторы обосновывают, что малообеспеченность семей порождает низкие возможности получения образования, пассивность, патерналистско-эгалитаристскую ментальность, что затрудняет их социальную адаптацию. По результатам

проведенных исследований Г. Е. Пляскина и Д. Г. Бордоев приходят к выводу, что основу социально-экономического поведения малообеспеченных семей составляет пассивная стратегия адаптации, которая предполагает экономию на самом необходимом¹².

На наш взгляд, в приведенном исследовании четко прослеживаются источники появления малообеспеченных семей – это изначально низкие возможности получения образования, карьерного роста, невозможность восходящей социальной мобильности у младшего поколения, а не только у старшего. Предпосылками такого «застывания» в имеющемся социальном статусе выступают пассивные стратегии адаптации. Здесь важен механизм социального взаимодействия индивида и адаптирующей среды. Результаты взаимодействий могут и должны быть различными, т. е. имеются основания предполагать, что результат адаптации индивида будет зависеть от среды, причем далеко не каждая среда является действительно адаптирующей. И еще, на наш взгляд, надо заметить (предположить), что если не удастся положительная адаптация (отмеченная с удержанием в достаточно высоком социальном статусе и на достойном уровне жизни), то могут появиться формы псевдоадаптации, или ложной компенсации адаптации – это уход индивида в асоциальные и антисоциальные формы поведения.

Свою актуальность приобретает исследование социальной идентичности «новых бедных» семей, так как эта характеристика определяет их место в социальной структуре, социальной стратификации современного российского общества и отслеживает, насколько меняются функции семьи с изменением ее социального статуса при снижении уровня жизни и вынужденном изменении образа жизни. Такая трансформация приводит к значительным изменениям ценностей, норм, образцов поведения, всей системы социального контроля. И можно предположить, что все это не только создает большие трудности для восходящей социальной мобильности молодого поколения из малообеспеченных семей, но и формирует у них новые образцы поведения – в зависимости от социальных стратегий, которые избирают эти семьи.

В исследовании С. В. Барсуковой самоидентификация и социальная идентичность малообеспеченных семей исследуются с позиций системного подхода. Автор дает определение «новых бедных» семей исходя из определения семьи как малой социальной группы, что позволяет выяснить специфику семейных отношений в условиях трансформации российского общества. В работе выделяются четыре группы причин бедности: индивидуалистические, структурные, субкультурные и фаталистические, а также установлены факторы, влияющие на уровень жизни семей: экономические, социальные, пси-

хологические, демографические, политические и регионально-географические¹³.

По мнению С. В. Барсуковой, «новые бедные» семьи включают работников, большая часть которых трудятся в бюджетной сфере, не могущих сегодня обеспечить достойное существование себе и семье, хотя в советское время они принадлежали к материально обеспеченным слоям. В ходе российских реформ 1990-х гг. у них резко понизился уровень жизни, хотя профессиональный статус остался прежним. В результате они оказались в положении бедных трудоспособного возраста, но не идентифицирующих себя с категорией «бедных». Но если индивидов все устраивает в данном статусе, т.е. с «бедными» они себя не идентифицируют, то нет мотивации для повышения своего статуса («мы привыкли довольствоваться малым»). Кроме того, следует отметить, что в ходе реформирования российского общества существенно изменились основные функции «новых бедных» семей: экономическая, хозяйственно-бытовая, воспитательная, досуговая.

Самоидентификация определяет и выбор социальных стратегий. И это тоже, на наш взгляд, является важной предпосылкой того, почему одним семьям удастся преодолеть статус малообеспеченности и «новой бедности», а другим – нет, хотя они и не удовлетворены своим нынешним уровнем доходов и образом жизни. Основная проблема «новых бедных» семей состоит в том, что они социально дезадаптированы. В прежние времена их жизненные стратегии обеспечивали им достаточный уровень материального благосостояния. Но в новых социально-экономических условиях эти стратегии привели их к бедности. Основной стратегией выхода из бедственного положения и адаптации к изменившимся условиям, по результатам исследований Л. Ф. Каримовой, явились: поиски временной работы по совместительству; экономия средств за счет отказа от некоторых продуктов и наиболее важных предметов, от туристических поездок; получение материальной помощи от родственников и друзей; дополнительное обучение; переход на другое, более высоко оплачиваемое место работы¹⁴. Это лишь помогает поддержать приемлемый для себя уровень жизни, пусть и ниже прежнего, но не создает стартовых условий и не дает предпосылок для повышения социального статуса, не мотивирует вертикальную восходящую мобильность. Работники в госбюджетных сферах (где многие услуги давно стали платными) не стремятся заняться частной предпринимательской деятельностью, чтобы лучше адаптироваться к рыночным условиям. Добавим к этому, что важную роль играет не только отсутствие желания «открыть собственное дело». Мотивация к открытию собственного дела должна иметь серьезное подкрепление в виде первоначального экономического капитала и надежного социального капитала, имея в виду деловые связи. Кроме

того, не на последнем месте должно быть умение руководить, деловые качества. С большой долей вероятности можно предположить, что всего этого слишком мало у малообеспеченных семей, а чаще вообще отсутствует.

Мы согласны с тем, что основными направлениями для повышения жизненного уровня населения с целью сокращения масштабов бедности «новых бедных» семей должны стать эффективная социальная политика, достойная оплата труда квалифицированных специалистов, формирование среднего слоя с соответствующим уровнем доходов (а не только уровнями образования), осуществление соответствующей политики занятости для создания «новым бедным» семьям надлежащих условий и формирование активных социальных стратегий, которые в итоге должны привести семьи с трудоспособными взрослыми и детьми к самостоятельному выходу из состояния малообеспеченности. Поэтому на федеральном уровне необходима разработка целостной концепции социального реформирования в соответствии со сроками и целями экономического реформирования и с учетом социально-экономических особенностей российских регионов.

Подводя итоги, можно предложить формулу для определения вероятности вертикальной социальной мобильности, которая, как и всякая вероятность, должна меняться в пределах от -1 до +1:

$$BVM = F(S_0 + F_{об} + F_{суб}),$$

где BVM – вероятность вертикальной восходящей мобильности, F – обозначение функции, S_0 – начальный социальный статус молодых поколений, совпадающий с социальным статусом малообеспеченной семьи, $F_{об}$ – объективные факторы, $F_{суб}$ – субъективные факторы, действующие на вероятность восходящей мобильности.

Значения вероятности меняются в пределах от -1 до +1, а факторы могут иметь три типа значений – высокие, средние, низкие.

Можно предположить, что существуют две группы таких вероятностей – вероятность социальной мобильности для отдельной личности и для всего слоя молодых поколений из малообеспеченных семей. Тогда вторая вероятность будет выражаться как интегральная сумма первых.

К группе объективных факторов относятся социально-экономическая ситуация в регионе, спрос на работников с профессиональным образованием на региональных рынках труда, уровень жизни регионального социума.

К факторам субъективного характера относятся личностные характеристики, образовательный уровень, используемые социальные стратегии. Используемые социальные стратегии образуют три типа – пассивные, выжидательные, активные (инициативные).

На наш взгляд, такая методика позволит рассчитывать индексы для отнесения малообеспеченных семей в группы для оказания им не только общей для всех, но адресной социальной помощи в соответствии с их социальными потребностями и способностями к выработке социальных стратегий разных типов.

Примечания

- ¹ См.: Барсукова С. В., Барсуков С. М. «Новые бедные» семьи в социальной структуре российского общества : теоретический аспект // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 289–295.
- ² См.: Вавилина Н. Д. Качество жизни в системе инновационного развития региона : Методология анализа и система показателей качества жизни населения // Мир науки. 2013. № 3. С. 3–15.
- ³ См.: Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Объективные и субъективные факторы социального самочувствия бедного населения (региональный аспект) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 275–285.
- ⁴ См.: Печеная Л. Т., Толкачева С. В., Домарев И. Е. Проблема бедности в России и в мире : способы оценки, пути снижения // Экономика : вчера, сегодня, завтра. 2017. Т. 7, вып. 6А. С. 78–100.
- ⁵ См.: Римашевская Н. М. Риски бедности в современной России // Народонаселение. 2010. № 2. С. 4–9.
- ⁶ См.: Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 2. С. 37–67.
- ⁷ См.: Ярыгина Т. В. Особенности социальной политики в современных условиях // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 26 : Государственный аудит. 2013. № 1. С. 24–36.
- ⁸ См.: Овчарова Л. Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11. С. 78–89.
- ⁹ См.: Радаев В. В. Экономическая социология в России : становление и развитие // Экономическая социология. 2004. Т. 5, № 3. С. 94–109 ; Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социс. 2004. № 4. С. 33–43.
- ¹⁰ См.: Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности в России» // Вопр. экономики. 2018. № 1. С. 104–127.
- ¹¹ См.: Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социс. 2019. Т. 45, № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2
- ¹² См.: Пляскина Г. Е., Бордоев Д. Г. Анализ доходов населения Республики Бурятия в условиях экономической нестабильности // Стратегическое планирование и новая индустриализация : сб. ст. ежегодной науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Изд-во Восточно-Сибирского гос. ун-та технологий и управления, 2015. С. 80–85.
- ¹³ См.: Барсукова С. В., Барсуков С. М. Указ. соч.
- ¹⁴ См.: Каримова Л. Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 134–141.

Образец для цитирования:

Кошарная Г. Б., Найденова Л. И., Каримова Л. Ф. Проблема мобильности молодого поколения в малообеспеченных семьях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 133–137. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-133-137>

Cite this article as:

Kosharnaya G. B., Naydenova L. I., Karimova L. F. The Problem of Younger Generation's Mobility in Low-Income Families. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 133–137 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-133-137>

УДК 316

Репрезентация профессиональных групп и династий в советском медиапространстве (по публикациям газеты «Известия» 1965–1980 гг.)

К. О. Черняева, Н. В. Сорокина

Черняева Ксения Олеговна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; доцент кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, chernjaevaksenia@mail.ru

Сорокина Наталья Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Психология и прикладная социология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., natalia.sorokina.nv@gmail.com

Предлагаемая работа связана с социологической рефлексией позиций профессиональных групп и трудовых династий в структуре советского общества, зафиксированных в печатных СМИ, а именно газете «Известия», 1965–1980 гг. Это результат размышлений о специфике репрезентации профессии и поколенческой преемственности, реализуемой в сфере труда. Идеи наследие, отраженное в текстах газетных статей, популяризируемое и транслируемое в массы, служит богатым материалом для исследования, способным вскрыть значимые культурно-ценностные ориентиры ушедшей эпохи. Цель исследования формулируется как социологическая рефлексия публичного дискурса относительно профессиональных групп и профессиональных династий в данный период в публикациях центральной газеты «Известия». Эмпирическую базу исследования составили результаты дискурс-анализа выпусков газеты «Известия». Методологическая рамка исследования задана идеями критического дискурс-анализа М. Фуко, М. Йоргенсен и Л. Филлипс. В Советском Союзе в 1965–1980 гг. основные дискурсы задаются официальной прессой, прежде всего газетами «Правда» (орган ЦК КПСС) и «Известия» (орган Советов народных депутатов СССР). Исследование позволяет ответить на вопрос, каким образом в публикациях газеты «Известия» выстраиваются профессиональная идентичность и социальный статус советских рабочих, колхозников, интеллигенции, связанные с их повседневным трудовым опытом. Безусловным трендом в публикациях 1960-х гг. становится обращение к науке как главному драйверу социально-экономического развития страны. Подчеркивается важность естественных наук, психологии, педагогики. Особенно важно отметить, что управление производственным процессом и трудовыми кадрами начинает осмысливаться в научных терминах. Статьи, освещающие тему профессионализма и династичности, отражают значимые для эпохи формы интерпретаций идентичности, общественного устройства и социальных отношений. В период 1965–1980 гг. объем и частота публикаций с упоминанием рабочих и сельскохозяйственных тружеников снижается, замещаясь дискурсом интеллектуального труда.

Ключевые слова: профессиональная династия, социология профессиональных групп, дискурс-анализ, советская газета.

Поступила в редакцию: 21.01.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Representation of Professional Groups and Dynasties in the Soviet Media (By the Publications of the Newspaper "Izvestia", 1965–1980)

K. O. Chernyaeva, N. V. Sorokina

Ksenia O. Chernyaeva, <https://orcid.org/0000-0003-4906-3654>, Southern Federal University, Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia; Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, chernjaevaksenia@mail.ru

Natalia V. Sorokina, <https://orcid.org/0000-0002-9906-3399>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, natalia.sorokina.nv@gmail.com

The article deals with the sociological reflection of the professional groups' and labor dynasties' positions in the structure of Soviet society, recorded in the printed media (namely, the "Izvestia" newspaper 1965–1980). The article presents the results of the reflection on the representation specifics of the professional and generational continuity in the world of labor. The ideological heritage, reflected in the texts of newspaper articles, popularized and broadcast to the masses, serves as a rich material for the research able to reveal significant cultural and value orientations of the bygone era. The purpose of the study is a sociological reflection of the public discourse regarding professional groups and dynasties in the publications of the Soviet Union central newspaper "Izvestia". The empirical base of the study contains the results of the discourse analysis of the "Izvestia" newspaper from 1965 to 1980. The methodological framework of the study is based on the ideas of critical discourse analysis. The study answers the question of how, the professional identity and social status of Soviet workers, collective farmers and intelligentsia are constructed concerning their daily work experiences in the "Izvestia" media space. The unconditional trend is turned to science, as the main driver of the country's socio-economic development in the publications of the 60s. The importance of the natural sciences, psychology, pedagogy is emphasized. It is especially important to note that management is beginning to be conceptualized in scientific terms. The main discourses are set by the official press, first of all, by the newspapers "Pravda" (the media organ of the Central Committee of the CPSU) and "Izvestia" (the media organ of the Soviets of People's Deputies of the USSR). The articles covering the topics of professionalism and dynasty reflect the forms of interpretations of identity, social structure and social relations. It is noted, that the volume and frequency of the publications mentioning workers and agricultural workers declines, being replaced by the discourse of the intelligent labor by the period between 1965–1980.

Keywords: professional dynasty, sociology of professional groups, discourse-analysis, soviet newspaper.

Received: 21.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-138-145>

Предлагаемая работа связана с социологической рефлексией позиций профессиональных групп и трудовых династий в структуре советского общества, зафиксированных в печатных СМИ, а именно газете «Известия», 1965–1980 гг. Это результат размышлений о специфике репрезентации профессии и поколенческой преемственности, реализуемой в сфере труда. Идею наследие, отраженное в текстах газетных статей, популяризируемое и транслируемое в массы, служит богатым материалом для исследования, способным вскрыть значимые культурно-ценностные ориентиры ушедшей эпохи.

Контекстуально исследование согласуется с идеями П. Штомпки о модальности исторической традиции: течение человеческой истории есть общественное движение от произошедшего к грядущему. Социальные процессы непрерывны, прошлое неразрывно связано с настоящим и оформляет основу для будущего общества. Коллективная память (в том числе сохраненная в архивах библиотечных фондов, где собраны подшивки советских газет, которые мы анализировали в рамках данного исследования) «обращается к историческим записям всех видов, в которых уже зарегистрированы свидетельства предыдущих поколений» и влияет на формирование исторического сознания, возможного благодаря фиксации фактов из прошлого в письменных источниках. «То, что перенимают сообщество или группа от предыдущих фаз групповой жизни на мезоуровне, составляет “групповое наследие”»¹, в нашем случае – это наследие профессиональных групп, т. е. истории, повествующие о профессиональной стороне жизни трудящихся в разных сферах занятости.

Цель исследования формулируется как социологическая рефлексия публичного дискурса относительно профессиональных групп и профессиональных династий в период 1965–1980 гг. в публикациях центральной газеты «Известия». Эмпирическую базу исследования составили результаты дискурс-анализа выпусков газеты «Известия» с 1965 по 1980 г. (N = 4986), находящихся в архиве библиотеки Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. В каждом выпуске содержится порядка 60 текстовых единиц (статей, заметок, справочной информации).

Методологическая рамка исследования задана идеями критического дискурс-анализа М. Фуко, М. Йоргенсен и Л. Филлипс. Дискурс

рассматривается как властная интенция, проходящая процедуру контроля и ограничения, опирающаяся на институциональную поддержку (укрепляемую практикой издательского дела). Вслед за Л. Филлипс и М. Йоргенсен, мы исходим из того, что дискурсы образуются и изменяются в повседневной дискурсивной практике², что актуализирует необходимость систематических эмпирических исследований повседневных разговоров, письменных сообщений, публичных текстов. Анализ текстов производится в двух аспектах: с точки зрения модальности, собственных лингвистических особенностей и социальных практик, поддерживающих практики дискурсивного порядка. Другими словами, средствами газетного языка формируются и укрепляются идентичности, представления о мире, социальные отношения. Использование языка зависит от социальных обстоятельств, именно в этом смысле он и выступает как дискурс³. Газетные тексты, посвященные профессиональным группам и профессиональным династиям, дискурсивно связаны с повторяющимися логиками изложения, отражающими типичные сюжеты, поддающиеся дальнейшей группировке и осмыслению.

В ходе сплошного просмотра доступных выпусков газеты «Известия» был сформирован пул текстов, содержащих информацию о профессиональном выборе и трудовой преемственности в советских семьях. Во внимание принимались количественные показатели (частота, динамика, объем сообщений) и качественные (каким образом репрезентируются профессиональные группы и профессиональные династии, каковы дискурсивные особенности их представлений, каким образом материалы соотносятся с дискурсивными и социальными практиками). Другими словами, исследование позволяет ответить на вопрос, каким образом в публикациях «Известий» выстраиваются профессиональная идентичность и социальный статус советских рабочих, колхозников, интеллигенции, связанные с их повседневным трудовым опытом.

Теоретические основы исследования связаны с социологией профессий, в фокусе которой изначально находились так называемые «канонические» профессии, обладающие набором неотъемлемых формальных характеристик, подтверждающих их статус. Профессия остается и общественным маркером социальной структуры, и элементом габитуса, идентичности, самосознания членов профессиональных групп. Иерархическое соотношение профессий меняется со временем, но всегда выступает как дискурсивная формация, результат соглашений между государством, профессиональными объединениями, бизнес-структурами и обществом⁴.

Сложившаяся к настоящему времени социология профессиональных групп фокусирует внимание на широком диапазоне сообществ,

объединенных общим видом занятия (трудовой деятельности), что позволяет исследовать свойства и характеристики профессиональных групп, не укладывающихся в узкое определение универсальной канонической модели профессии. Таким образом, проводятся исследования офисных работников, инспекторов служб в заповеднике, служительниц секс-индустрии, топ-менеджеров избирательных кампаний, мойщиков машин и даже родителей как особой профессиональной группы⁵. Наша работа сосредоточена на тех публичных смыслах, которые приписываются профессиональным группам и династиям в советском публичном пространстве.

«Известия» как проводник и генератор социальных дискурсов

Газета «Известия» ведет свое существование с 28 февраля 1917 г. (13 марта по новому стилю). Созданная как орган Петроградского совета рабочих депутатов буквально за одну ночь, газета призвала бороться со старой властью силами «выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп»⁶. И уже в первом выпуске расставлены идеологические и властные приоритеты в отношении профессиональных групп.

«Известия» – советская и российская общественно-политическая и деловая ежедневная газета, позиционирующая себя как самый прочный, долговечный и устойчивый бренд на рынке СМИ. В Советском Союзе эта газета занимает позицию ведущего издания Верховного Совета СССР. Ее полное название несколько раз менялось: с 1938 по октябрь 1977 г. газета называлась «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»; с октября 1977 по август 1991 г. – «Известия Советов народных депутатов СССР», с августа 1991 г. – «Известия». Последнее наименование мы используем в данной публикации как общее для исследуемых периодов.

В рубриках газеты освещались такие темы, как политическая ситуация внутри страны и за рубежом, критика капиталистических режимов, научные открытия, истории Героев Социалистического Труда, воспитание подрастающего поколения, обзор событий культурной и спортивной жизни. Объем газеты составляет 12–48 полос; «Известия» выходили с периодичностью пять раз в неделю, с понедельника по пятницу.

На протяжении более ста лет газета сочетает традиции и современность: «...остроактуальное и новостное, помещенное в рамки столетнего издания, сразу становится частью истории... без исторического наследия она была бы всего лишь одним из самых влиятельных российских СМИ, без попадания в контекст времени, – национальным достоянием, раритетом, интересным только

исследователям медиа»⁷. Важнейшими характеристиками бренда выступают инновационность, эксклюзивность, приверженность гуманитарным ценностям, сохранение исторической памяти, уважение к человеку, его личному выбору и правам⁸. Последнее представляется значимым в контексте исследования трудовых династий и ценностей профессионального выбора.

Для нас важно отметить, что именно «Известия» в определенном смысле выступали генератором и даже ньюсмейкером социально значимых событий⁹, задавая дискурсивные практики и расставляя коммеморативные акценты. Как пишет П. Нора, прошлое «говорит с нами лишь через оставленные им следы, загадочные следы, смысла которых мы должны допытываться, потому что в них скрывается секрет того, что мы есть, нашей “идентичности”»¹⁰. Дискурсивный анализ текстов, опубликованных в газете, позволяет обрести прошлое, реконструировать общую почву с прошлым и передать его потомкам.

Конструирование социальной ценности профессий и репрезентации профессиональных династий

Безусловным трендом в публикациях 60-х гг. становится обращение к науке как главному драйверу социально-экономического развития страны. Подчеркивается важность естественных наук, психологии, педагогики. Особенно важно отметить, что управление и организация трудового процесса начинает осмысливаться в научных терминах.

К началу 1960-х гг. страна была поставлена перед необходимостью выбора стратегии экономического развития на фоне некоторого спада конца 50-х гг. Общественные дискуссии, в которых принимали участие как ведущие экономисты, так и руководители-практики, завершились переходом к новому экономическому курсу, получившему название косыгинской промышленной реформы¹¹.

В середине 60-х гг. «Известия» неоднократно обращаются к теме интеллигенции и важности образования. Так, в рубрике «Кругозор специалиста. Возвращаясь к напечатанному» тему поднимают не профессиональные журналисты, а представители данной социальной группы: лектор общества «Знание» А. Омбелев (г. Харьков), учителя Н. Верхотуров, А. Довбыш (Голицыно, Московская область), декан медицинского института В. Чернявский (г. Красноярск). Примечательна география авторов, она корреспондирует с масштабом обсуждаемых вопросов. В материале «Университет сердца» А. Омбелев рассуждает о том, что студентам следует не только посещать театр, но и вести себя в театре в соответствии с этическими нормами, которые должны определять поведение любого молодого человека не только на культурных мероприятиях, но и в жизни.

Надо, очень надо учить студентов понимать искусство, любить прекрасное, уметь его видеть и на сцене, и в жизни. Конечно, это относится не только к студентам. Всех надо учить этикету. Но будущих специалистов – в первую очередь. На них будут равняться другие (А. Омбелев. «Университет сердца». Известия, 1965, 1 окт.).

Несовместимость поведения интеллигента с «нечистоплотностью в быту, вредными привычками, пренебрежительным отношением к товарищам, грубостью» поднимается в заметке В. Чернявского «Воспитание воспитателей» (Известия, 1965. 1 окт.).

В том же номере учителя Н. Верхотуров и А. Довбыш критически осмысливают ситуации профессиональной стагнации, сужение круга опыта в деятельности учителя. Авторы поднимают вопрос о необходимости обновления естественнонаучных и гуманитарных знаний, непрерывного образования, ведения научно-исследовательской работы после окончания вуза. Именно в непрекращающемся образовании кроется социальный код советской интеллигенции.

Ну а если приглядеться к зрелым педагогам, то среди них тоже можно обнаружить таких, которые «намертво» забыли, скажем, высшую математику или институтский курс физики, химии и истории. И не сожалеют об этом, не пытаются заглядывать в свои институтские учебники и конспекты, не говоря уже о попытках заниматься научно-исследовательской работой, хотя бы в самых элементарных формах. Но ведь без этого не может быть подлинного советского интеллигента, а тем более интеллигента – педагога (Н. Верхотуров, А. Довбыш. «Гарантия» аттестата». Известия, 1965, 1 окт.).

Отметим, что дискурсивная практика встраивания в понимание интеллигенции когнитивной рамки, высокого образовательного статуса и духовной культуры, твердых моральных устоев сохраняется и по сей день, воплощая память прошлого¹². Важным моментом конструирования образа советского интеллигента является его идеологическая надежность и лояльность к коммунистической партии. «Известия» неоднократно публикуют истории «старых» профессоров, перешедших на сторону Страны Советов. При этом особо фиксируется изначальное неприятие новой власти, предвзятое отношение к коммунистам. Но в результате происходит пересмотр идеологических ориентиров, переход на сторону советской власти. Вот как раскрывается профессиональный путь профессора Воронежского университета, а затем и института химического машиностроения (г. Москва) М. П. Дукельского:

Письмо профессора Дукельского явилось своеобразным откликом на письмо В. И. Ленина о партийной программе на VIII съезде РКП(б). Владимир Ильич говорил, что невозможно построить коммунизм, не привлекая старых спе-

циалистов, хотя многие из них враждебно относятся к народной власти.

М. П. Дукельский с раздражением писал, что специалисты на местах претерпевают унижения и страдания. Коммунисты и местные советские власти якобы натравливают на интеллигенцию народные массы, относятся к ней с недоверием, подозрительно...

Предубеждения, ошибки и заблуждения профессора Марка Петровича Дукельского были присущи не только ему одному. В своем письме он отразил настроение, мысли и чувства многих представителей старой русской интеллигенции, живших и действующих в ту сложную историческую эпоху...

На М. П. Дукельского особенно сильно подействовал мощный размах социалистической индустрии СССР, непосредственным участником которой он был. Это еще больше сблизило его с коммунистами. Старый профессор убедился в исторической правоте партии, в том, что путь, указанный ею, правилен, и в 30-е годы вступил в ее ряды...

Личное участие В. И. Ленина особенно сильно сказалось на судьбе Дукельского и предопределило ее (Л. Генкин. «Судьба профессора». Известия, 1965, 15 сент.).

Идеологическая преемственность поколений раскрывается через призму преданности вождю пролетариата Ленину и коммунистическим идеям не только в рамках Советского Союза, но и за его пределами, прежде всего в братских социалистических странах. Статья под названием «Наследники» (репортаж из братских стран, 1965 г.) повествует о партийном секретаре с двадцатилетним стажем, представителе рода из четырех поколений – Енче Ангелове. Занятый в сельском хозяйстве, Енче разделяет взгляды своего отца и демонстрирует всеми своими действиями твердую приверженность коммунизму. Сложный биографический путь «коммуниста-подпольщика», организующего народное сопротивление фашизму, начался с революционного подполья, в годы Великой Отечественной Енче прошел концлагерь, а в день освобождения Болгарии вновь возглавил сельских коммунистов. Освободители – воины Третьего Украинского фронта – рассказывали, «как в Советском Союзе строят жизнь по ленинской мечте», что стало дальнейшим ориентиром для «борца за народное счастье» (героя статьи), транслирующего партийные ориентиры.

«В свою очередь Енче, ставший отцом, по наследству передал своим детям главное – готовность служить людям, упорным трудом строить новую жизнь. Одна из дочерей Енче Ангелова первой в роду получила высшее образование», в родное село вернулась с сокурсником, ставшим ее мужем, с которым они «вместе стали работать в трудовом кооперативном земледельческом хозяйстве» (Н. Паниев. «Наследники». Известия, 1965, № 61).

Статья отражает наиболее значимые и публично одобряемые атрибуты «уважаемого рода»: наследование идеологических взглядов, получение образования, локальную приверженность месту (*своим трудом, своим участием в общественной жизни обновляем своё село, приближая его к городу*). При этом подчеркивается иная судьба наследников, доступность и ресурсность образования в 60-е по сравнению с поствоенными годами: *хочешь учиться – пожалуйста, работу выбирай по душе*, получив образование и энергично работая, молодые специалисты возглавляют садоводческие бригады и фермы, пережив эстафету у освободителей – ветеранов села, демонстрируя признательность и уважение старшему поколению.

Поскольку исторически еще не наступило время разговора о советских династиях интеллигентов, достаточно популярной становится тема наставничества. Так, в статье о своем профессиональном подходе профессор с 35-летним стажем делится волнениями: *Сумею ли стать для них [студентов] учителем? А вдруг превращусь в информатора по программе?*¹³. Примечательно и само появление рубрики «В большой профессорской» – символическое открытие малознакомой для публики внутренней кухни науки и высшего образования. Для сотрудников образовательной сферы важно не просто отчитывать материял, а увлечь студентов, делиться своим опытом с учащимися, демонстрировать личные взгляды на жизнь, помогать найти место в коллективе и устанавливать «связи», дабы воспитать юношей и девушек, которые через пять-пятнадцать лет будут

молодые инженеры, главные конструкторы, руководители заводов, научных институтов; Воспитание специалиста – творческая работа, здесь не обойтись комплексом ремесленных приемов, прямо-таки чрезвычайное значение в связи с коренным изменением управления промышленностью, намеченным Пленумом Центрального Комитета КПСС («Поднимаясь на кафедру». Рубрика «В большой профессорской». Известия, 1965, 6 окт.).

В который раз подчеркиваются значимость качества образования в плотной связи с воспитательной работой обучающихся, стремление к подготовке высококвалифицированных кадров, востребованных в сфере управления промышленностью.

В контексте династичности примечательна история о семидесятилетней Евдокии Лысенко (статья «Звезда одной династии». Известия, 1968, № 309), получившей звание матери-героини «за одиннадцать выращенных сыновей» (стоит отметить, что помимо сыновей у Евдокии имелось пятеро дочерей, которые в Указе о назначении не значились). Жизненный путь второго поколения семьи Лысенко интерпретируется в привязке к двум наиболее значимым

патриотическим сюжетам: во-первых, участие сыновей в Великой Отечественной войне, «которые не могли не вернуться к матери – таков был неписанный закон семьи», во-вторых, жизнь и работа большинства детей семьи Лысенко в родном колхозе, вплоть до выхода на пенсию, при том что «колхоз ничем не выдающийся, смешанное многоотраслевое хозяйство». Подчеркиваются не только патриотизм и самоотдача военного поколения, но и строгое следование семейным канонам, приверженность месту рождения и труда. Линия женских жизненных историй актуализируется в связи с созданием семьи и деторождением.

В 1970-х гг. в советских научных трудах появляются исследования, посвященные специфике профессиональных групп. В 1977 г. выходит книга, излагающая результаты «обследования» группы инженеров (более 1000 чел.) ленинградской проектно-конструкторской организации. Команда исследователей отмечает формирование профессиональной морали и общеразделяемых профессиональных стандартов, приводящих к «консолидации лиц, принадлежащих профессии»¹⁴.

На стадии перехода от хрущевской оттепели к брежневской эпохе еще какое-то время сохраняются амбиции и оптимистический задор, готовность к грандиозному социалистическому строительству. Вместе с тем такое настроение плохо вязалось с инертным режимом брежневского правительства, взявшим курс на стабилизацию и отказ от революционных преобразований. Возникает необходимость формирования и продвижения имиджа власти и ее репутации.

В «Известиях» появляется рубрика «Рассказы о депутатах», и это становится новым шагом конструирования и дискурсивного оформления новой социальной группы партийной номенклатуры, которая сталкивается с необходимостью сочетать в себе лучшие качества интеллигенции и трудового народа. Так, в материале о депутате Н. Е. Мирошниченко, мастере Харьковского тракторного завода, корреспондент пишет:

О многом заставил задуматься меня мой собеседник. Вспомнил и слова секретаря о нем: «Думает и других заставляет думать...».

Вот несколько строк, выуженных мною из записных книжек Н. Е. Мирошниченко:

«Не обещать зря, лучше отказать, чем обмануть». «Взялся за дело – разбейся, а доведи его до конца». «Подсказчиков, да указчиков много и без нас. Надо быть организатором». «Не бороться за решение вопроса – решать, делать». «Если трудно, если не получается – иди к людям»...

Первый четверг каждого месяца у Мирошниченко – приемный день. Но принимает он и в другие дни...

Такое вот непрерывное общение с людьми позволяет депутату ставить перед Вер-

ховным Советом вопросы большой важности (И. Штанько. «С людьми и для людей». Известия, 1965, 15 окт.).

В связи с упадком сельскохозяйственной политики, вызванной промышленной реформой в середине 1960-х гг., совнархозы перестают играть ведущую роль в экономике страны. Развитие науки и усиление ее значимости в трудовой жизни формирует дискурс новых профессиональных групп, таких как инженеры, конструкторы, энергетики, руководители заводов и сотрудники научных институтов.

Понятие о профессионале и эффективном труде неразрывно связаны с обращением к достижениям науки, внедрением инновационных технологий, которые рассматриваются как основа социально-экономического развития страны. С одной стороны, высоко ценится тяга трудящихся к естественнонаучным знаниям, способствующим развитию техники, усовершенствованию оборудования, а с другой – к психологии и педагогике, без которых невозможны слаженная работа коллективов, укрепление трудовой мотивации, проявления инициативности и креативность при решении общих организационных задач. Управленческий подход теперь осмысливается и излагается с опорой на научную терминологию.

Особое место в публикациях конца 1960-х и всех 1970-х гг. отводится достижениям в космонавтике, освоению СССР космического пространства. На первых полосах «Известий» регулярно сообщается о запуске межпланетных автоматических станций «Венера-5» и «Венера-6», первой в истории стыковке двух космических кораблей и переходе космонавтов Елисеева и Хрунова из одного корабля в другой, старте ракеты-носителя «Протон-К», запуске трех космических кораблей. Отметим, что особое значение придается полетам именно в октябре – в память о Великой Октябрьской Социалистической революции. Но это еще и манифест символической победы в политическом соревновании с буржуазным миром за космические достижения. Под стать и заголовки целевых газетных полос: «Славная страница летописи освоения Вселенной», «Слава мужественным исследователям космоса!», «Новый рубеж советской космонавтики», «Мир восхищен. Мир рукоплещет», «Триумф разума, мужества и отваги» и др.

Во время разрядки международной напряженности советско-американских отношений в дискурс комического соперничества вводится идея сотрудничества. Однако невозможно не заметить, что на первой полосе вечернего выпуска газеты от 16.07.1975 г. в центре размещено 8 кратких информационных сообщений и фотография об историческом совместном проекте СССР – США (Союз–Аполлон), причем послание Президента Соединенных Штатов размещено между сообщением специального корре-

спондента Б. Колтового из Центра управления полетами Хьюстона и заявлением комиссара студенческого отряда Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта Л. Черепкова о том, что, выполняя ответственное задание по устройству систем автоматики на БАМе, они с волнением и надеждой ждут сообщений о международном полете.

Наиболее ярко идеи международного мира и дружбы отражаются в публикациях 1979–1980 гг., посвященных Олимпиаде в Москве.

Значительная часть публикаций посвящена освоению Арктики, строительству новых нефте- и газодобывающих предприятий в Сибири, Донбассе, проведению новых линий электропередач, морскому судоходству. Рефреном звучат хроники строительства Байкало-Амурской магистрали и ежегодные итоги выполнения пятилетних планов, с годами снижается частота публикаций об освоении целины. Вместе с тем с середины 70-х гг. в газете появляется рубрика «Экономика», в которой освещается возможность приложения советской экономической мысли к практике народного строительства. Артикулируются безусловные достижения атомной отрасли (Курская АЭС, атомный ледоход «Арктика»). Появляется рубрика «Больше хороших товаров» (с 1976 г.), где в условиях тотального дефицита и особой советской эстетики массового производства представлялись возможности производства качественных бытовых товаров для народа. Примерно с одинаковой частотой на протяжении 1975–1980 гг. публикуются материалы о сельском хозяйстве, культуре и спорте. Более того, материалы, как правило, подают события в масштабе страны, где собственно личность теряет свои персональные качества, но наделяется обобщенными свойствами строителя коммунизма. Как ни странно, наша первоначальная гипотеза о том, что со сменой поколений должно появиться больше публикаций о трудовых династиях, не подтвердилась. Как и прежде, династический дискурс обнаруживается довольно редко. В статье о туркменской ткачихе Эне Овезовой и ее семье проводится связь между семейным профессиональным выбором и депутатской деятельностью главной героини в общем контексте истории Туркменистана.

Комбинат и мы, Абаевы, можно сказать, одно целое, как нить в одной основе. Папа мой, Мясликкули-ага, пришел в цех в январе, и ушел в январе ... через 40 лет. Вместо себя старшего сына поставил, а сам другим делом занялся, по возрасту и по силам. Там же на комбинате. Моя мама, правда, теперь уже не работает, так как у нее внуков больше тридцати. На комбинате две моих сестры – Дурсун и Огульширин... Разрослась наша династия, словно большое ветвистое дерево. И хоть разные на нем плоды, а корень один, одна основа – честное, добросовестное отношение к делу, которое избрал...

Когда я мысленно представляю путь моей семьи, я мысленно представляю путь моей республики. Те же трудности. Те же удачи. Те же достижения (П. Демидов. «Рассказы о депутатах. Основы». Известия, 1978, 28 июня).

Профессиональная династия представляется как «уважаемый род» с набором характерных атрибутов: преданность власти, следование идеологическим взглядам старшего поколения, приверженность к месту рождения и труда (работа на одном предприятии нескольких поколений), получение образования и создание семьи для передачи семейного наследия, состоящего из канона негласных одобряемых стратегий жизненного пути.

Итак, подводя итог, отметим, что социальное конструирование профессиональных групп и трудовых династий находит достаточно полное представление в медийном пространстве. В Советском Союзе 1965–1980 гг. основные дискурсы задаются официальной прессой, прежде всего газетами «Правда» (органом ЦК КПСС) и «Известия» (органом Советов народных депутатов СССР).

Ориентированная на самую широкую аудиторию, имея огромные тиражи (в 1967 г. – более 8,5 млн экз., печать в местных типографиях 34 городов), газета «Известия» задает доминирующие дискурсы и становится полем дискурсивных практик.

На фоне угасания оттепели 60-х, снижения эффективности партийно-государственной системы управления народным хозяйством газетные тексты, посвященные профессиональным группам и профессиональным династиям, содержат повторяющиеся логики изложения и отражают типичные сюжеты социальной жизни – непрерываемое доверие партии, превосходство советского производства, важность науки и образования.

Статьи, освещающие тему профессионализма и династийности, отражают значимые для эпохи формы интерпретаций идентичности, общественного устройства и социальных отношений. Тексты «Известий» характеризуются ориентацией на продвижение гуманитарных ценностей, укрепление прав личности, пропаганду инновационности в научной сфере, новостную эксклюзивность и формированием исторической памяти. Проанализированные сюжеты газетных заметок сгруппированы и укладываются в своеобразную типологию, исходя из форм подачи центральных сюжетных линий и изложения жизненных историй статейных героев.

Несмотря на более чем полувековую историю социалистического государства, обращение к профессиональным династиям еще не представляется популярной темой известинских публикаций. Именно посредством печати транслируются приоритеты главенствующей идеологии и ориентиры власти по отношению к профессиональным группам. Наряду с высоким профессио-

нализом человек труда неизбежно предстает как верный ленинским (но не всегда семейным) традициям. Именно эта дискурсивная практика впоследствии привела к повышенному вниманию к родословной, поиску генеалогических корней и даже к появлению особого ностальгического туризма.

В период 1965–1980 гг. объем и частота публикаций с упоминанием рабочих и сельскохозяйственных тружеников снижается, замещаясь дискурсом интеллигентного труда. В ракурсе рассуждений об интеллигенции (учителях, академках) усиливается значимость непрерывности образования. В историях о профессиональных группах популярны сюжеты, в которых посредством получения образования трудящийся может как повысить свою квалификацию, так и занять управленческую позицию. Таким образом, образование выступает лифтом социальной мобильности. Образованность связывается с понятиями о культуре общения, этике и морали. Так конструируется образ интеллигентного профессионала. Поведение интеллигента медийно конструируется в связи с порицанием социальных пороков и регламентацией в сфере гигиены и устройства быта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00320).

Примечания

- 1 Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 89.
- 2 См.: Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. С. 41.
- 3 Там же С. 153.
- 4 См.: Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий : государство, медицина и рынок Великобритании. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/668/562/1216/olson-sax-profession.doc> (дата обращения: 24.09.2019).
- 5 См.: Гадея Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп. За изменение перспективы // Антропология профессий : границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 15–34.
- 6 Бонч-Бруевич В. Рождение «Известий» : как создавался первый номер. URL: <https://iz.ru/news/651438> (дата обращения: 10.08.2019).
- 7 Осс Н. Сделано на века : В 2017 году «Известия» отметили свое столетие. URL: <https://iz.ru/689626/nataliia-oss/sdelano-na-veka> (дата обращения: 07.11.2019).
- 8 Там же
- 9 См.: 2017. «Известия»: новая жизнь легендарного бренда. URL: <https://100.iz.ru/news/658463> (дата обращения: 11.10.2019).

- ¹⁰ Цит. по: *Рождественская Е. Ю.* Комментарий на тему национальных режимов коммеморации // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* 2019. Т. 11, № 17. С. 82. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.6>
- ¹¹ См.: *Давыдова Ю. А., Громенко В. В.* Динамика промышленного развития СССР в 1960–70-е гг. // *Статистика и экономика.* 2014. № 5. С. 22–23. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2014-5-22-24>
- ¹² См.: *Попов Д.* Основные направления концептуализации понятия «Интеллигенция» // *Профессия.doc. Социальные трансформации профессионализма : Взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 58–59.*
- ¹³ «Поднимаясь на кафедру». Рубрика «В большой профессорской» // *Известия.* 1965. 6 окт.
- ¹⁴ Социально-психологический портрет инженера : По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций / Г. С. Антипина, В. А. Ядов, А. А. Клесель [и др.] ; под ред. В. А. Ядова. М. : Мысль, 1977. С. 15.

Образец для цитирования:

Черняева К. О., Сорокина Н. В. Репрезентация профессиональных групп и династий в советском медиапространстве (по публикациям газеты «Известия» 1965–1980 гг.) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 2. С. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-138-145>

Cite this article as:

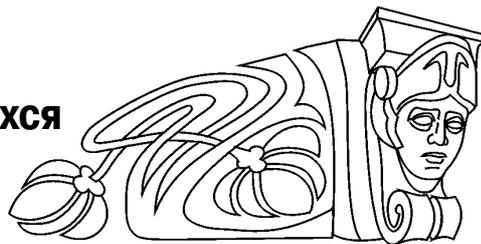
Chernyaeva K. O., Sorokina N. V. The Representation of Professional Groups and Dynasties in the Soviet Media (By the Publications of the Newspaper “Izvestia”, 1965–1980). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 138–145 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-138-145>

УДК 316.3

Специфика адаптации и навыков межличностного общения обучающихся

Ю. М. Перевозкина, А. С. Тишкова, О. Б. Ганпанцурова

Перевозкина Юлия Михайловна, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, per@bk.ru

Тишкова Альбина Сергеевна, старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, umarowa.albina@yandex.ru

Ганпанцурова Ольга Борисовна, старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, olgana74@mail.ru

В статье рассматривается специфика адаптации и навыков межличностного общения кадетов и школьников в подростковом возрасте. Адаптационные процессы представлены в социально-психологическом контексте вхождения в образовательное учреждение и рассматриваются как неотъемлемая часть межличностного общения. При этом в данной работе межличностное общение выступает в качестве постоянного условия любых форм социальной и индивидуальной жизни человека, а также детерминантой любого вида совместной деятельности индивидов. Отмечено, что вырабатывать новые стратегии адаптационных и коммуникативных возможностей обучающимся помогают специфические индивидуально-ориентированные навыки межличностного взаимодействия. Особое внимание уделяется психолого-педагогическому сопровождению обучающихся в современном образовательном пространстве, заключающемся в стимулировании и мотивировании обучающегося к развитию индивидуально-ориентированных навыков общения, овладении коммуникативными умениями и дальнейшем их совершенствовании в процессе адаптации. Приводятся результаты исследования, направленные на выявление специфики межличностного общения и адаптации обучающихся (кадетов и школьников). В частности, в основе успешной адаптации лежат индивидуально-ориентированные навыки межличностного общения, которые ребенок приобретает в процессе взаимодействия со значимыми взрослыми, в семейной среде и в процессе обучения и социализации. Отмечено, что структурированность и организованность данного процесса может рассматриваться как наиболее действенный способ для раскрытия коммуникативной стороны общения по отношению к адаптации.

Ключевые слова: межличностное общение, коммуникация, адаптация, социально-психологическая адаптация, кадеты, школьники.

Поступила в редакцию: 22.01.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Specificity of Adaptation and Skills of Interpersonal Communication of Students

Yu. M. Perevozkina, A. S. Tishkova, O. B. Ganpanzurova

Yulia M. Perevozkina, <https://orcid.org/0000-0003-4201-3988>, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia, per@bk.ru

Albina S. Tishkova, <https://orcid.org/0000-0002-3854-982X>, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia, umarowa.albina@yandex.ru

Olga B. Ganpanturova, <https://orcid.org/0000-0002-8884-4851>, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk 630126, Russia, olgana74@mail.ru

The article discusses the specifics of adaptation and interpersonal communication experiences of cadets and school children in teenage years. The adaptation processes are presented in the socio-psychological context of joining an educational institution and are considered as an integral part of interpersonal communication. The article considers, interpersonal communication as an indispensable condition for any form of social and private life of a person, as well as a determinant of any type of individuals' joint activity. It is noted that the specifics of individually-oriented interpersonal interaction skills help the students to develop new strategies for adaptive and communicative opportunities. Particular attention is paid to the psychological and pedagogical support of students in the modern educational space, presented by stimulating and motivating the student to develop individually-oriented communication skills, mastering communicative skills and their further improvement in the process of adaptation. The results of the study are aimed at identifying the specifics of interpersonal communication and adaptation of students (cadets and schoolchildren). In particular, the basis of successful adaptation lies in individually-oriented interpersonal communication experiences that the child acquires in the process of interaction with significant adults, in the family environment and in the process of learning and socialization. In conclusion, it is noted that the subsidiarity and organization of this process can be considered as the most effective way of revealing the communicative side of communication in relation to the adaptation.

Keywords: interpersonal communication, communication, adaptation, socio-psychological adaptation, cadets, schoolchildren.

Received: 22.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-146-153>

В современных социокультурных условиях предъявляются новые требования к специфическим индивидуально-ориентированным навыкам

межличностного взаимодействия, позволяющим личности вырабатывать новые стратегии адаптационных и коммуникативных возможностей. Адаптация выступает неотъемлемой частью межличностного общения. Межличностное общение является непременным условием любых форм социальной и индивидуальной жизни человека, а также детерминантой любого вида совместной деятельности индивидов по освоению окружающей действительности и удовлетворению своих собственных потребностей. Только в процессе общения формируются образцы и модели человеческого поведения, развивается способность к оценке, анализу и категоризации понятий и объектов окружающего мира. Многообразие ситуативных условий взаимодействия обуславливает потребность личности варьировать свое поведение с целью активного функционирования в обществе.

Смена социальной ситуации развития в период взросления актуализирует проблему социально-психологической адаптации личности. При этом гармоничное соотношение между требованиями изменяющейся социальной ситуации и интересами, потребностями и ценностями личности создает благоприятные условия для полноценного развития личности. В процессе межличностного общения с другими людьми личность включается в социальное взаимодействие и получает определенный социальный опыт, который активно преобразуется в собственные установки, ценности и позиции. Неотъемлемыми условиями личностного развития являются уровни социального взаимодействия и система отношений индивида с социумом. Этапы социализации ребенка всегда сопряжены с процессом адаптации к тому или иному образовательному учреждению, к педагогам, к коллективу сверстников. В основе успешной адаптации лежат индивидуально-ориентированные навыки межличностного общения, которые ребенок приобретает в процессе взаимодействия со значимыми взрослыми, в семейной среде и в процессе обучения и социализации.

Общение является сложным, многогранным процессом, имеющим определенную структуру, функции и описательные категории. Так, Б. Д. Парыгин охарактеризовал общение как одновременный процесс взаимодействия людей, процесс информационного обмена между ними, демонстрацию отношений людей друг к другу и как процесс их взаимного переживания и взаимного понимания друг друга¹. Проблема межличностного общения и адаптации к условиям образовательного учреждения, по мнению Л. М. Буршит, проявляется в следующем: неадекватные формы поведения, неумение устанавливать конструктивное межличностное общение, страх перед будущим и неуверенность в себе². В этой связи задачей современного образовательного пространства является стимулирование и

мотивирование обучающегося к развитию индивидуально-ориентированных навыков общения, овладение коммуникативными умениями и дальнейшее их совершенствование в процессе адаптации.

Для всех уровней образования становится актуальным развитие не только академических, теоретических знаний, которые сегодня принято обозначать как *Hard skills* навыки («жесткие» навыки). К этой категории навыков относятся все знания, контролируемые различными формами итогового контроля в образовательных учреждениях (ЕГЭ как одна из форм), все специальные навыки, приобретаемые в процессе профессионализации, также компьютерная грамотность и др. Поэтому в свете новой образовательной программы появляются обязательные компетенции, которые направлены на развитие *Soft skills* навыков («мягкие» навыки) – это индивидуально-ориентированные навыки, которые позволяют эффективно и гармонично взаимодействовать с другими людьми. К этим навыкам относятся: эмпатийное слушание; умение оказать вербальную помощь и поддержку; умение убеждать (без манипулятивных техник); навык ведения переговоров; умение разрешать конфликтные ситуации общения; групповое общение и многое другое. В настоящее время учащемуся недостаточно иметь только лишь теоретические знания и практические умения, для выживания и самореализации в современном мире ему необходимы определенные компетенции, т. е. индивидуально сформированные навыки эффективного общения и психологическая подготовка, позволяющие быстро адаптироваться в изменяющемся мире³. Повышение уровня коммуникативных умений представляет собой как самостоятельную цель, так и средство, позволяющее добиться значительных успехов во всех сферах развития обучаемых разных уровней, а также усовершенствовать процесс их адаптации к современным реалиям⁴.

В качестве одной из существенных составляющих взаимоотношений человека М. С. Соколова выделяет коммуникативную адаптацию (адаптацию к собеседнику), под которой понимает коммуникативное приспособление, основанное на ситуативных условиях общения и статусно-ролевых позиций его участников. При этом личность проявляет активность в поведении с целью достижения контакта с собеседником. На линию поведения участников коммуникации, по мнению автора, оказывает влияние ряд переменных: статусная и ролевая симметрия/асимметрия; психоэмоциональное состояние; когнитивные особенности; система ценностей языкового сообщества личности. Анализируя подходы к пониманию адаптации, М. С. Соколова предлагает ряд ключевых признаков коммуникативной адаптации: процессуальность (осознанный или неосознанный процесс); контекстуальность (влияние ситуативных условий на процесс обще-

ния); направленность на собеседника (учет внутриличностных особенностей коммуниканта); прагматичность (реализация определенной задачи в общении); комплексность (взаимопонимание на разных уровнях общения); двусторонняя обусловленность (поведение каждого обусловлено характером общения); динамичность (изменение поведения в контексте взаимодействия); результативность (влияние на характер взаимодействия)⁵.

Существует понятие «коммуникативная адаптация», примененное Г. Джайлзом в своей теории коммуникативной адаптации. Профессор Калифорнийского университета Г. Джайлз, изучая взаимодействие людей в коммуникационном процессе, фокусировался на внутриличностных и межличностных факторах, которые способствуют социально-психологической адаптации индивидов. В своей теории он описывает различные причины, по которым люди подчеркивают или, наоборот, сводят к минимуму социальные различия в процессе взаимодействия при помощи вербальной и невербальной коммуникации для достижения поставленных коммуникативных целей. Автор предлагает два процесса коммуникативной адаптации, необходимых для успешной социально-психологической адаптации личности. В первую очередь – это процесс коммуникативной конвергенции, к которому можно отнести все способы, умения и навыки, посредством которых индивиды приспосабливаются к коммуникативному поведению друг друга с целью сокращения существующей между ними социальной дистанции и достижения максимально эффективного общения. Во-вторых – это процесс коммуникативной дивергенции, рассматриваемый как обратный процесс и заключающийся в применении коммуникативных умений и навыков с целью акцентировать внимание на различиях в социальных статусах между собой и своим собеседником. При этом Г. Джайлз выделяет несколько факторов, имеющих ключевое значение для адаптивной коммуникативной ориентации: внутриличностные факторы (личностные особенности коммуникаторов, навыки общения, умения слушания собеседника); межгрупповые факторы (навыки общения в группе, навыки взаимодействия в команде, навыки ведения переговоров); исходные ориентации (навыки ассертивного общения, ориентация на решение конфликта)⁶.

В качестве основного показателя успешной социально-психологической адаптации, по мнению А. С. Кашапова, выступает наличие положительных отношений личности с окружающими людьми и отсутствие конфликтных ситуаций. Повышению уровня социальной адаптации субъекта способствует коммуникативная компетентность, источниками которой выступают: жизненный опыт, эстетическая деятельность, общая эрудиция и прогноз межличностного

взаимодействия с последующим повышением коммуникативной компетентности⁷. Ю. М. Перевозкина с соавторами отмечает, что одной из основных задач в развитии подростка является формирование коммуникативной стороны социализации как процесса. В результате проведенного экспериментального исследования авторами было доказано, что респонденты с успешной социализацией уверены в себе, имеют низкий уровень тревожности и обладают высоким уровнем коммуникативных способностей⁸.

Так, в диссертационном исследовании А. Д. Висловой было экспериментально подтверждено влияние негативных ассоциаций и моделей поведения подростков в контексте межличностного взаимодействия на способность к адаптации. Исследование взаимосвязи коммуникативной толерантности с адаптивными возможностями подростка, позволили А. Д. Висловой разделить респондентов на три группы в зависимости от степени выраженности адаптивности и характеристик коммуникативной толерантности. Первую группу – активно адаптирующихся – составили респонденты с высокой способностью не только к ориентации в социальной ситуации, но и к построению оптимальных взаимоотношений с другими людьми. Подростки следующей группы – пассивно адаптирующиеся – имеют оптимальный уровень принятия социальных норм и отношений с окружающими. В группе трудно адаптирующихся респонденты демонстрируют низкие показатели интеграции в окружающую среду и испытывают сложности в построении взаимоотношений с другими. Такие подростки с трудом идут на компромиссы с другими людьми в процессе общения⁹.

Как отмечала Н. В. Литвиненко, на каждой стадии психического развития изменяется место ребенка в системе человеческих отношений. Эмпирические исследования, проведенные автором, позволили выделить четыре группы подростков в зависимости от уровня социально-психологической адаптации: группа адаптации (17,7%), неполной адаптации (26,9%), затрудненной адаптации (32,7%) и группа дезадаптации (22,7%). Полученные данные позволили охарактеризовать специфику межличностного общения подростков каждой адаптационной группы. Так, при оптимальном уровне адаптации у респондентов отсутствуют затруднения в межличностном общении. Ученики с неполной адаптацией испытывают незначительные затруднения в общении, в отличие от респондентов с затрудненной адаптацией, которые имеют определенные сложности в системе взаимоотношений. В группе дезадаптированных школьников подросткового возраста были отмечены значительные нарушения межличностного общения со сверстниками¹⁰.

Экспериментальные исследования О. Г. Румбы с соавторами, выявляющие специфику социализированности подростков, обучающихся в

кадетской школе и общеобразовательной школе, позволили определить ряд сходств и различий по изучаемому параметру. В качестве критериев социализации авторы рассматривали следующие показатели: самоотношение; взаимоотношения с другими людьми и социометрический статус; представление о себе во временной перспективе; ценностные ориентации личности; отношение к школе. Проанализировав полученные результаты, авторы отмечают некоторые особенности социализации исследуемых групп. В первую очередь, в обеих группах у респондентов преобладают положительные характеристики в само-описании, такие как добрый, отзывчивый, умный, смелый и др. В особенностях временной перспективы у большинства из них отмечается позитивная интерпретация прошлого, гедонического настоящего и перспективного будущего. Что касается межличностного общения, то респонденты обеих групп наиболее важной для себя отмечают потребность быть принятым в референтной группе, избегать глубоких эмоциональных отношений и приспособляться в случае возникновения конфликтов. Различия в группе школьников и кадетов выявлены по показателю «Образ-Я», где у кадетов в большей степени выражается гражданственность. Кадеты в большей мере высказывают сомнения в адрес своего будущего, что может быть связано со сложностью дальнейшего самоопределения в военной профессии. В сфере межличностных отношений школьникам в большей степени присуще избегание ответственности и быть контролируемы. В конфликтных ситуациях они склонны прибегать к компромиссу и сотрудничеству, тогда как кадеты предпочитают соперничество. Отношения внутри коллектива сверстников в целом более благоприятны у школьников, чем у кадетов¹¹.

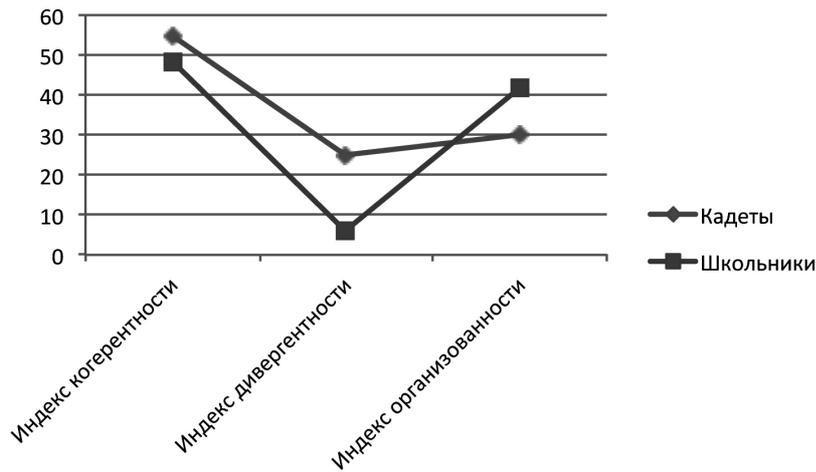
Целью нашего исследования стало выявление влияния специфики межличностного общения на социально-психологическую адаптацию обучающихся. В этой связи нами было проведено эмпирическое исследование с использованием методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса, Р. Даймонда (СПА), «Диагностика уровня социальной изолированности личности» Д. Рассела и М. Фергюссона (УСИЛ) и методики «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. В исследовании приняли участие 113 кадетов (76 мальчиков и 37 девочек) в возрасте от 13 до 16 лет, обучающихся в ГБОУ НСО «Кадетская школа-интернат «Сибирский Кадетский Корпус»», ГБОУ НСО «Сибирский авиационный кадетский корпус им. А. И. Покрышкина (школа-интернат)» и 127 школьников (49 мальчиков и 78 девочек) в возрасте от 14 до 16 лет, обучающихся в МБОУ СОШ № 105 г. Новосибирска. Для обработки полученных результатов использовался метод структурно-психологического анализа

А. В. Карпова¹², включающий метод ранговой корреляции г-Спирмена. Все респонденты были разделены на две группы в зависимости от типа образовательного учреждения: первая группа – кадеты, вторая группа – школьники. Затем в каждой группе производился расчет коэффициентов корреляции и выявлялись индексы когерентности, дивергентности и организованности структуры социально-психологической адаптации и межличностных отношений.

В результате проведенного исследования социально-психологической адаптации обучающихся (кадетов и школьников) необходимо обратить внимание на то, что в целом по двум группам преобладает высокий (59%) и средний (25%) уровни социально-психологической адаптации. Низкий уровень адаптации имеют лишь 16% респондентов. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что большинство обучающихся обеих групп имеют высокий и средний уровень социально-психологической адаптации. Для преобладающего числа респондентов будет характерна способность приспособляться к изменяющимся внутренним и внешним условиям, а также устанавливать оптимальное соответствие с окружающей средой. Несмотря на высокие показатели адаптационного потенциала учащихся, в группе выявлено 16% респондентов, имеющих низкий уровень социально-психологической адаптации. В этой связи можно заключить, что данная группа испытуемых с трудом будет устанавливать динамическое равновесие с внешней средой в условиях образовательной организации.

Применение структурно-психологического анализа позволило установить закономерности структурной организации социально-психологической адаптации и особенностей межличностного общения в двух группах (кадеты и школьники, рисунок). Для подсчета организованности корреляционных плеяд в каждой из двух групп нами были использованы специальные индексы, предложенные А. В. Карповым: индекс дивергентности структуры (ИДС), индекс когерентности структуры (ИКС), индекс организованности структуры (ИОС). ИДС характеризует меру дифференцированности входящих в структуру качеств и определяется суммированием отрицательных корреляций; ИКС, напротив, позволяет проанализировать интегрированность качеств и определяется суммированием положительных корреляционных связей. Интегральный показатель ИОС дает соотношение этих индексов, в нем выражается мера общей скоординированности качеств в структуре¹³.

Так, у кадетов обнаружен индекс когерентности структуры в 55 баллов, что незначительно выше в аналогичном индексе у школьников (48 баллов). Это указывает на наличие интегрирующих тенденций в структуре коммуникативных и адаптационных показателей обучающихся. Ре-

Структурные индексы социально-психологической адаптации межличностных отношений у кадетов и школьников, баллы

зультаты корреляционного анализа позволили более подробно охарактеризовать полученные закономерности структурной организации исходя из выраженностей ИКС у кадетов и школьников. Полученные данные демонстрируют, что доминирование находится в положительной взаимосвязи с адаптацией, внутренним контролем, принятием других и себя как у кадетов, так и у школьников. Это свидетельствует о том, что респонденты при демонстрации лидерских данных и склонности к доминированию будут более адаптированными, иметь высокую степень принятия своих и чужих личностных качеств, принимать ответственность за происходящие в жизни события. Конформизм, проявляющийся в уступчивости и подверженности влиянию группы, находится в прямой зависимости от принятия себя и других, ожидания внутреннего контроля у кадетов и школьников. Это может проявиться в излишней потребности в контроле со стороны, уступчивости и зависимости от мнения окружающих. Также, по полученным результатам, в прямой зависимости от отзывчивости у кадетов и школьников находится адаптация, внутренний контроль, принятие себя и других. При наличии у обучающихся обеих групп потребности в заботе и помощи другим будет проявляться принятие своих личностных качеств и особенностей другого и возложение ответственности на происходящие события исключительно на себя. Такие подростки будут более общительными и адаптированы в группе сверстников.

Уверенность в себе положительно взаимосвязана с адаптацией, доминированием, внутренним контролем, принятием себя у кадетов. Это говорит о том, что чем выше независимость и уверенность в себе у кадета, тем лучше он будет адаптирован, проявлять стремление к лидерству, принимать свои личностные особенности и брать на себя ответственность за свои поступки. Напротив, кадеты, демонстрирующие уступ-

чивость и зависимость, будут более социально изолированы, склонны к уходу от проблем и конфликтов и испытывать эмоциональный дискомфорт. Следовательно, внутренняя гетерогенность и сложность личности кадета, соединяющая в себе противоречивые качества, образует предпосылку для разнообразия ее поведенческого репертуара в межличностном общении в процессе социально-психологической адаптации. Зависимость от мнения другого имеет положительную взаимосвязь с адаптированностью и уходом от проблем у кадетов, а у школьников эта особенность имеет положительную связь с внутренним контролем и уходом от проблем. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что зависимые от мнения других кадеты будут лучше адаптированы и приняты в группе сверстников, а школьники, демонстрирующие зависимое поведение, склонны избегать конфликтных ситуаций, уходить от проблем и приписывать своим неудачам личную обусловленность. Кадеты с выраженным негативизмом будут иметь высокий уровень социальной изолированности.

Индекс дивергентности структуры у кадетов (25 баллов) значительно выше, чем у школьников (6 баллов), что свидетельствует о большей дифференцированности структуры социально-психологической адаптации и межличностного общения у кадетов в отличие от школьников. Результаты корреляционного анализа позволили более подробно охарактеризовать полученные закономерности структурной организации исходя из выраженности ИДС и заключались в следующем. Негативизм отрицательно связан с автономностью и адаптацией у респондентов обеих групп. Данные свидетельствуют о том, что школьники и кадеты при демонстрации подозрительности, обидчивости и злопамятности будут менее независимы и адаптированы в группе сверстников в процессе межличностного общения. Помимо этого, негативизм у кадетов еще и

отрицательно связан с внутренним контролем, принятием себя и других и эмоциональным комфортом. Это свидетельствует о том, что кадеты, которые «идут против системы» и не демонстрируют приверженности традициям и ценностям кадетского учреждения, склонны приписывать свои неудачи внешним обстоятельствам, не удовлетворены своими личностными чертами, имеют конфликты в межличностном взаимодействии и демонстрируют негативные эмоциональные переживания.

Степень организованности структуры выше у школьников (42 балла), чем у кадетов (30 баллов), и свидетельствует о том, что структура социально-психологической адаптации и межличностного общения у них является более согласованной и стабильной. Это может говорить о больших адаптационных возможностях в процессе межличностного общения у школьников. Структурированность и организованность в данном контексте может рассматриваться как наиболее действенный способ для раскрытия коммуникативной стороны общения по отношению к социально-психологической адаптации. Результаты корреляционного анализа позволили более подробно охарактеризовать полученные закономерности структурной организации исходя из выраженности ИОС и заключались в следующем. У школьников доминирование имеет отрицательную связь с уровнем социальной изолированности. Это может свидетельствовать о том, что школьники, которые склонны к уступчивости в общении с другими, будут чувствовать себя более социально адаптированными и принадлежащими к группе. Проявление конформизма у школьников имеет положительную связь с адаптацией и эмоциональным комфортом. Поэтому зависимые от мнения других школьники будут более адаптированы и менее эмоционально нестабильны. Выявлено, что школьники при проявлении консерватизма будут демонстрировать доминирование. То есть раздражительные и не принимающие свои особенности школьники будут склонны к доминированию в межличностном общении со сверстниками.

Таким образом, результаты корреляционного анализа позволили более подробно охарактеризовать полученные закономерности структурной организации социально-психологической адаптации и особенностей межличностного общения исходя из выраженностей индексов структуры у кадетов и школьников. Выявлено, что при выраженности социально-психологической адаптации особенности межличностных отношений обучающихся будут претерпевать определенные трансформации, связанные с психолого-педагогическими условиями образовательного учреждения. Отмечено, что условия образовательного учреждения оказывают влияние на структуру социально-психологической адаптации обучающихся. При этом у респондентов обеих групп

преобладающими в структуре социально-психологической адаптации и межличностного общения выступают интегрирующие тенденции, что свидетельствует о более высоких адаптационных и коммуникационных возможностях и открытости в процессе взаимодействия с окружающей средой. Однако помимо этого у кадетов наблюдается высокая степень выраженности дезинтегрированности. Это может проявляться в противоречивости и сложности структуры социально-психологической адаптации и межличностного общения кадетов. Данная тенденция, на наш взгляд, не носит парадоксального характера, а предполагает наличие логических взаимосвязей адаптационных и межличностных компонентов и способности разрешать возникающие адаптационные и коммуникативные противоречия.

Помимо этого, следует отметить, что школьники обладают большей структурированностью и организованностью, что свидетельствует о больших адаптационных возможностях в процессе межличностного общения, нежели у кадетов. Данная особенность может быть обусловлена несколькими факторами, продиктованными спецификой образовательного учреждения военного типа. В. А. Монастырский и Н. Ю. Милованова указывают на наличие повышенных требований к воспитанникам кадетского образовательного учреждения. При поступлении в учреждение обучающийся должен адаптироваться к новому укладу жизни: строгому распорядку и режиму дня, жесткой дисциплине, подчинению командирам и офицерам, дефициту свободного времени, усложненной учебной программе и физической нагрузке. В этих условиях у кадета должны сформироваться определенные личностные качества, позволяющие эффективно адаптироваться в условиях специализированного образовательного учреждения: выдержка и самообладание, исполнительность, дисциплинированность, ответственность, готовность выполнить приказы командиров и офицеров, решительность, устойчивость в ситуациях повышенной напряженности, высокая работоспособность и физическая выносливость¹⁴.

Специфика обучения в кадетском образовательном учреждении, по нашему мнению, обуславливает изменения в социальном статусе учащегося, а также в системе его взаимоотношений с окружением и предполагает пересмотр установок, представлений и отношений в своих социальных ролях с точки зрения адекватности условиям жизнедеятельности в кадетском корпусе. Наличие у кадетов внутренних мотивов к обучению способствует эффективности вхождения в социокультурное пространство и успешности освоения роли кадета в процессе социализации¹⁵. Особую значимость для профессионального становления кадета в будущем, по мнению И. А. Федосеевой и Ю. М. Перевозкиной, имеет

формирование и сохранение моральных, нравственных, духовных и интеллектуальных составляющих будущего офицера¹⁶. В исследованиях О. Г. Румбы с соавторами было выявлено, что кадеты (в отличие от школьников) в большей степени высказывают сомнение по поводу своего будущего, что может быть связано со сложностью дальнейшего самоопределения в военной профессии. В процессе межличностного общения при возникновении конфликтных ситуаций школьники в большей степени прибегают к компромиссу и сотрудничеству, тогда как кадеты предпочитают соперничество¹⁷.

В заключение отметим, что в основе успешной адаптации лежат индивидуально-ориентированные навыки межличностного общения, которые ребенок приобретает в процессе взаимодействия со значимыми взрослыми, в семейной среде и в процессе обучения и социализации. Задачами психолого-педагогического сопровождения обучающихся являются стимулирование и мотивирование обучающегося к развитию индивидуально-ориентированных навыков общения, овладение коммуникативными умениями и дальнейшее их совершенствование в процессе адаптации.

В результате проведенного исследования социально-психологической адаптации обучающихся (кадетов и школьников) необходимо обратить внимание на то, что в целом по двум группам преобладает высокий и средний уровни социально-психологической адаптации. Для преобладающего числа респондентов будет характерна способность приспосабливаться к изменяющимся внутренним и внешним условиям, а также устанавливать оптимальное соответствие с окружающей средой. Низкий уровень адаптации имеют незначительное количество респондентов.

Исследование индексов структурной организации через изучение значимых корреляций у обучающихся (кадетов и школьников) позволило сформулировать ряд особенностей адаптивных и коммуникативных процессов. Преобладание интегрирующих тенденций в структуре коммуникативных и адаптационных показателей обучающихся свидетельствует о более высоких адаптационных и коммуникационных возможностях и открытости в процессе взаимодействия с окружающей средой в обеих группах. Индекс дивергентности структуры у кадетов значительно выше, чем у школьников, что свидетельствует о большей дифференцированности структуры социально-психологической адаптации и межличностного общения у кадетов в отличие от школьников. Это может проявляться в противоречивости и сложности структуры социально-психологической адаптации и межличностного общения кадетов. Данная тенденция, на наш взгляд, не носит парадоксального характера, а предполагает наличие логических взаимосвязей

адаптационных и межличностных компонентов и способности разрешать возникающие адаптационные и коммуникативные противоречия.

Помимо этого, следует отметить, что школьники обладают большей структурированностью и организованностью, что свидетельствует о больших адаптационных возможностях в процессе межличностного общения, нежели у кадетов. Данная особенность может быть обусловлена несколькими факторами, продиктованными спецификой образовательного учреждения военного типа.

Таким образом, на процесс социально-психологической адаптации и межличностного общения кадетов и школьников будут оказывать влияние: специфика образовательного учреждения; коммуникативные возможности; индивидуально-ориентированные навыки общения; выполнение личностью требований среды; эффективное выполнение ролевого репертуара, умение решать возникающие противоречия и конфликтные ситуации и другие внутренние и внешние факторы.

Примечания

- 1 См.: *Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб. : ИГУП, 1999.
- 2 См.: *Буршит Л. М.* Формирование межличностных отношений воспитанников детского дома в разновозрастной группе как одно из условий их социальной адаптации // *Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения.* 2011. № 21–1. С. 152–156.
- 3 См.: *Skills for Social Progress : The Power of Social and Emotional Skills // OECD Skills Studies.* 2015. URL: <https://www.oecd.org/education/cei/skills-for-social-progress-executive-summary.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
- 4 См.: *Зиновьева Л. В.* Современные подходы психологического сопровождения в образовании // *Вестн. психологии и педагогики Алт. госун-та.* 2019. Т. 1, № 3. С. 45–54.
- 5 См.: *Соколова М. С.* Теоретические аспекты рассмотрения коммуникативной адаптации // *Изв. ВГПУ.* 2012. № 8 (72). С. 8–11.
- 6 См.: *Giles H, Couplan N., Coupland J.* Accommodation Theory : Communication, Context, and Consequence. N. Y. : Cambridge University Press, 1991.
- 7 См.: *Кашанов А. С.* Социально-психологическая адаптированность студентов : проблемы и решения. Ярославль : Индиго, 2015.
- 8 См.: *Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б.* Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков // *СМАЛЬТА.* 2015. № 4. С. 39–46.
- 9 См.: *Вислова А. Д.* Формирование толерантности в межличностных отношениях в детском и подростковом возрасте (на материале Кабардино-Балкарской Республики) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2016.

- ¹⁰ См.: Литвиненко Н. В. Динамические особенности социально-психологической адаптации школьников в критические периоды развития // Интеграция образования. 2007. № 3–4 (48–49). С. 178–181.
- ¹¹ См.: Румба О. Г., Марин А. П., Харитонова А. Г. Особенности внутреннего и внешнего проявлений социализации воспитанников кадетской спортивной школы Военного института физической культуры // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2016. № 4. С. 47–56.
- ¹² См.: Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль : ЯрГУ, 2018.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Монастырский В. А., Милованова Н. Ю. Адаптация учащихся к жизнедеятельности кадетского корпуса // Гаудеамус : психолого-педагогический журнал. 2006. Т. 1, № 9. С. 122–127.
- ¹⁵ См.: Первозкин С. Б., Первозкина Ю. М. Взаимодействие учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4. С. 225–235.
- ¹⁶ См.: Федосеева И. А., Первозкина Ю. М. Феномен патриотизма сквозь призму психосемантического пространства современной молодежи // Учен. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2017. № 2 (144). С. 303–311.
- ¹⁷ Румба О. Г., Марин А. П., Харитонова А. Г. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Первозкина Ю. М., Тишкова А. С., Ганпанцурова О. В. Специфика адаптации и навыков межличностного общения обучающихся // Изв. Саратов ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 146–153. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-146-153>

Cite this article as:

Perevozkina Yu. M., Tishkova A. S., Ganpanzurova O. V. Specificity of Adaptation and Skills of Interpersonal Communication of Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 146–153 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-146-153>

УДК 316.4.05

Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих

Ю. Г. Быченко, М. К. Магомедов

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, bychenkoug@gmail.com

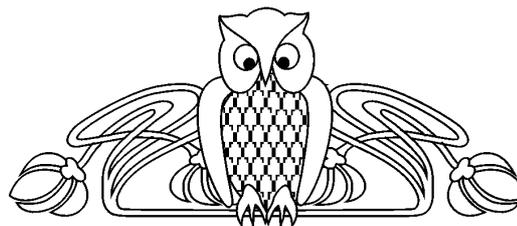
Магомедов Магомед Камилович, адъюнкт (аспирант) кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, mk.desperado@mail.ru

В настоящее время обостряются противоречия межнационального общения как в Российской Федерации в целом, так и в рамках отдельных воинских коллективов. Сегодня важным условием развития культуры межнационального общения военнослужащих выступает процесс поиска и разрешения внутренних противоречий социокультурного взаимодействия военнослужащих. В данном контексте внутренние проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих рассмотрены как фактор торможения данных практик. Цель исследования – анализ проблем развития культуры межнационального общения военнослужащих. Метод исследования – анкетный опрос военнослужащих (декабрь 2018 г. – март 2019 г.) в воинских частях городов Саратова, Махачкалы, Екатеринбурга, Хабаровска. Доказано, что культура межнационального общения военнослужащих – это интегральное качество военнослужащих, выраженное не только в комплексе знаний о специфике этнических культур населения России, но и в наборе базовых ценностей, принципов, правил, норм, представлений, способностей бесконфликтного и толерантного общения. Обосновано, что развитие культуры межнационального общения военнослужащих представляет собой процесс поиска и разрешения внутренних противоречий социокультурного взаимодействия военнослужащих. Выявлены проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих: наличие неконтролируемых попыток активизации неформальной борьбы за власть, за материальные ресурсы различных этнических групп военнослужащих; неэффективная реализация социальных проектов развития культуры межнационального общения; сохранение различий во взглядах, ценностях и убеждениях военнослужащих различных этнических групп; отсутствие единой концепции национальной политики в Вооруженных силах; низкий уровень культуры межнационального общения у офицерского состава воинских коллективов.

Ключевые слова: культура межнационального общения, военнослужащие, воинский коллектив, проблемы развития, противоречия развития.

Поступила в редакцию: 02.12.2019 / Принята: 01.02.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Military Servicemen's International Communication Culture Development Problems

Yu. G. Bychenko, M. K. Magomedov

Yuri G. Bychenko, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia, bychenkoug@gmail.com

Magomed K. Magomedov, <https://orcid.org/0000-0002-3279-1279>, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia, mk.desperado@mail.ru

Currently, the contradictions of interethnic communication both in the Russian Federation as a whole and within the framework of individual military collectives worsen. At present, an important condition for the development of the culture of interethnic communication of servicemen is the process of searching and resolving internal contradictions of socio-cultural interaction of servicemen. In this context, the internal problems of the servicemen interethnic communication culture development are considered as a factor of these practices inhibition. The aim of the study is to analyze the servicemen's interethnic communication development culture problems. In the course of the questionnaire survey of military personnel (December 2018 – March 2019) in the military units of Saratov, Makhachkala, Yekaterinburg, Khabarovsk military units were interviewed. It is proved that the culture of interethnic communication of military personnel is an integral quality of the soldiers, expressed not only in the body of knowledge of the specifics of the ethnic cultures of the Russian population, but also in the set of basic values, principles, rules, norms, beliefs, abilities and conflict-free and tolerant communication. It is justified that the troops' interethnic communication culture development is the process of searching and resolving internal differences of socio-cultural interaction soldiers. The revealed problems of troops' interethnic communication culture development are: the presence of uncontrolled attempts to revitalize the informal power struggle over the material resources of the various ethnic groups of military personnel; the social projects ineffective implementation of interethnic culture communication development; the preservation of differences in attitudes, values and beliefs of the servicemen of different ethnic groups; the lack of the unified concept of the national policy in the Armed forces; the low level of international communication culture among the officers' military groups.

Keywords: culture of interethnic communication, military personnel, problems of development, contradictions of development.

Received: 02.12.2019 / Accepted: 01.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-154-160>

В условиях трансформации системы военных организаций России неизменным остается традиционный принцип формирования данных организаций на основе полиэтничности. Между тем государственные механизмы формирования культуры межнационального общения в современных условиях безнадежно устарели. Советская государственная идеологическая машина только определяла внешнее проявление этнической солидарности, идеологически смягчала негативное воздействие этнической и религиозной разобщенности, сглаживала общественные противоречия формирования локальной социокультурной идентичности. Национальная политика в целом создавала предпосылки формирования идентичности национальных групп военнослужащих, но не определяла факторы, тормозящие ее развитие, не сформировала стратегии целевого конструирования процессов развития культуры межнационального общения военнослужащих.

Таким образом, в настоящее время необходимо уточнение теоретической базы исследования процесса развития культуры межнационального общения военнослужащих, а также осуществление эмпирического анализа факторных проблем его реализации.

В современных научных источниках представляются теоретические разработки процессов развития культуры межнационального общения как социальной базы межэтнических взаимодействий в многонациональных воинских коллективах России¹. Исследователи доказывают, что данная форма культуры представляет собой «обусловленную социальной потребностью активную деятельность наций и народностей по взаимному познанию и выражению своего отношения к национальному»². Одновременно культура межнационального общения характеризуется взаимосвязью и взаимоотношениями, «в процессе которых люди, принадлежащие к разным национальным общностям и придерживающиеся различных религиозных взглядов, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями, чувствами»³. Культура межнационального общения характеризуется способностью адекватно воспринимать этническое своеобразие индивидов «и в соответствии с этим управлять своим поведением»⁴. В конечном итоге она, с одной стороны, проявляется в способностях и поведении социетальных групп, с другой – является фактором сплочения социума⁵.

По сути, культура межнационального общения является формой военно-организационной культуры. Она представляет собой интегральное качество групп военнослужащих, характеризующееся не только знаниями культуры, традиций, обычаев других этносов⁶, но и «уважительным и толерантным отношением к иным точкам зрения и ценностям, отличным от собственных; умением преодолевать трудности в коммуникативных

и иных формах взаимодействия с членами различных этнических общностей в процессе воинской службы и выполнения боевых задач»⁷. В данном контексте культура межнационального общения проявляется как в коллективном (групповом), так и личностном контекстах. Она выступает как форма выражения коллективной культуры членов организации, обусловленной влиянием внешней и внутренней социокультурной среды⁸.

В расширительном контексте развитие культуры межнационального общения военнослужащих эффективно осуществляется при создании благоприятных условий взаимодействия и общения военнослужащих, принадлежащих к различным этническим группам. Данный процесс отражает: 1) нормативные положения, возведенные в ранг закона, регламентирующие взаимоотношения военнослужащих различных национальностей (данные положения определяют обязательные процедуры при реализации общения)⁹; 2) сложившиеся традиционные нормы взаимоотношений военнослужащих между представителями различных национальностей, основанные на общечеловеческих идеалах братства, дружбы и уважения к другим народам; 3) социально ориентированную на основе принципов интернационализма «поведенческую характеристику личности в условиях межличностного межнационального общения и соответствующие этим требованиям характер, стиль и уровень поведения»¹⁰.

Таким образом, культура межнационального общения военнослужащих – это интегральное качество военнослужащих, выраженное не только в комплексе знаний о специфике этнических культур населения России, но и в наборе базовых ценностей, принципов, правил, норм, представлений, способностей бесконфликтного и толерантного общения. Она характеризует способность акторов преодолевать практики межэтнического напряжения в процессе реализации служебно-трудовой деятельности. Развитие культуры межнационального общения военнослужащих представляет собой процесс поиска и разрешения внутренних противоречий социокультурного взаимодействия военнослужащих. В данном контексте внутренние проблемы этих процессов будем рассматривать как фактор, препятствующий развитию культуры межнационального общения военнослужащих.

Представляется анализ данных социологического опроса военнослужащих, проведенного в декабре 2018 г. – марте 2019 г. (N = 944). Опрошены военнослужащие воинских частей городов Саратова, Махачкалы, Екатеринбурга, Хабаровска. Выборка случайная (пошаговый отбор из представителей личного состава исследуемых военнослужащих). Среди опрошенных 18,3% – офицеры, прапорщики, 81,7% – сержанты и солдаты. Все опрошенные проходят воен-

ную службу по контракту. Возраст респондентов колеблется от 18 до 55 лет. Процент отклика составляет 100%. Для проведения анкетного опроса была разработана анкета «Культура межнационального общения в современном воинском коллективе: состояние, проблемы, перспективы развития», которая состояла из открытых, а также закрытых вопросов. Данный метод использовался как основной для получения необходимой эмпирической информации.

Рассмотрим проявление проблем, препятствующих развитию культуры межнационального общения военнослужащих. На начальной стадии осуществлен теоретический анализ и выявлены противоречия развития культуры межнационального общения военнослужащих. В ходе анализа результатов социологического опроса нами решены две задачи: 1) уточнены практики проявления проблемных противоречий развития культуры межнационального общения военнослужащих; 2) структурированы данные проблемные противоречия по уровню значимости.

При структурировании выявленных проблем применялись следующие универсальные показатели: степень проявления данного проблемного противоречия; количественный состав военнослужащих, указывающих на данную проблему; степень влияния выявленной проблемы на процессы развития культуры межнационального общения военнослужащих. Используя данные показатели, ранжируем выявленные проблемы, определим направления их разрешения в контексте разработки социальных проектов целевого развития культуры межнационального общения военнослужащих.

В результате обработки данных анкетирования, можно ранжировать проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих на следующие группы.

1. Активизация неформальной борьбы за власть различных этнических групп военнослужащих. Данную проблему как наиболее важную выделяют 30,6% военнослужащих. Респонденты обращают внимание на то, что в результате реализации военно-гражданских реформ в рамках воинских коллективов проявляются административно-управленческие противоречия. Этнические группы пытаются, с одной стороны, воздействовать на формальные управленческие процессы, с другой – определять неформальные управленческие воздействия на воинский микроколлектив в целом, а также его отдельные структурные подразделения. Хотя этнические группы в целом ограничены и жестко лимитированы в реализации служебно-трудовой деятельности, в новых условиях у них появляются возможности, интерес, а также мотив навязывания поведенческих практик, проявлять собственную управленческую инициативу, изменять (а порой и искажать) первоначально поставленные управленческие задачи, навязывать собственное виде-

ние специфики служебно-трудовых отношений в воинском коллективе.

2. Борьба за материальные ресурсы различных этнических групп военнослужащих. Выделяют как наиболее важную проблему 17,6% военнослужащих. Воинский коллектив как регламентированная, управляемая и структурированная (иерархизированная) система состоит из групп, взаимодействие которых осуществляется по принципу доминирования/подчинения. По уровню многонациональности и содержанию межэтнических отношений военнослужащих воинские коллективы неоднородны. Этническая группа, независимо от своей численности, нацелена на закрепление за собой лидирующих позиций в неформальной иерархии воинского коллектива. В таких коллективах одна этническая группа может сосредоточивать в своих руках как властные, так и материальные ресурсы и закрепляет за собой возможность формировать удобный для себя формат национальных отношений.

Военнослужащие, находясь в специфических условиях пребывания, на территории военной организации исполняя обязанности военной службы (будучи лишены свободы действий и ограниченными в материальных и денежных средствах), зачастую сталкиваются с трудностями удовлетворить свои личные и материальные потребности. Представители доминирующих этнических групп в воинских коллективах решают свои личные потребности путем присвоения продовольственного, вещевого имущества, а также денежного довольствия военнослужащих иных этнических групп, тем самым становясь на путь нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Любая форма отчуждения (присвоения) материальных средств независимо от субъектов взаимоотношения сопряжена с правонарушением и должна пресекаться со стороны командования воинских частей и подразделений.

3. Неэффективность социальных проектов развития культуры межнационального общения. Данную проблему как наиболее важную выделяют 20,9% респондентов. Основополагающим механизмом организации и регулирования национальных отношений в нашей стране является программно-целевой подход, который применяется в рамках реализации государственной национальной политики. Существует ряд подпрограмм, среди которых: «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России», «Профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве»¹¹, а также «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»¹² (последняя является подпрограммой национальной программы развития культуры).

Несмотря на принимаемые меры, направленные на развитие межэтнических (межнацио-

нальных) отношений, имеются негативные факторы, препятствующие данному процессу:

– недостаточность проектируемых мероприятий, направленных на формирование российского гражданского единства и идентичности, изучение традиций, обычаев и истории российских народов, образовательное воспитание культуры межнационального общения;

– высокий уровень региональной экономической дифференциации, социального и имущественного неравенства, пропаганда средствами массовой информации негативных стереотипов в отношении малых этносов;

– утрата традиционных нравственных ценностей народов Российской Федерации;

– стремление к политизации религиозного и этнического фактора в регионах страны;

– однообразии влияния процессов глобализации на местные культурные субъекты, распространение международного терроризма и радикального религиозного экстремизма, противостояние в социуме секулярных и религиозных взглядов.

4. Сохранение различий во взглядах, ценностях и убеждениях военнослужащих, в том числе религиозных. Данную проблему как наиболее важную выделяют 20,0% военнослужащих. Вышеприведенный результат закономерен в силу ряда причин: отсутствия целостной государственной идеологии и информационной повестки, нацеленной на формирование единого гражданского общества; смены единой советской идентичности на множество сегментированных этнических, религиозных и региональных идентичностей. В ходе глубинных тектонических социальных трансформаций по созданию открытого либерального общества, а также внедрению ценностей рыночной экономики были запущены процессы, разрушительные по своему характеру, производными от которых стали межнациональная нетерпимость, кризис общероссийской идентичности, терроризм и сепаратизм, приведшие в действие механизмы дезинтеграции общества. На фоне таких процессов происходит деградация культурно-духовной сферы общества (сокращение количества культурно-духовных учреждений, в которых происходит производство и потребление благ обществом, печатных и электронных литературных изданий и т.д.). Военнослужащий, как неотъемлемый член различных этнических, религиозных сообществ, оказывается под воздействием разной идеологии и информации, которая не всегда носит конструктивный характер.

5. Отсутствие единой концепции национальной политики в Вооруженных силах. Данную проблему как наиболее важную выделяют 15,8% респондентов. Необходимо отметить, что из 85 административных единиц Российской Федерации 26 относятся к национально-административным субъектам и охватывают около 53% территории нашей страны. Национальный фак-

тор занимает отнюдь не последнее место среди приоритетных задач, стоящих перед Вооруженными силами. основополагающим документом в области государственной национальной политики выступает «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. В п. «г» ст. 21.1 данного нормативного акта говорится о необходимости учета «этнических и религиозных аспектов при работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и сотрудниками правоохранительных органов Российской Федерации, мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей»¹³.

При детальном анализе сферы национальной политики на военном ведомственном уровне можно наблюдать отсутствие нормативно-правовой базы и сформированной на ее основе концепции, направленной на выстраивание конструктивных межнациональных (межэтнических) отношений, укрепление межнационального согласия, гражданского единства, недопущение дискриминации по признаку языковой, национальной или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

В приказе Министра обороны Российской Федерации от 12 октября 2016 г. № 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных силах Российской Федерации», а также в аналогичном приказе Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 487 «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации» затронуты вопросы духовно-нравственного воспитания, но при этом не регламентируются вопросы межэтнического взаимодействия, развития культуры межнационального общения и профилактики конфликтов на межэтнической почве. Органы военного управления не обладают в своем арсенале нужным информационным, нормативным, экономическим инструментарием для разрешения возникающих межнациональных проблем; зачастую, реагируя и переводя последствия в плоскость межличностной или межгрупповой напряженности, оставляют предпосылки (причины) межэтнического конфликта без должного их анализа и последующей профилактики.

6. Возникновение микрогрупп отрицательной направленности по принципу землячества и национальной принадлежности. Данную проблему как наиболее важную выделяют 16,4% респондентов. Хотелось бы подчеркнуть, что военная организация, несмотря на свой формальный характер, оставляет место для неформальной

самоорганизации. Официальная администрация воинского коллектива не способна объять все интересы и стороны социальной сферы военнослужащего и оставляет возможность для его этнического самовыражения.

В воинских коллективах с многонациональным составом активно протекает становление национального самосознания военнослужащего. Этому способствует его взаимодействие с сослуживцами других национальностей, их культурой и нравами. В процессе такого взаимодействия военнослужащий все глубже осознает себя как представителя специфического этноса, и это может стать причиной возникновения этнически обособленной группы по принципу землячества, так сказать неформального разделения военнослужащих по этнической и религиозной принадлежности. Не всегда такая группа в коллективе может иметь антиобщественную направленность, но, как показывает практика, зачастую в таких образованиях возрождаются и получают применение всякого рода обычаи, этнические пережитки, привычки, неформальные злоупотребления. Негативная сторона «землячества» заключается в стремлении к обособленности, отчуждению от других членов воинского коллектива, и представители сообщества действуют по принципу «один за всех, и все за одного», когда военнослужащим своей группы прощается все, чего не скажешь в отношении других членов воинского коллектива.

Таким образом, микрогруппы, сформированные по принципу землячества, в большинстве случаев деструктивно влияют на функционирование и служебную деятельность подразделения. Они представляют собой фактор замедления развития культуры межнационального общения и требуют к себе пристального внимания со стороны администрации в целом и непосредственного командования в частности.

7. Недостаточное внимание администрации военной организации к вопросам проектирования развития культуры межнационального общения. Данную проблему как наиболее важную выделяют 14,6% военнослужащих. Должностные лица органов управления оперативно-территориальных объединений, соединений воинских частей в повседневной жизнедеятельности при организации работы с личным составом руководствуются приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 487 «Об утверждении Положения об организации работы с личным составом в войсках национальной гвардии Российской Федерации». Данный приказ регламентирует основные направления работы с личным составом, такие как: работа по укреплению и поддержанию воинской и служебной дисциплины и правопорядка; информационно-воспитательная работа; военно-социальная работа; психологическая работа; культурно-досуговая работа.

Анализ нормативно-правовой базы ведомства показывает отсутствие систематической работы, направленной на проектирование культуры межнационального общения военнослужащих. В результате отсутствует деятельность, направленная на гармонизацию и регулирование межэтнических отношений, целевое формирование межэтнических культурных ценностей. В настоящее время командиры воинских частей и подразделений не имеют ни программ, ни проектов развития и формирования культуры межнационального общения в воинских коллективах и социокультурного развития военных организаций.

8. Неэффективность работы военной прокуратуры. Данную проблему как наиболее важную выделяют 15,0% респондентов. Необходимо отметить, что военная прокуратура и военно-следственный отдел в воинских частях гарнизона принимают участие в комплексе мероприятий по профилактике небоевых потерь, самовольного оставления воинской части, сохранению жизни и здоровья военнослужащих, искоренению насильственных действий в сфере межличностных и межнациональных отношений. Данная работа осуществляется в рамках месячников в комплексе с мероприятиями, запланированными командованием воинских частей, и заключается в проведении встреч с личным составом воинских частей, на которых доводятся примеры судебной практики, основные положения Уголовного кодекса и обзор о преступлениях, связанных с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими. Военная прокуратура также осуществляет надзор за исполнением законов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина органами военного управления и производство предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в ее компетенции. Данная работа осуществляется от случая к случаю, отсутствует системность, а также постоянное контактов представителей прокуратуры с коллективами военнослужащих.

9. Низкий уровень культуры межнационального общения у офицеров. Данную проблему как наиболее важную отмечают 10,1% военнослужащих. Анализ данной проблематики показывает, что имеется ряд объективных причин ее усугубления. Во-первых, в военных образовательных организациях высшего образования программа подготовки курсантов по дисциплинам не предусматривает формирования навыка управления многонациональным подразделением и развития культуры межнационального общения. Дисциплина «Военная педагогика» предусматривает проведение двух лекций по два часа на темы «Особенности воспитания военнослужащих различных религиозных конфессий», «Особенности воспитания военнослужащих различных национальностей Российской Федерации» и четырехчасового индивидуального собеседования по вышеуказанным темам. Дисциплины «Воен-

ная психология» и «Профессиональная этика и служебный этикет» данную проблематику в программе обучения курсантов не рассматривает вовсе. Такой объем учебных часов недостаточен для формирования необходимых навыков работы в многонациональном воинском подразделении.

Во-вторых, как отмечалось выше, для организации повседневной жизнедеятельности в подразделениях и воинских частях отсутствует программа или методические разработки для руководства в ходе работы с личным составом в многонациональном подразделении. В-третьих, формирование культуры межнационального общения у курсантов, как и у офицеров, является второстепенным. Приоритет данному направлению на практике не отдается. Между тем, например, сфера межнациональных отношений в СССР считалась приоритетной и решалась на высшем государственном уровне. Консолидация и укрепление отношений между народами страны считались одними из фундаментальных основ существования советской страны. Идеология советского общества, основанная на марксистско-ленинском учении, была направлена на формирование нового советского человека, единой гармоничной идентичности на основе интернационализма (дружбы народов) и атеизма (господства научных взглядов). В рамках господствующей идеологии, системы ценностей и единой идентичности советского человека отпала необходимость акцентировать внимание на религиозных и национальных различиях. Противоречия между народами были минимизированы, а в поздний период советской власти проблемы национального взаимоотношения не поднимались как противоречащие идеологии. Вооруженные силы России после 1991 г., как правопреемники Вооруженных сил Советского Союза, переняли основные доктрины и направления строительства армии, в том числе непризнание или отсутствие религиозного и этнического фактора, которые в период либерализации и нарастания противоречий в обществе стали ошибочными. На государственном уровне был осуществлен отказ от принципа приоритетности развития культуры межнационального общения офицеров и прапорщиков воинских подразделений.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что в условиях трансформации системы военных организаций России обостряются противоречия межнационального общения. Ежегодно в Российской Федерации появляется множество национальных религиозных организаций различного толка и содержания. Так, в 2019 г. было зарегистрировано около 500 новых религиозных организаций (христианские – 253, протестантские – 42, старообрядцы всех юрисдикций – 8, альтернативные православные – 3, армянская апостольская – 3, католики – 1, исламские – 152, буддисты – 12, иудеи – 4, неоязычники – 4). Также насчитывается 53 националистических (фашист-

ских) организаций, которые классифицируются как умеренные, радикальные и запрещенные. Среди данных организаций имеется огромное количество националистических движений славянского толка, но также присутствуют националистические движения, имеющие свое распространение в национальных субъектах. К таковым можно отнести татарский патриотический фронт «Алтын Урда (Золотая Орда)», выступающий за объединение всех этнических групп тюркского народа под единой идеологией их ордынского происхождения. Также в регионах, где преимущественно проживают тюркоязычные этнические группы, получает широкое распространение турецкая ультраправая националистическая организация «Серые волки» (Бозкурт). Данная структура насаждает идеологию пантюркизма (объединение тюркских мусульманских народов) и создание на территории Российской Федерации Великого Турана. Данная тенденция трансформируется и в различные организационные системы, в том числе и военную. В воинских коллективах наблюдается рост числа преступлений на этнической почве. Устойчиво растет число бытовых преступлений, которые зачастую приобретают характер межнациональных конфликтов из-за преднамеренного предания этнических оттенков одной из сторон конфликта или необъективного освещения события средствами массовой информации. Все это свидетельствует о необходимости системных мер информационного, просветительского, гуманитарного, общественного и государственного характера.

Данные противоречия усугубляются тем, что в воинских коллективах Российской Федерации на данный момент имеется множество проблем, определяющих препятствие развития культуры межнационального общения военнослужащих. Важнейшие из них следующие: наличие неконтролируемых попыток активизации неформальной борьбы за власть, за материальные ресурсы различных этнических групп военнослужащих; неэффективная реализация социальных проектов развития культуры межнационального общения; сохранение различий во взглядах, ценностях и убеждениях военнослужащих различных этнических групп; отсутствие единой концепции национальной политики в Вооруженных силах; низкий уровень культуры межнационального общения у офицерского состава воинских коллективов. Поэтому сохраняется межэтническая напряженность, возникают микрогруппы отрицательной направленности по принципу землячества и национальной принадлежности.

Примечания

¹ См.: Баландина Т. М., Кузнецов Н. И. Особенности социальной адаптации курсантов современного военного института // Вестн. СГСЭУ. 2018. № 4 (73). С. 166–171.

- ² *Бабейко Ф. С.* Общение народов и социальный прогресс. Вопросы теории и методологии. Кишинев, 1983. С. 58.
- ³ *Гасанов З. Т.* Воспитание культуры межнационального общения : методология, теория и практика. Махачкала, 1998. С. 51.
- ⁴ *Комаров В. П.* Теоретические основы воспитания культуры межнационального общения учащихся средней профессиональной школы : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 1996. С. 42.
- ⁵ См.: *Бурмистрова Т. Ю., Дмитриев О. А.* Дружбой сплоченные : культура межнационального общения. М., 1986.
- ⁶ См.: *Баландина Т. М., Немоляев В. В.* Социальное конструирование профессиональной культуры работников организаций // Вестн. СГСЭУ. 2015. № 5 (59). С. 197–200.
- ⁷ *Николаева Г. А.* Сущностные характеристики культуры межнационального общения у военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurnal.org/articles/2008/ped11.html> (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁸ См.: *Быченко Ю. Г., Еришов В. В.* Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–253. DOI: 10.18500/1818-96012017-17-3-247-253
- ⁹ См.: *Самойленко В. Ф., Шевцов В. М.* Культура межнационального общения в советском воинском коллективе. М., 1989.
- ¹⁰ *Лаврик В. В.* Культура межнационального общения военнослужащих в Вооруженных Силах многонационального государства : дис. ... канд. филос. наук. М., 1992. С. 14.
- ¹¹ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» : постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 29.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹² См.: О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» : постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 (ред. от 25.05.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.

Образец для цитирования:

Быченко Ю. Г., Магомедов М. К. Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 154–160. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>

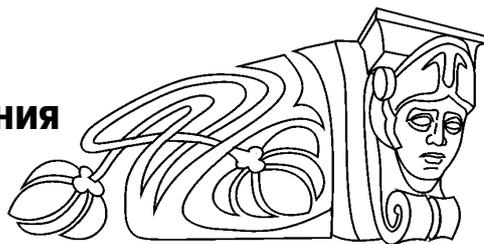
Cite this article as:

Bychenko Yu. G., Magomedov M. K. Military Servicemen's International Communication Culture Development Problems. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 154–160 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>

УДК 316.33

Совершенствование механизмов лесной политики и системы управления в лесной сфере в России: социологический взгляд

А. А. Захарченко, В. В. Пить

Захарченко Анна Александровна, начальник отдела социологических исследований, Научно-технический центр «Перспектива», Тюмень, cfi-soc@yandex.ru

Пить Виктор Викторович, кандидат экономических наук, директор, Научно-технический центр «Перспектива», Тюмень, cfi-soc@yandex.ru

В статье рассматриваются перспективы и актуальность развития лесной отрасли, актуальность реформирования и институциональных изменений в лесной сфере. Изучаются социально-экономические условия устойчивого развития лесного хозяйства и отмечается назревшая необходимость переосмысления процессов, связанных с развитием системы лесного хозяйства в России, изучения социальных последствий проводимой лесной политики. Актуализируется необходимость изучения лесной политики и ее совершенствования в контексте социологической науки. Также указано на отсутствие серьезных, квалифицированных материалов о проблемах в лесной сфере. Информированность населения о государственной лесной политике фиксируется на достаточно низком уровне, большинство опрошенных никогда ранее не слышали о лесной политике. Примечательно, что наивысший уровень информированности наблюдается у референтных групп: «государственные органы власти»; «научные организации»; «учебные заведения». Респонденты отрицательно оценивают открытость органов власти, занимающихся лесным хозяйством. В основном данный факт связан с недостаточным информированием о работе лесного хозяйства, отсутствием открытости; неимением специального органа, информирующего общественность о лесе, а также статистики и отчетов в открытом доступе.

Ключевые слова: лесное хозяйство, лесная политика, совершенствование, повышение эффективности, институциональные изменения, лесная отрасль.

Поступила в редакцию: 11.11.2019 / Принята: 15.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Improving Forest Policy Mechanisms in Russia: A Sociological Point of View

А. А. Zakharchenko, V. V. Pit

Anna A. Zakharchenko, <https://orcid.org/0000-0001-6584-7008>, Scientific and Technical Center "Perspective", 8/6 Miuskaya St., Tyumen 625000, Russia, cfi-soc@yandex.ru

Viktor V. Pit, <https://orcid.org/0000-0002-0639-0447>, Scientific and Technical Center "Perspective", 8/6 Miuskaya St., Tyumen 625000, Russia, cfi-soc@yandex.ru

The article discusses the prospects and relevance of the forest industry development, the reforms and institutional changes in the forest sector. The socio-economic conditions of sustainable development of forestry and the urgent need to rethink the processes associated with the development of the forestry system in Russia, alongside with the social consequences of the forest policy are studied. The need for studying forest policy and its improvement in the context of sociological science is updated. The study reflects a fairly low level of public awareness of activities in the field of forestry. The lack of serious, qualified materials about problems in the forest sector is pointed out. A rather low level of public awareness of the state forest policy is also recorded, as the prevailing percentage of the respondents have never heard of forest policy. It is noteworthy that the highest level of awareness is observed among such reference groups as: "state authorities"; "scientific organizations"; "schools". The respondents negatively assess the openness of forestry authorities. Basically, this fact is associated with insufficient information about the work of forestry – the lack of openness and a special body informing the public about the forest, as well as the lack of statistics and reports in the public domain.

Keywords: forestry, forest policy, improvement, efficiency improvement, institutional changes, forest industry.

Received: 11.11.2019 / Accepted: 15.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-161-170>

В среднем, около 70% территории Российской Федерации занято землями лесного фонда и лесами, не входящими в него. Это примерно 1/5 всех лесов мира. При этом большая часть регионов России относится к многолесным, где в значительной мере лесной сектор оказывает существенное влияние на специфику и характер социально-экономического развития субъекта. Очевидно, что развитие лесного сектора экономики, лесная политика государства, имеющего большие лесные ресурсы, – это значительная предпосылка не только эффективного экономического развития, но в том числе и социального, в части социального самочувствия и благополучия жителей многолесных регионов России. Однако в настоящее время лесную политику России трудно назвать совершенной, а вклад лесного сектора в экономику страны не соответствует его ресурсному потенциалу. Скорее, данный сектор только в 2000-е гг. становится объектом активного внимания, реформирования и целенаправленной государственной политики¹. Лесная отрасль не только формирует предпосылки для устойчивого развития лесного комплекса страны, но и выполняет важные экономические (лесовыра-

щивание и поставка древесины на внутренний и внешний рынок), социальные (занятость населения и развитие сельских регионов) и экологические (водоохранные, почвозащитные, рекреационные и др.) функции².

Несмотря на значительное богатство лесами и перспективы развития лесной отрасли, в настоящее время с точки зрения социально-экономических индикаторов (качество жизни, уровень заработных плат, занятость и т.д.) сфера демонстрирует достаточно низкие показатели, причем как для субъектов лесного хозяйства (организации и предприятия различных форм собственности, ведущие хозяйственную деятельность), так и для рядовых граждан. Вопросы реформирования и институциональных изменений в лесной сфере в последнее время не теряют своей актуальности. Однако пока государственные и региональные органы власти в сфере лесного хозяйства России еще не разработали оптимально эффективную модель, способную дать стабильное развитие лесной отрасли, обеспечить конкурентоспособность лесного бизнеса, оперативно отвечать на вызовы мирового рынка, а также обеспечить высокие социально-экономические показатели.

Г. Б. Козырева в своей научной работе «Социально-экономические условия устойчивого развития лесного хозяйства» отмечает назревшую необходимость переосмысления процессов, связанных с развитием системы лесного хозяйства в России, изучения социальных последствий проводимой лесной политики. Под социальными последствиями автор понимает:

- социально-экономическое состояние лесных поселений, сложившееся в период реформ;
- социально-экономическую эффективность функционирования лесного бизнеса в изменяющихся институциональных условиях;
- трансформацию системы групповых интересов, связанных с собственностью на лес³.

В настоящее время в России развитие социально ориентированного бизнеса и актуализация качественного совершенствования лесного хозяйства подразумевают и необходимость преобразований в системе управления на всех уровнях. В сфере лесной политики происходит перераспределение полномочий между различными уровнями власти, реформируются органы управления лесопользованием, меняются системы организации охраны лесов и наделения лесопользователей ресурсами, таможенно-тарифное регулирование торговли лесными товарами, уделяется внимание населению, которое так или иначе связано с лесным хозяйством и проживает на территории многолесного региона⁴.

С этой точки зрения важным также становится понимание того, что вопросы лесной сферы (лесной политики) в России, как правило, рассматриваются в ключе экономических наук, народного хозяйства. Однако социологическая

составляющая здесь видится также весьма значимой. С точки зрения социального самочувствия населения, работников лесохозяйственных предприятий, удовлетворенности представителей лесной отрасли условиями ведения деятельности, оценки эффективности мер государственной поддержки и т.д. данные вопросы представляются недостаточно проработанными в российской социологии.

Можно выделить ряд научных направлений и авторов, которые с различных ракурсов рассматривали вопросы лесных отношений и лесной сферы. Так, экономические и социальные институты в сфере лесных отношений, трактовки лесной политики, обоснование ее целей, сочетаний политических инструментов, анализ накопленных в разных странах достижений в этой сфере рассматривались в работах В. Антонова, С. Басса, Ю. Блама, Г. Ван Коотена, М. Гирияева и др.

Проблемы совершенствования структуры управления лесопромышленного комплекса и лесной политики, рационального использования лесных ресурсов, экономики лесопромышленного комплекса рассмотрены в работах российских экономистов А. Беякова, Т. Безруковой, И. Воронина, О. Лобовикова и др.

Оценку различных аспектов лесной политики и ее влияния на национальную и региональные экономические системы в контексте институциональной экономики, теории экономической политики давали Л. Абалкин, Дж. Гэлбрейт, Н. Кондратьев, Дж. Сакс.

Теоретические, методологические, методические и прикладные разработки решения проблем управления национальной экономики, в том числе лесным хозяйством, нашли отражение в работах В. Авдониной, И. Белинского, Л. Засловской, К. Келли, Дж. Найлза, В. Трипак, В. Шлыкова и др.

Также важно отметить работы П. Бергера, Т. Заславской, К. Поланьи, В. Радаева, В. Ядова, расширившие горизонты изучения трансформирующихся социально-экономических систем и позволившие обосновать модели их устойчивого развития. Нельзя обойти вниманием и труды российских экономистов в области управления социально-экономическими системами Е. Аврамовой, В. Жеребина, Т. Малевой, В. Пациорковского, которые оказали значительное влияние на осмысление переходных процессов российского общества и сформировали инструмент для объективной диагностики состояния российского общества и определения его места в системе координат устойчивого развития.

В последние годы в регионах России возрастает потребность в научно-исследовательских разработках сферы лесного хозяйства, обеспечивающих получение обратной связи от участников лесных отношений, оценки, мнения и пожелания которых в научно обоснованном виде предназна-

чены для разработки рекомендаций по повышению эффективности функционирования отрасли, а также принятия взвешенных управленческих решений. Для эффективного функционирования отрасли лесного хозяйства необходимо скоординировать действия всех заинтересованных акторов, а для этого необходимо создавать коммуникативные площадки. Одной из таких площадок стало исследование, проведенное в 2016 г. и позволившее получить обратную связь от населения и экспертного сообщества по вопросам, которые касаются беспокоящих их проблем, оценок эффективности реализации государственной лесной политики, открытости государственных органов власти. Таким образом, актуальность исследования не вызывает сомнения. Новизна полученных результатов заключается в полученных сведениях о мнениях референтных групп по целому ряду актуальных вопросов.

В ноябре 2016 г. Научно-техническим центром «Перспектива» был проведен количественный опрос в 40 регионах России с использованием методики «снежного кома», в опросе приняли участие 1604 респондента. Исследование было посвящено оценке общественного мнения об эффективности реализации государственной лесной политики и степени открытости уполномоченных в области лесного хозяйства органов государственной власти. В рамках данного исследования анализировались референтные группы Федерального агентства лесного хозяйства РФ:

- граждане Российской Федерации;
- представители государственных органов власти;
- организации различных форм собственности, ведущие хозяйственную деятельность;
- научные организации в сфере лесного хозяйства;

- учебные заведения в сфере лесного хозяйства;
- представители средств массовой информации;
- общественные организации;
- казачьи общества и объединения казаков.

Целью исследования в целом являлось повышение эффективности реализации государственной лесной политики, обеспечение открытости государственных органов лесного хозяйства на основе результатов изучения общественного мнения и оценок референтных групп. В контексте данной статьи рассматривались первоначальные составляющие: востребованность референтными группами информации о лесах и деятельности уполномоченных органов власти, оценка открытости органов власти, занимающихся лесным хозяйством, степень участия респондентов в общественных организациях и готовность к проявлению социальной активности в экологических или других акциях/мероприятиях, связанных с защитой и содержанием лесов.

Исследование показало, что в целом уровень информированности населения о деятельности в сфере лесного хозяйства можно охарактеризовать как низкий. Только 5% респондентов ответили, что довольно часто встречаются информацию о лесной отрасли своего региона, 19% встречаются такую информацию периодически, 36% опрошенных утверждают, что сталкиваются с информацией о лесном хозяйстве редко, а 39% – крайне редко (рис. 1).

Эксперты в большинстве регионов отмечают низкую информированность населения о государственной лесной политике, определяя ситуацию как информационный вакуум («О проблемах лесов пишут скупо, очень часто некачественно. Серьезных материалов нет, пото-

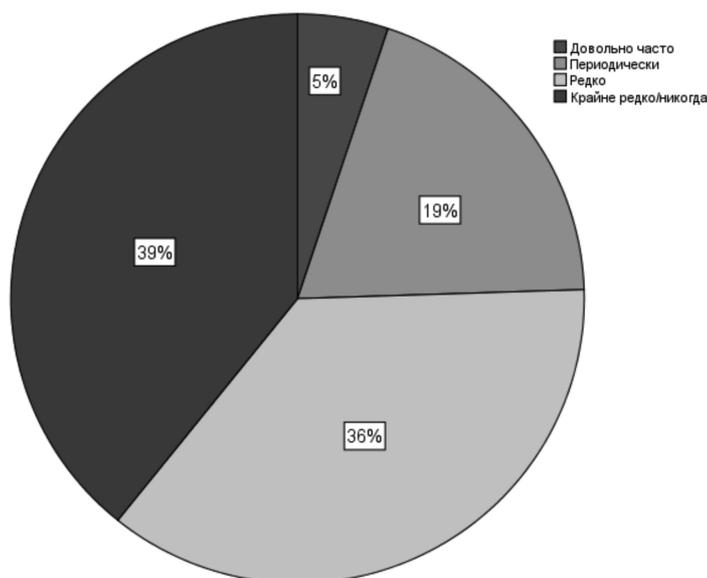

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы встречаете информацию о лесной отрасли Вашего региона?»

му что бизнес не заинтересован выносить сор из избы»).

Эксперты из различных регионов и сфер деятельности по-разному оценивают и эффективность государственной лесной политики. Часть экспертов придерживаются мнения о том, что в целом осуществляемая лесная политика является эффективной. В то же время в отдельных регионах экспертами высказывались негативные суждения о положении дел в лесной отрасли в целом.

Можно наблюдать отсутствие острого интереса у респондентов к информации о состоянии лесов и деятельности уполномоченных органов власти. На вопрос «Есть ли у Вас потребность в получении информации о лесном хозяйстве Вашего региона?» почти половина респондентов (49%) ответили, что «такой потребности нет», однако значительная часть опрошенных (44%)

заявили, что «потребность есть, но не острая», и только 7% испытывают острую потребность в получении информации подобного рода (рис. 2).

На рис. 3 можно видеть, что выделенные нами группы социально активных участников имеют значительно более высокие информационные потребности, чем так называемые равнодушные респонденты. Среди активных граждан остро нуждаются в получении информации о лесном хозяйстве 14%, у 56% есть неострая потребность, а нет такой потребности всего у 30%. И, наоборот, среди «равнодушных» респондентов испытывают высокую информационную потребность 4%, просто потребность – 38% и не испытывают потребности 58%.

Мнение о востребованности информации о лесах и уполномоченных органах власти в сфере лесных отношений, как правило, разделяют

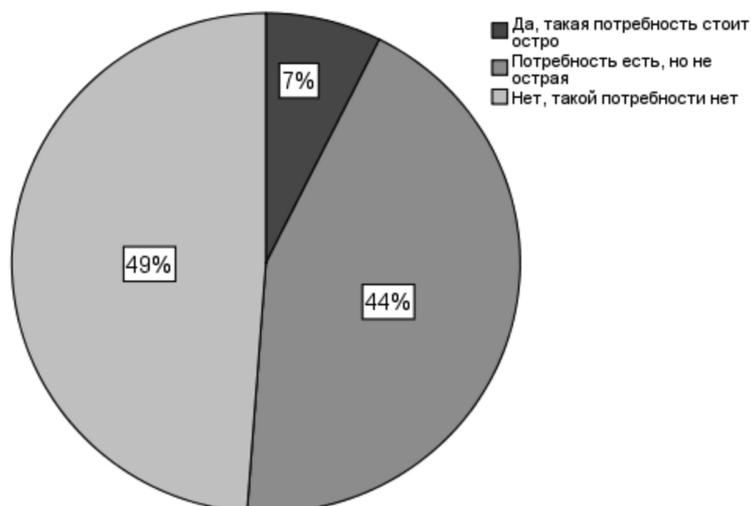

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли у Вас потребность в получении информации о лесном хозяйстве Вашего региона?»

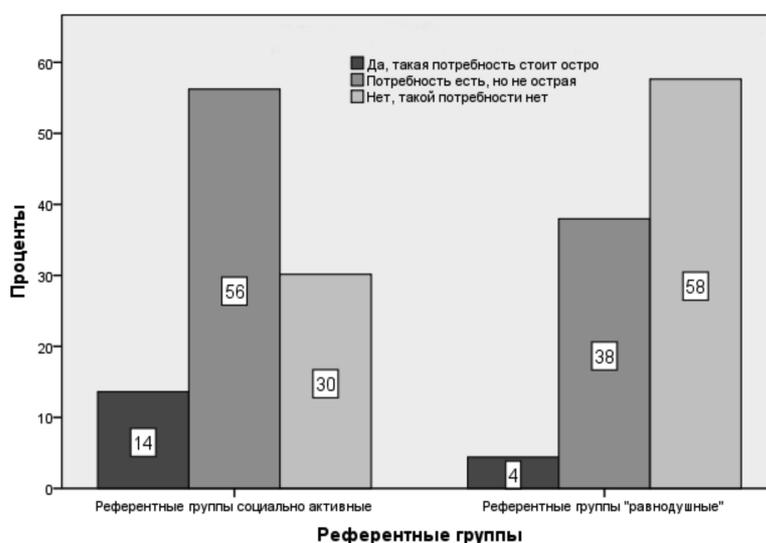

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть ли у Вас потребность в получении информации о лесном хозяйстве Вашего региона?», в разрезе социально активных и «равнодушных» референтных групп

представители референтных групп «общественные организации» (100%), «казахские общества» (100%), «государственные органы власти» (91%) и «учебные заведения» (67%).

Среди референтных групп «граждане РФ» и «организации, ведущие хозяйственную деятельность» точка зрения о востребованности информации о лесах у реальных и потенциальных участников лесных отношений менее распространена (51 и 40% соответственно).

Вероятно, такое распределение ответов респондентов связано с потребностью самих представителей референтных групп в информации о лесах и уполномоченных органах власти.

Уровень информированности населения о государственной лесной политике достаточно низкий: почти три четверти участников исследования (74%) признались, что ничего о ней не слышали, еще почти четверть (24%) ответили, что что-то слышали, но без подробностей. И только 2% респондентов заявили, что хорошо осведомлены о реализации государственной лесной политики (рис. 4).

Менее других информированы о реализации государственной лесной политики представители референтных групп «граждане РФ» (всего 2% информированы хорошо, а 74% совсем не информированы), «общественные организации» (75% не информированы) и «казахские общества» (50%). Средний уровень информированности о государственной лесной политике характерен для референтных групп «организации, ведущие хозяйственную деятельность» (40%) и «представители СМИ» (100%). Высокий уровень информированности можно отметить среди представителей референтных групп «государственные органы власти» (50%), «научные организации» (100%) и «учебные заведения» (67%).

С нашей точки зрения, такое распределение ответов опосредовано теснотой связи профессиональной деятельности представителей рефе-

рентных групп с нормативной документацией, регулирующей лесное хозяйство. Так, деятельность представителей широкой общественности (граждане РФ, общественные организации, объединения казаков), как правило, напрямую не связана с нормативными актами, регламентирующими лесное хозяйство, что объясняет их неосведомленность о реализации государственной лесной политики. Тогда как для представителей государственных органов власти, научных организаций и учебных заведений законодательные акты зачастую являются одним из основных источников информации, позволяющих профессионально исполнять свои должностные обязанности, что и объясняет высокий уровень информированности о реализации государственной лесной политики среди представителей соответствующих референтных групп.

Оценивая эффективность реализации государственной лесной политики, большая часть респондентов ставит оценки «плохо» – 48%, из них «скорее плохо» – 36% и «плохо» – 12%, положительные оценки поставили 30% участников опроса, из них «скорее хорошо» – 22% и «очень хорошо» – 8%. Затруднились оценить эффективность реализации государственной политики 22% респондентов (рис. 5).

Оценка эффективности реализации государственной лесной политики вызывает затруднения у большинства представителей референтных групп «государственные органы власти» (62%), «научные организации» (100%), «средства массовой информации» (100%) и «общественные организации» (60%). Отрицательные оценки, как правило, дают опрошенные, относящиеся к референтным группам «граждане РФ» (48%) и «организации, ведущие хозяйственную деятельность» (71%). Такое распределение ответов респондентов связано со слабой информированностью опрошенных о реализации государственной лесной политики.

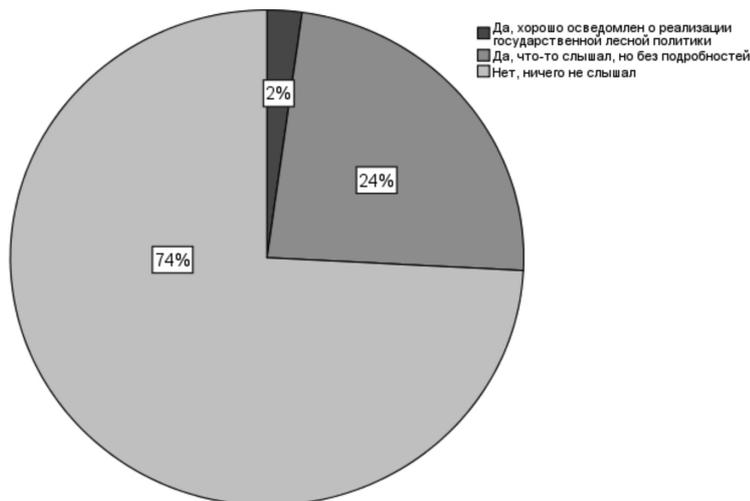

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Слышали ли Вы о реализации государственной лесной политике в Вашем регионе?»

Вопрос об оценке открытости органов власти, занимающихся лесным хозяйством, у 43% респондентов вызвал затруднение, 22% оценили степень открытости скорее отрицательно, 11% – безусловно отрицательно, 20% – скорее положительно и 4% – безусловно положительно (рис. 6).

В ходе исследования респондентам был задан уточняющий открытый вопрос «В чем, по Вашему мнению, проявляются недостатки в открытости органов власти, занимающихся лесным хозяйством в Вашем регионе?».

Большая часть респондентов, давших развернутый ответ на поставленный вопрос, недостатком открытости органов власти, занимающихся лесным хозяйством, назвала **отсутствие открытости или недостаточную их открытость:**

«недостаточное информирование о работе лесного хозяйства», «в том то и дело, что никакой открытости нет», «я их вообще не слышу, не

вижу», «я, например, ничего не знаю о том, что делает государство в этой сфере, и делает ли вообще», «впервые слышу о таких органах», «все дела творят тихо, не публично», «все делают втихаря», «Их деятельность если и есть, то никак не доносится до населения», «ИХ НИКТО НЕ ЗНАЕТ ИХ НЕ ВИДНО – ЗНАЧИТ ЗАКРЫТЫ», «не доносят до людей информацию о том, что предпринимается для охраны лесов, для предотвращения загрязнения», «Нет специального органа, информирующего общественность о лесе», «нет статистики и отчетов в открытом доступе», «открытости нет! руководство лесного хозяйства вообще не видно и не слышно», «отсутствует сайт», «официально никто не говорит ничего», «нет никакой информации, не знаем об их работе ничего».

Кроме того, очень часто респонденты отмечали **отсутствие информации в средствах массовой информации:**

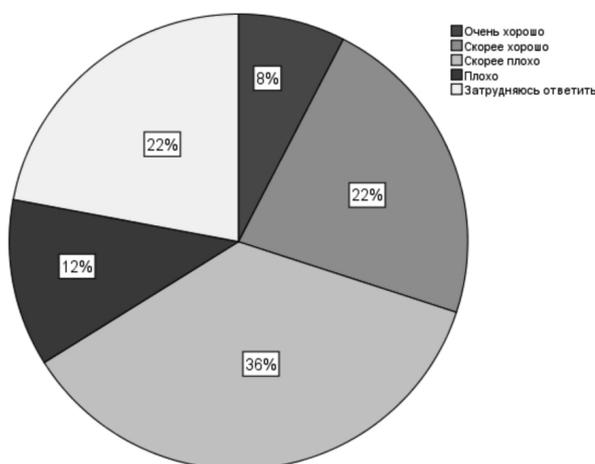

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы в целом могли оценить эффективность реализации государственной лесной политики в Вашем регионе?»

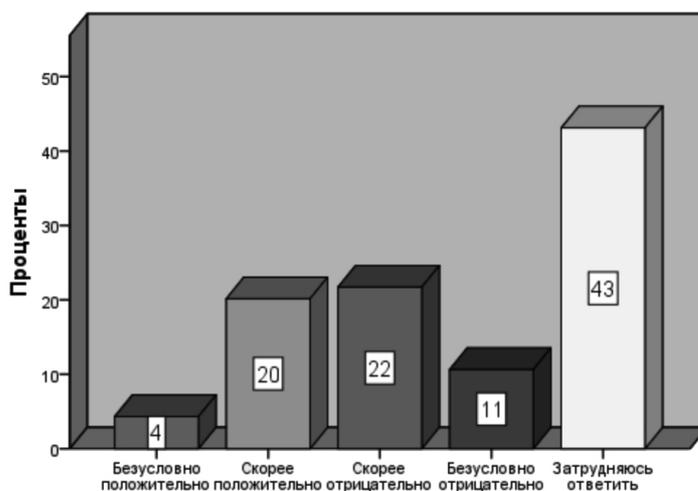

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы могли оценить открытость органов власти, занимающихся лесным хозяйством в Вашем регионе?»

«недостаток в том, что про лесное хозяйство говорят только в день лесника», «больше информации в СМИ», «нет информации в СМИ», «нет информации доступной», «нет информации о лесе», «нет информации о работе», «нет информации о работе органов» «нет информации об их работе», «нет информации от них», «нет информации по данному вопросу на телевидении, в интернете», «нет информации по исполнению нормативно-правовых актов по реализации в сфере лесного хозяйства».

Некоторые респонденты отмечали, что **не знают органов власти, занимающихся лесным хозяйством:**

«отсутствует информация, в чьем ведомстве находятся леса области», «практически отсутствует информация о действиях руководства лесного хозяйства», «сложно найти информацию об их деятельности, нет контроля за их работой, сами хозяева что хотят, то и творят».

Кроме того, были отмечены **недостатки, связанные с безразличием и бездействием:**

«безответственно относятся, не следят за лесным хозяйством, свалки, вырубка леса незаконно»;

с незаконной, неконтролируемой вырубкой:

«выдают под рубку, а там краснокнижные животные, вырубает большие площади лесных угодий», «дают рубить лес за копейки»;

с недоверием власти:

«говорят без дела, на деле ничего не выполняется со стороны власти», «даже не знаем, кто у нас в правительстве занимается лесным хозяйством, фамилию министра», «должны как то перед народом отчитываться, а этого нет», «не хотят этим заниматься и выкладывают информацию выгодную им», «ничего не рассказывают людям, значит ничего не делают, если что-то хорошее сделали – давно бы рассказали», «незаинтересованность органов власти в углубленном и детальном выявлении и решении проблем, возникающих в лесном хозяйстве», «воруют, поэтому не рассказывают», «все воруют, нет дела до лесов», «все врут», «все вырубает», «скрытие реальных масштабов проблем», «скрытие фактов коррупции», «скрытность руководства», «скрывают истинное положение дел в лесном хозяйстве области», «скрытые незаконные манипуляции», «утаивают настоящий размер сгоревших площадей леса»;

с мусором в лесу, проблемой с экологией:

«Загрязнения не убираются, мусора становится все больше, экология все хуже», «загрязняют водоемы», «коррупция, несанкционированные свалки мусора», «леса заброшенные, везде несанкционированные свалки», «не сообщают информацию, не организуют рейды по очистке леса от мусора».

Отмечались также **попустительство и выделение участков «для своих»:**

«лицемерием, разрешают строительство по берегу Волги, все строительные нечистоты текут

в воды Волги», «наши “слуги народа” депутаты, все строят свои дворцы в лесных угодьях, тем самым сами нарушают закон», «бесконтрольное распределение в аренду и продажу», «Самарская Лука не охраняется, как заповедник», «незаконные постройки в заповедных зонах», «незаконные постройки на берегах Волги», «не проверяют наличие лицензий».

Недостаточная работа по вовлечению жителей в сохранение и уход за лесом:

«не советуются, субботников нет по очистке леса», «не уделяют внимания работе с населением», «недостаточная информированность населения, нет диалога, пожелания людей не учитывают», «очень мало информации доводится до людей», «больше нужно привлекать школьников», «студентов к посадке деревьев в парковые зоны», «плохо освещаются мероприятия по уборке, очистке леса, в результате чего мало людей».

Низкая оценка качества работы чиновников, низкий уровень управленческих кадров:

«некомпетентность властей, нет людей, которые могут проявить себя в этом деле», «нецелесообразно используют лесные угодья», «нецелесообразным распределением денежных средств на поддержание лесного хозяйства», «неэффективная работа, халатное отношение органов власти к этой проблеме», «халтурят», «равнодушное, небрежное отношение к проблеме», «разобщенность в действиях власти различных уровней».

В ходе исследования была выявлена небольшая группа респондентов (3%), которые являются членами какой-либо общественной организации, волонтерского движения, связанного с использованием и защитой лесов (рис. 7).

Одна десятая участников опроса (10%) принимала участие в мероприятиях, связанных с защитой и содержанием лесов (рис. 8).

Из данных рис. 9 следует, что достаточно большой процент респондентов (32%) хотели бы потенциально принимать участие в акциях и мероприятиях, связанных с защитой лесов.

Подводя итог, можно сказать, что в целом уровень информированности населения о деятельности в сфере лесного хозяйства мы можем охарактеризовать как низкий на фоне отсутствия острого интереса у респондентов к информации о состоянии лесов и деятельности уполномоченных органов власти. Тем не менее, значительная часть респондентов в открытых вопросах отмечала необходимость обширной информационной и просветительской работы от руководства и сотрудников лесного хозяйства.

Уровень информированности населения о государственной лесной политике достаточно низкий. Оценивая эффективность реализации государственной лесной политики, большая часть респондентов ставит оценки «плохо» – 48%, из них «скорее плохо» – 36% и «плохо» – 12%, по-

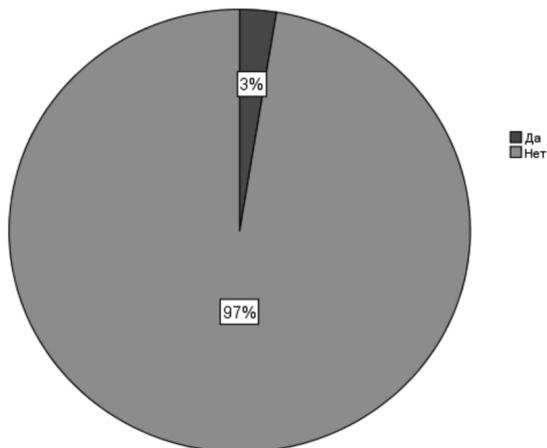

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, волонтерского движения, связанного с использованием и защитой лесов?»

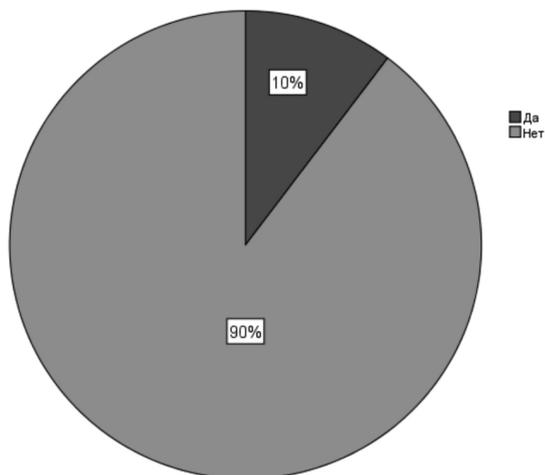

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в каких-либо мероприятиях, связанных с защитой и содержанием лесов?»

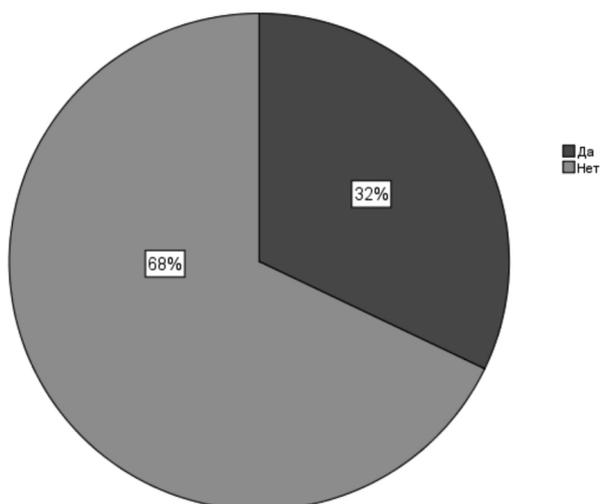

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотели бы Вы поучаствовать в экологических или других акциях/мероприятиях, связанных с защитой и содержанием лесов?»

ложительные оценки поставили 30% участников опроса, из них «скорее хорошо» – 22% и «очень хорошо» – 8%. Затруднились оценить эффективность реализации государственной политики 22% респондентов.

Разработка и реализация управленческих решений территориального характера требует применения социально-гуманитарного знания и профессионального вмешательства в управленческий процесс ученых-специалистов, в том числе и социологов. Как справедливо отмечает В. А. Ядов, «в рамках социального управления для решения постоянно возникающих новых общественных проблем, ...необходим постоянный глубокий научный анализ конкретной социальной ситуации, конкретное социологическое знание особенностей развития и функционирования разнообразных социальных общностей, социальных институтов, организаций, групп, отношений между ними с тем, чтобы ...определить наиболее эффективные способы регулирования социальных процессов»⁵. Соглашаясь с данным утверждением, применительно к проблеме гражданского социального участия нужно добавить, что также необходим глубокий анализ условий формирования состава субъектов управления лесным хозяйством (анализ многосубъектности).

Другими словами, на каждой конкретной территории может сформироваться свой определенный состав субъектов, участвующих в деятельности лесного хозяйства, который во многом будет зависеть не только от правовых норм, но и от социокультурных, географических, исторических, социально-экономических и других условий той территории, на которую направлено управленческое решение.

Поэтому в каждом конкретном случае существует настоятельная потребность в выявлении и анализе таких субъектов, определении существующих форм их организации, т.е. форм, в которых они могут быть представлены в ходе согласовательного процесса.

В целом, в российском законодательстве прописан целый перечень возможных форм участия. Сюда входят:

- непосредственное участие в управлении делами государства;
- обращение в государственные органы власти и органы местного самоуправления;
- проведение публичных мероприятий (митингов, пикетов, шествий, демонстраций);
- изложение мнения, обращение с письмами, жалобами, заявлениями, петициями и требование их рассмотрения;
- внесение предложений о проведении обсуждений проектов, референдумов;
- разработка, утверждение и проведение своих экологических программ;
- реализация избирательного права через депутатов и формирование законодательной власти;

- участие общественности в депутатских слушаниях и подготовке экспертных заключений по проектам нормативных актов;

- внесение проектов нормативных актов группой граждан, обладающих избирательным правом в установленном законодательством порядке;

- проведение социологических и консультативных опросов по выяснению общественного мнения.

Отдельно стоит упомянуть Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», регулирующий участие граждан в процессе выработки и реализации управленческих решений на муниципальном уровне. Причиной упоминания данного нормативного акта стало то, что только на «сравнительно небольших» территориях, которыми являются различного рода поселения, появляется больше возможностей для непосредственного взаимодействия граждан и власти, участия населения в выработке и утверждении решений, которые затрагивают их интересы. Данным законодательным актом было введено понятие «местное самоуправление». Местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, в том числе владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Органам местного самоуправления Центр и субъекты Федерации делегируют ресурсы и властные полномочия для решения местных вопросов под их ответственность.

Необходимо снять противоречие между наделением граждан законодательным правом оказывать влияние на ход разработки и исполнения управленческого решения, правом на защиту и учет своих интересов, правом на получение достоверной информации о разрабатываемом решении и отсутствием механизмов и инструментов, обеспечивающих реализацию данных прав в практике управления. Таким образом, постановка проблемы гражданского социального участия актуальна в двух отношениях: как со стороны правотворчества, так и со стороны правоприменения.

Можно с уверенностью говорить, что только в случае участия граждан в управлении сферой лесного хозяйства, включения их в процесс совместной деятельности по выработке и реализации социально-значимых проектов и программ возможно осуществление социального управления, уточнение его истинного содержания. Без такого участия само управление либо превращается в «административный ресурс», либо приводит к спонтанным, самоорганизующимся на основе конвенциональных соглашений отношениям, слабо способствующим принятию адекватного решения, удовлетворяющего общественные интересы. Другими словами, гражданское социальное участие является тем универ-

сальным механизмом управления, посредством которого реализуется истинный смысл социального управления, т.е. переход от субъектно-объектного воздействия к субъектно-субъектному взаимодействию. Содержанием такого управленческого механизма становится процесс согласования интересов разноуровневых субъектов управления (органов власти, граждан и других заинтересованных сторон в деятельности лесного хозяйства). Только введение гражданского социального участия в качестве основного способа выработки и реализации комплекса управленческих решений в сфере лесного хозяйства обеспечивает практическое использование потенциала социального управления.

Должна быть разработана эффективная система информирования граждан о положении дел и деятельности органов власти в лесной отрасли, в том числе на региональном уровне. Должно быть привлечено внимание министерств и ведомств к решению острых, по мнению жителей региона, проблем в сфере лесного хозяйства.

Примечания

- ¹ См.: *Олейник Е. Б.* Формирование и реализация структурной политики в лесопромышленном комплексе региона (на примере Дальневосточного федерального округа) : дис. ... д-ра экон. наук. Владивосток, 2014.
- ² См.: *Неверов А. В., Желиба Б. Н., Демидовец В. П.* Лесная политика государства : институциональные основы формирования и проблемы реализации // Труды БГТУ. Сер. 7. Экономика и управление. 2011. № 7 (145). С. 64–69.
- ³ См.: *Козырева Г. Б.* Социально-экономические условия устойчивого развития лесного хозяйства : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007.
- ⁴ См.: *Антонова Н. Е.* Региональные реакции на трансформацию лесной политики : на примере лесного комплекса Дальнего Востока : дис. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 2010.
- ⁵ *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М. : Омега-Л, 2007. С. 123. (Университетский учебник).

Образец для цитирования:

Захарченко А. А., Пит В. В. Совершенствование механизмов лесной политики и системы управления в лесной сфере в России: социологический взгляд // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 161–170. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-161-170>

Cite this article as:

Zakharchenko A. A., Pit V. V. Improving Forest Policy Mechanisms in Russia: A Sociological Point of View. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 161–170 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-161-170>

УДК 316.344.8

Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности

О. В. Мунина

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, munina-devinaov@yandex.ru

Механизм формирования гражданской идентичности личности в своей совокупности предполагает в том числе и патриотическую составляющую. Аспект патриотического воспитания молодого поколения в свете обострения ситуации на мировой геополитической арене приобретает особое звучание. Кроме того, во многих работах последних лет подчеркивается необходимость трансформации системы гражданско-патриотического воспитания представителей нового поколения, обусловленной несоответствием существующего теоретико-методологического обоснования реалиям времени и отсутствием системной деятельности, предполагающей учет и интеграцию всех субъектов, векторов и средств воздействия. Авторская рефлексия направлена на выявление потенциала физической культуры и спорта в качестве возможных средств гражданско-патриотического воспитания. Вектор исследовательского интереса предполагает конкретизацию применяемого понятийного аппарата и последующее сопоставление специфики формирования индивидуальной и групповой идентичности с ресурсами спорта и физической культуры.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентификация, гражданская идентичность, патриотизм, гражданско-патриотическое воспитание, молодежь, спорт, физическая культура.

Поступила в редакцию: 15.01.2020 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Role of Physical Culture and Sports in the System of Youth's Patriotic Education and the Mechanism of Civic Identity Formation

O. V. Munina

Olga V. Munina, <https://orcid.org/0000-0001-5994-4127>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, munina-devinaov@yandex.ru

The mechanism of the person's civil identity formation as a whole comprises, among other things, a patriotic component. The aspect of patriotic education of the young generation in the light of the global situation aggravation in the geopolitical arena acquires a special meaning. Besides, many recent investigations emphasized the need of transforming the new generation's civil-patriotic education system. It is justified by the inadequacy of current theoretical and methodological

reasoning of the time realities, the lack of systemic activity, with consideration of all actors, vectors and means of influence. The article deals with identifying the potential of physical culture and sports as possible means of civil and patriotic education. The vector of research interest involves the specification of the applied conceptual apparatus and the subsequent comparison of the specifics of individual and group identity's formation with the resources of sports and physical culture.

Keywords: identity, social identification, civic identity, patriotism, civic-patriotic education, youth, sports, physical culture.

Received: 15.01.2020 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174>

На протяжении всего периода существования человечества присутствовала социальная потребность принадлежности к определенной общности, подкрепленная гарантиями безопасности и защиты интересов индивида в данном сообществе. В XXI в., с приходом «цифры» и стремительным ускорением процессов социальной динамики, исследователи заговорили о кризисе идентичности современного человека, особенно идентичности групповой. Данное обстоятельство обусловило акцентирование научного поиска на функциональной нагрузке современного образования, связанной с приобщением нового поколения к базовым ценностям культуры, формированием гражданской идентичности и солидарности общества на различных этапах обучения и воспитания. В этой связи автору представляется возможным и даже необходимым определение ресурсных возможностей физической культуры и спорта в целях реализации гражданской идентичности представителей нового поколения. Но прежде остановимся на содержании применяемых нами терминов.

Начать следует с родового понятия «идентичность», одного из самых неопределенных в гуманитарной науке. Этимология слова «идентичность» (*identitas*) восходит к латинскому *idem*, означающему «тот же самый». В буквальном переводе имеет два значения: узнавание и отождествление¹. Широкое распространение понятие «идентичность» получает в середине XX в. после выхода в свет работ Э. Эриксона, использующего термин одновременно в двух значениях: и как сознательного чувства самобытности индивида, и как бессознательного стремления к солидарности

зации индивида с групповыми идеалами². В силу имеющейся синонимичности дефиниции в контексте нашей работы более уместно определение, данное Н. А. Тельновой, трактующей идентичность как осознанный процесс соотносительности человека с определенной общностью в конкретном социально-политическом контексте³.

Выделяют индивидуальную и групповую идентичность: первая свойственна одному человеку, бывает личностной и Я-идентичностью; вторая относится к функциям государства, его институтов, сообществ. Предоставляя в определенном контексте спектр возможных альтернатив поведения и способы его интерпретации и реализации, идентичность отвечает за постоянство личности. Обретение идентичности – цель взросления, поэтому значимое место отводится процессу получения образования, выбору профессии, профессиональному сообществу и профессиональной деятельности.

Категория «идентификация» (от лат. *identificare* – отождествлять) была включена в научный обиход З. Фрейдом как установление совпадения чего-либо с чем-либо и основа понимания человека человеком. Своими работами З. Фрейд заложил основу понимания идентификации в качестве решающего и универсального условия группообразования⁴. Идентификация является механизмом социализации индивида, предполагающим процесс и результат отождествления себя с другими людьми, группой, образом на основании установившейся связи, включения их в свой внутренний мир, принятия как собственных норм, ценностей, образцов. Механизм идентификации обеспечивает взаимную связь индивидов в социальной группе и психологическую защищенность личности.

Дефиниции «идентичность» и «идентификация» соотносятся между собой следующим образом: идентичность – это состояние как результат, а идентификация – процесс ее формирования, включающий общественную и культурную составляющие.

Социальная идентичность – сложная и многоуровневая система. Обзор научных публикаций и результатов исследований свидетельствует о том, что ученые рассматривают различные стороны социальной идентичности: культурная идентичность, историческая, гражданская, этническая, религиозная, гендерная, территориальная, средовая и т.д. Стремительные изменения социальной реальности и культурная диффузия усиливают подвижность всех перечисленных типов идентичности, обуславливают взаимообмен и заимствования, приводят к формированию так называемой Patchwork-идентичности, характерными чертами которой выступают пластичность, целостность и многоуровневость социокультурной реальности как реальности лоскутной.

Формирование и поддержание «объединяющей» идентичности в отдельно взятом государ-

стве – работа масштабная, системная и постоянная. Целью подобной деятельности выступает, прежде всего, формирование гражданской идентичности, предполагающей как индивидуальный, так и групповой уровень. В первом случае она представляет собой отождествление индивида с сообществом граждан определенного государства, непосредственно с самим государством. Во втором – является феноменом надличностного сознания, признаком консолидации гражданской общности, характеризующим эту общность как коллективный субъект. Гражданская идентичность имеет прямое отношение к целостности и состоятельности государства и гражданского сообщества.

Патриотизм является одним из факторов формирования гражданской идентичности, выступает как проявление «гражданственности» и находит выражение в деятельности, направленной на благо Отечества. Природа патриотизма определяется духовным и нравственным состоянием общества, исторической памятью. По мнению С. Г. Ивченкова, значение имеет и гендерная идентичность: «Юноши увязывают патриотизм со службой в армии, с патриотическими поступками. Девушки ориентированы на добросовестное выполнение своих обязанностей, воспитание детей и законопослушность»⁵.

Патриотическое воспитание является систематической и целенаправленной деятельностью органов государственной власти, институтов семьи, образования и гражданского общества, нацеленной на формирование у подрастающего поколения патриотического сознания, чувства верности Отечеству, готовности к выполнению своего гражданского долга и конституционных обязанностей, защите интересов своей Родины.

Как уже было отмечено выше, внимание исследователей последних лет приковано к проблемам и значению патриотического воспитания в процессе формирования гражданской идентичности. Практика демонстрирует нам сложность и противоречивость протекания процесса формирования гражданских и патриотических качеств, в связи с этим продолжается поиск новых приемов, форм и методов как самой деятельности в данном направлении, так и возможной модели интеграции различных социальных институтов в целях гражданско-патриотического воспитания представителей подрастающего поколения. Поскольку молодежь являет собой потенциал функционирования и благосостояния государства и общественной системы, степень его раскрытия напрямую зависит от того, заботится ли общество и государство о развитии, воспитании и образовании новых поколений. Более того, представители подрастающего поколения должны быть не только образованными и духовно развитыми, но и физически крепкими.

Сами по себе физическая культура и спорт являются неотъемлемой частью образа жизни

молодежи и играют важную роль в формировании общей культуры. Они являются фактором удовлетворения потребностей в движении и двигательной активности, выступают составляющими элементами достижения физического совершенства.

Физическая культура и спорт реализуют совокупность социальных и политических функций. В первую очередь, они прививают здоровый образ жизни и морально-волевые качества, дисциплинируют. И именно поэтому в большинстве развитых стран организуется государственный контроль над сферой спорта, реализуются соответствующие программы, осуществляется финансирование. Физическая культура и спорт являются носителями общественных и индивидуальных ценностей, которые можно использовать для укрепления общего здоровья как отдельно взятого человека, так и всего населения в целом. Последнее обстоятельство может служить задачам совершенствования общественной деятельности человека в целом, процессу формирования идентичности на уровне «Я». Так, в настоящее время одним из средств, стимулирующих всестороннюю физическую подготовленность молодежи и взрослых, является комплекс ГТО, благодаря которому люди приобщаются и к занятиям физической культурой и спортом, и к интегрирующей социальной системе, несущей большую патриотическую составляющую. Комплекс ГТО приобщает молодых людей к массовому физкультурному движению и открывает множеству людей дорогу в большой спорт, тем самым внося огромный вклад в развитие российского спорта⁶.

Во-вторых, социально-политические функции спорта не ограничиваются только лишь целью оздоровления населения. В периоды проведения международных спортивных соревнований у граждан усиливается чувство единства, люди активно «болеют» за спортсменом, демонстрируя мощный патриотический подъем. Таким образом, спорт, в самом широком смысле, сплачивает нации, выступая своего рода средством интеграции масс, способствующей процессу формирования групповой идентичности «Мы». Кроме того, в процессе занятий физической культурой или спортом молодой человек из числа нескольких ценностных образцов (норма, «значимый другой») выделяет тот, ориентируясь на который, чувствует себя на «своем месте», «в ладу с самим собой» или находится на пути к этому. Так он относит себя к определенной группе, территориальному и культурному сообществу, одновременно отличая свое сообщество от других. В условиях аномии, усиливающейся под воздействием погружения молодого поколения в виртуальную реальность и социальные сети как контридентичности, это особенно актуально.

В-третьих, следует отметить и тот факт, что специфика взаимосвязи спорта и патрио-

тизма заключается не только в интеграционном моменте, но и в наглядности примера, необходимого для патриотического воспитания молодежи. История нашего государства и документальные источники свидетельствуют о том, что будущие воины воспитывались на примере подвигов былинных богатырей, героев, а также реальных людей, которых народ помнил столетиями, – А. Невского и Д. Донского, К. Минина и Д. Пожарского. Позже образцом для подражания стали знаменитые военачальники и флотоводцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов, П. С. Нахимов и Ф. Ф. Ушаков и др.⁷

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что спорт и физическая культура выполняют множество значимых социальных функций, которые позволяют преумножить человеческий капитал и расширить потенциал его приложения. Кроме того, спорт и физическая культура являются важным элементом воспитания патриотизма и формирования гражданской идентичности на индивидуальном и групповом уровнях. Поскольку в основе гражданской идентичности лежит идентификация с обществом, государством и страной, следует оптимально грамотно использовать ресурс физической культуры и спорта, которые сплачивают население, выступая средством социальной интеграции.

В завершении статьи обратимся к точке зрения А. Э. Муталимова, утверждающего, что спорт приобретает определенное содержание, характер, направленность, ценность в зависимости от конкретных исторических условий, структуры общества, в рамках которого он развивается, от сознательной деятельности людей, которые его организуют и используют в определенных целях⁸. Развитие спорта и привлечение молодежи к занятиям физической культурой стало одним из приоритетных направлений молодежной политики России как на федеральном, так и на региональном уровнях. Так, приобщение молодежи к участию в спортивной жизни своего города и региона в Саратовской области осуществляется в рамках государственной программы «Развитие физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики» на 2014–2020 годы⁹. Увеличение числа людей, приобщающихся к занятиям спортом и физической культурой, послужило и закономерным эффектом этого, и индикатором качества реализуемой деятельности. Физическая культура и спорт превратились в массовый вид деятельности. С учетом достигнутого важно в последующем начать рационально применять потенциальный функционал спорта и физической культуры в целях формирования у представителей нового поколения гражданственности, патриотизма как основных духовно-нравственных и социальных ценностей, а также формирования навыков и умений к их активному применению в различных сферах жизни.

Примечания

- ¹ См.: Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестн. ТГПУ. Сер. Психология. 2005. Вып. 1 (45). С. 13–17.
- ² См.: Эриксон Э. Детство и общество: пер. с англ. Обнинск, 1993; *Его же*. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 1996.
- ³ См.: Тельнова Н. А. Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Филос. 2011. № 1 (13). С. 25–31.
- ⁴ См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я» / под ред. Е. Е. Соколовой, Т. В. Родионовой. СПб., 2010.
- ⁵ Ивченко С. Г. Особенности патриотических настроений молодежи города Саратова: гендерные различия // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления: материалы VI Междунар. науч. конф. (Саратов, 13 октября 2018 г.). Саратов, 2018. С. 63.
- ⁶ См.: Черняновская Т. Б., Антонюк С. Д. Массовый спорт как инструмент патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 7–8 (159–160). С. 57–63. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-7/8(159/160)-57-63
- ⁷ См.: Ружа В. А. Становление и развитие культуры патриотизма современного студенчества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013.
- ⁸ См.: Муталимов А. Э. Спорт как средство эстетического и патриотического воспитания молодежи // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 68–73.
- ⁹ См.: О государственной программе Саратовской области «Развитие физической культуры, спорта, туризма и молодежной политики» на 2014–2020 годы: постановление Правительства Саратовской области от 03.10.2013 № 526-п // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 10.02.2020).

Образец для цитирования:

Мунина О. В. Роль физической культуры и спорта в системе патриотического воспитания молодежи и механизме формирования гражданской идентичности личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 171–174. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174>

Cite this article as:

Munina O. V. The Role of Physical Culture and Sports in the System of Youth's Patriotic Education and the Mechanism of Civic Identity Formation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 171–174 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-171-174>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.4.05

Социально-трудовой конфликт в оценках работников банка

П. Ю. Кулагина

Кулагина Полина Юрьевна, аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulagina.yu@mail.ru

Развитие цифровой экономики, внедрение искусственного интеллекта в финансовую сферу России меняет систему социальных отношений современного банка. С одной стороны, возрастает состав накопленных информационных ресурсов, обновляется номенклатура технических цифровых средств труда, расширяется состав внутренних субъектов финансовых организаций. С другой стороны, в условиях системных информационных трансформаций в банковской сфере усиливается уровень конфликтности. Внедрение новых технологий не только приводит к смене организационной культуры финансовых организаций и стиля трудового взаимодействия, но и провоцирует формирование противоречий, возникновение социально-трудовых конфликтов различного уровня, масштаба и характера. Последние нуждаются в научном исследовании. Цель исследования – на основе анализа представлений персонала современного банка уточнить предпосылки формирования внутриорганизационных трудовых конфликтов, определить пути их устранения. Методами исследования стали анализ теоретических и эмпирических данных, анкетный опрос персонала современного банка. В результате выявлены социально-экономические предпосылки формирования трудовых конфликтов в современном банке: отсутствие практик социально-трудового партнерского сотрудничества, взаимной поддержки и взаимопомощи персонала; расширение состава работников, ориентированных на разрешение функциональных проблем через конфликтное взаимодействие; статичность и неэффективность системы мотивации инновационных внедрений, творческого труда работников. Предложены пути преодоления социально-трудовых конфликтов в банке.

Ключевые слова: социально-трудовой конфликт, банк, финансовая организация, персонал, внутренняя среда организации.

Поступила в редакцию: 22.01.2020 / Принята: 18.02.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

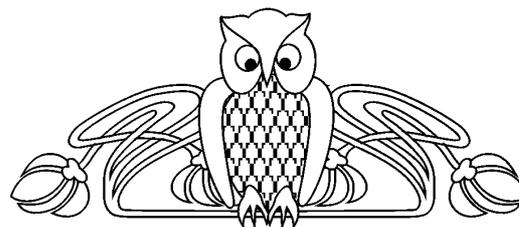
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social and Labor Conflict in the Estimates of Bank Employees

P. Yu. Kulagina

Polina Yu. Kulagina, <https://orcid.org/0000-0003-0438-370X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Sr., Saratov 410012, Russia, kulagina.yu@mail.ru

The development of the digital economy and the introduction of artificial intelligence into the financial sphere of Russia change the

system of social relations of the modern bank. On the one hand, the composition of accumulated information resources increases, the nomenclature of technical digital means of labor is updated and the composition of internal subjects of financial organizations expands. On the other hand, in the context of systemic information transformations in the banking sector, the conflict level increases. The introduction of new technologies leads not only to changing the organizational culture of financial organizations and style of labor interaction, but also provokes forming of the contradictions and the emergence of social and labor conflicts of different levels, scale and character. The latter need scientific research. The purpose of the study is to clarify the prerequisites of the forming intra-organizational labor conflicts and determine the ways to eliminate them on the basis of the modern bank staff's perceptions analysis. The research methods are the theoretical and empirical data analysis, and the questionnaire survey of the modern bank staff. The identified results revealed: the lack of practices of social-labor partnership cooperation and personnel's mutual support and assistance; the expansion of the staff oriented to resolving the functional problems via conflict interaction; the stability and inefficiency of the employees' innovative creative work motivation system. The ways for overcoming the social and labor conflicts in the bank are proposed.

Keywords: social and labor conflict, bank, financial organization, personnel, internal environment of the organization.

Received: 22.01.2020 / Accepted: 18.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-175-178>

Современная финансово-банковская система выполняет важную общественную функцию. Она, с одной стороны, перераспределяет денежные ресурсы общества, с другой – определяет условия и гарантирует процесс сбережения денежных средств населения, ускоряет и организует безопасное обращение денежных средств. Развитие банковской системы, финансовых посреднических организаций определяет динамику платежного оборота, осуществляет перелив свободных денежных ресурсов в виде кредитных ресурсов, что определяет условия развития как экономики в целом, так и личных домохозяйств в частности. При этом необходимо отметить, что российские банки, несмотря на длительный и устойчивый рост, имеют социальные проблемы, растет социальная напряженность в трудовых коллективах, достаточно часто возникают социально-трудовые конфликты во внутренней среде банковского сектора.

Таким образом, в настоящее время необходимо исследование не только теоретических проблем социального развития человеческого потенциала банков, но и социально-трудовых конфликтов в их среде.

Оценка социально-трудовых конфликтов осуществлялась учеными различных социологических школ. В рамках административной школы социальная оценка осуществляется на основе консервативных идей концепции бюрократии М. Вебера. Здесь социально-трудовой конфликт рассматривается в контексте проявления административного подчинения, реализации властных полномочий. Любое экономическое действие как форма социального действия включает в себя властные взаимодействия. Последнее и представляет предпосылку зарождения социально-трудового конфликта¹. Нэнси Фолбр в этой связи отмечает, что трудовые конфликты проявляются и должны оцениваться как элемент социально-трудовых отношений формальной организации. Данная оценка преимущественно осуществляется в субъективной форме и нацелена на выявление различия интересов, а также идентичности непосредственно персонала, управляющих, а также собственников².

В современных исследованиях представляется конструктивно-регулирующий подход к проблеме оценки конфликта в хозяйственной организации как противостояния «субъектов, имеющих противоречивые, противоположные представления, взгляды, нормы, ценности, интересы»³.

Так, Т. М. Баландина, Н. А. Ерохина, Н. Н. Черешник отмечают, что непосредственная оценка социально-трудовых конфликтов должна осуществляться в рамках комплексной оценки организационной культуры организации в целом: по вертикали (оценка уровня бесконфликтности трудовых процессов, формальной деятельности администрацией) и по горизонтали (субъективная оценка реально существующей культуры социально-трудовых конфликтов)⁴. Здесь подчеркивается необходимость субъективной оценки, прежде всего, социально-трудовых ценностей, культуры трудового профессионального взаимодействия работников формальной организации⁵, образовательно-профессиональных⁶, а также безосновательно-профессиональных практик⁷.

В обобщенном контексте исследователи указывают на необходимость при данной оценке, с одной стороны, исследования ощущений социально-трудовой напряженности, конфликтности⁸, с другой – анализа всего спектра удовлетворения социально-трудовых потребностей работников: удовлетворения условиями труда, эффективностью реализации социально-экономических проектов развития социально-трудовой сферы формальных организаций⁹.

Таким образом, оценка социально-трудового конфликта должна строиться на основе анализа объективных и субъективных первопричин рассо-

гласования трудовых интересов, акций социально-экономического противодействия. Также важным представляется уточнение практик формирования личных, коллективных, организационных социально-трудовых проблем работников в результате развития трудовых отношений в финансовой организации. По сути, оценка социально-трудового конфликта, с одной стороны, нацелена на выявление факторов, определяющих формирование противоречий в социально-трудовой системе организации, наличия конфликтных отношений, с другой стороны, данная оценка предусматривает необходимость выявления влияния конфликта на положительные, а также негативные практики организационного развития. Именно прогноз социально-трудовых и экономических результатов и последствий конфликта позволит разработать рекомендации и предложения по оптимизации проектов регулирования конфликтов в современной финансовой организации.

В статье анализируются данные социологического опроса «Социально-трудовой конфликт в оценках работников современного банка», проведенного автором в январе – феврале 2019 г. в Саратовском филиале АО «Р-банк». Количество респондентов составило 408 человек. Опрошенные имеют различный специальный и общий стаж работы. Возраст респондентов колеблется от 18 до 63 лет. Основную часть опрошенных составили женщины (76,5%), практически все сотрудники имеют высшее образование (93,1%). Все респонденты являются работниками банка, осуществляющими трудовую деятельность на постоянной основе.

Эмпирические данные, полученные в результате проведенного социологического исследования, дают возможность, во-первых, определить причины и частоту возникновения социально-трудовых конфликтов в исследуемой финансовой организации, во-вторых, уточнить методы, используемые в банке для урегулирования социально-трудовых конфликтов.

Так, при ответе на вопрос о том, были ли социально-трудовые конфликты за последний год работы, 25,0% опрошенных отметили, что за последний год было несколько конфликтов (от одного до нескольких); 2,9% акцентируют внимание на том, что в организации происходят конфликты постоянно (несколько раз в месяц); 3,5% отмечают ежемесячное проявление не менее одного конфликта.

Несложно заметить, что в исследуемой финансовой организации социально-трудовые конфликты обостряются достаточно часто. Около трети сотрудников данной организации в той или иной мере сталкиваются с конфликтными ситуациями. При этом большая часть участников опроса (54,4%) утверждают, что не являются конфликтной личностью. Вместе с тем за время работы каждому третьему из опрошенных в той или иной степени приходилось принимать

участие в разрешении конфликтной ситуации. Важно отметить, что в целом в финансовой организации отмечается рост напряженности трудового процесса, и это приводит к повышенной конфликтности и социальной неопределенности. У 24,5% респондентов данное явление вызывает желание уволиться из организации.

Большая часть респондентов (73,0%) считают, что возникающие трудовые конфликты в организации поддаются административному регулированию. При этом подавляющее большинство (59,7%) работников полагают, что конфликтные проблемы решаются в результате поиска компромисса между его участниками: более четверти (27,9%) полагают, что конфликт эффективно разрешался единолично руководителем подразделения.

Необходимо отметить, что социально-трудовые конфликты подавляющая часть сотрудников связывает с социально-экономическими факторами труда. Так, более трети опрошенных оказались не удовлетворены размером заработной платы (38,7%). Пятую часть персонала не устраивает режим работы (18,6%), техническое оснащение (17,2%). Имеется состав потребностей, которыми работники удовлетворены в полной мере. Большинство сотрудников полностью удовлетворены следующими аспектами: санитарно-гигиеническими условиями работы (56,9%), отношениями с коллегами (63,2%) и непосредственным руководителем (71,6%).

Помимо этого, данные опроса показали, что основные причины возникновения социально-трудовых конфликтов следующие: разное понимание правил, процедур, технологий трудовой деятельности; несправедливая оценка качества выполнения работы, заданий; личностные особенности, конфликтность самих сотрудников; стремление некоторых лиц переложить часть своих функциональных обязанностей на других.

Респонденты также отмечают, что на появление напряженности и конфликтов в коллективе влияют: переработки, необоснованное изменение функциональных обязанностей сотрудников, возложение на них дополнительных обязанностей и несправедливое получение и распределение материальных благ в подразделениях.

Социально-трудовой конфликт является результатом неблагоприятного социально-психологического климата, что приводит к росту трудовой напряженности, повышению неопределенности и в итоге к потере клиентов финансовой организации. В атмосфере неблагоприятного социально-психологического климата работник становится раздраженным и невнимательным. Последнее не позволяет качественно предоставить клиенту банковскую услугу. При этом основные усилия персонал направляет на урегулирование конфликтных ситуаций.

В условиях повышения социальной напряженности в организации важно оптимизировать процесс разрешения конфликтов, определить ме-

ханизмы государственной защиты трудовых интересов акторов. Большинство сотрудников банка считают, что достойно защитить их интересы способны только они сами (79,4%). На высшее руководство полагаются 20,1% опрошенных. Следует отметить, что лишь 4,4% респондентов считают, что достойно защитить их интересы могут в судебных органах, 2,9% полагаются на комиссию по трудовым спорам и лишь 2,0% готовы обратиться в профсоюзную организацию. Таким образом, при разрешении конфликтных ситуаций работники надеются, в первую очередь, на себя и не доверяют специально созданным органам, главной задачей которых является защита интересов сотрудников.

Из представленного анализа следует, что чаще всего сотрудники стараются не найти причину конфликта и оптимальный путь его решения, а просто уклониться от него, выбирая наиболее простой выход, а именно промолчать либо сменить место работы. В условиях конфликтной ситуации подавляющее большинство респондентов (90,2%) считают, что необходимо, в первую очередь, защищать интересы рядовых сотрудников, только 6,9% – интересы среднего звена управления. При этом высшие управляющие и собственники практически не нуждаются в защите. Только 2,9% респондентов считают, что в условиях социально-трудового конфликта топ-менеджмент и собственники нуждаются в государственной поддержке и защите.

Несложно заметить, что, согласно мнению подавляющего большинства работников исследуемого банка, самой незащищенной категорией сотрудников в условиях обострения социально-трудового конфликта являются рядовые работники. При этом на вопрос «Приходилось ли вам защищать своего коллегу от несправедливых действий?» меньше половины опрошенных ответили утвердительно (43,1%). На основе двухмерного анализа можно сделать вывод о том, что из тех опрошенных, которым приходилось защищать своих коллег от других сотрудников, единицы становятся участниками конфликта. На основании последнего можно сделать вывод о том, что большинство из тех, кто готов защищать своего коллегу от несправедливых действий, обладают определенным авторитетом либо имеют высокий административный статус в трудовом коллективе.

Считают, что повышение морально-нравственных качеств работников, усиление роли этических регуляторов является основным условием уменьшения конфликтов в среде служащих, 36,1% сотрудников банка; 32,6% акцентируют внимание на необходимости более четкого понимания критериев конфликта в среде служащих. На необходимость постоянной диагностики социально-трудовых конфликтов в финансовой организации обращают внимание 27,1% опрошенных. Определяется важность систематического сбора и анализа информации о зонах риска в деятельности финансовой организации

для принятия соответствующих административно-управленческих решений.

Таким образом, результаты, которые были получены в ходе проведенного социологического исследования, позволяют выявить следующие факторы обострения социально-трудовых конфликтов.

1. Незрелость практик социально-трудового сотрудничества, взаимной поддержки и взаимопомощи, что обуславливает снижение общей удовлетворенности трудовой деятельностью, возрастание неудовлетворенности работников поведением коллег, их личными социокультурными характеристиками особенностями. Последнее представляет собой основную социальную причину зарождения конфликтных отношений в отдельных подразделениях исследуемой финансовой организации.

2. Обострение организационного противоречия процессов разрешения социально-трудовых конфликтов. Сотрудники полагают, что наиболее эффективным методом разрешения социально-трудовых конфликтов является коллективный поиск компромиссных решений трудовых задач, на практике же разрешение социально-трудовых конфликтов осуществляется администрацией путем принятия жестких управленческих решений и распоряжений. Данное противоречие представляет собой организационную предпосылку трудовых конфликтов. Для его решения необходимо разработать систему мер, включающую проведение тренингов, деловых игр, бесед по бесконфликтному взаимодействию работников, уточнению роли и места представителей администрации при разрешении стратегических, тактических и текущих социально-трудовых конфликтов в финансовой организации.

3. Расширение состава работников, ориентированных на разрешение функциональных проблем через конфликтное взаимодействие. Пути разрешения социально-трудовых конфликтов работники видят по-разному. Большинство сотрудников не считают трудовой конфликт возможной и приемлемой практикой разрешения текущих и стратегических проблем. В то же время в коллективе имеются некоторые индивиды (около 7% сотрудников), которые не только не отрицают данный подход, но и стремятся систематически формировать конфликтный стиль разрешения проблем. В данной ситуации необходимо уточнение конфликтно ориентирующей группы работников и разработка программы для данных лиц, направленной на обучение последних бесконфликтным трудовым практикам.

4. Стагичность и неэффективность системы мотивации инновационных внедрений, творческого труда работников. Установлено, что основной мотивирующий фактор в финансовой организации – материальный (рост заработной платы, премии, бонусы, дополнительные выплаты). Анализируя социально-трудовые отношения, взаимосвязь трудового поведения при формировании конфликта, а также факторы стимулирования традиционного и инновационного труда, выявлено, что наиболее активная часть персонала, осуществляющая инновационные внедрения, разрабатывающая новаторские предложения, не имеет соответствующих материальных механизмов трудовой поддержки. Последнее приводит их к неудовлетворенности трудом, формированию конфликтных практик с менее активной частью персонала.

Примечания

- 1 См.: Weber M. Economy and Society : in 2 vols. Vol. I. University of California Press, 1978. P. 85–86.
- 2 См.: Folbre N. Who pays for the kids? Gender and the structures of constraint. L. ; N.Y. : Routledge, 1994. P. 348.
- 3 Кусниц В. А. Исследование теоретических основ трудового и организационного конфликта // Молодой ученый. 2018. № 23. С. 377.
- 4 См.: Баландина Т. М., Ерохина Н. А., Черевешник Н. Н. Оценка персонала в условиях перехода организации на инновационный тип развития // Вестн. СГСЭУ. 2018. № 2 (71). С. 192–196.
- 5 См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 46–52. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-46-52
- 6 См.: Балабай С. В. Ноосферная концепция образования // Наука и общество. 2019. № 2 (34). С. 110–114.
- 7 См.: Маслова Т. С. Профессионализм и профессиональная культура в современных социологических исследованиях // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22, № 6. С. 262–268.
- 8 См.: Ильинова О. В., Исмаил Р. Н. Трудовые конфликты : подходы к оценке последствий и механизмы управления // Вестн. БУКЭП. 2016. № 2. С. 244–248. DOI: 10.21295/2223-5639-2016-2-244-248
- 9 См.: Быченко Ю. Г., Пихтелев А. М. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 209–216. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6254>

Образец для цитирования:

Кулагина П. Ю. Социально-трудовой конфликт в оценках работников банка // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 175–178. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-175-178>

Cite this article as:

Kulagina P. Yu. Social and Labor Conflict in the Estimates of Bank Employees. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 175–178 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-175-178>

УДК 316.2

Социальная нетерпимость в современном российском обществе: региональное измерение

А. В. Круглов

Круглов Александр Валериевич, соискатель кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krugl555@mail.ru

Статья посвящена феномену социальной нетерпимости в современном российском обществе в региональном измерении. Статья базируется на результатах социологического исследования, проведенного в 2019 г. социологами Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Модель измерения отношения к различным социально-демографическим группам предполагала спектр шкальных позиций от степени максимального принятия до полной дистанцированности. Представители девиантных групп (наркоманы, алкоголики, проститутки, люди нетрадиционной сексуальной ориентации) составили кластер высокого уровня нетерпимости саратовцев. По отношению к ним большинство опрошенных испытывают ненависть, осуждение и отторжение. Возраст, как показал дальнейший анализ, также имеет значимость в оценке нетерпимости к представителям некоторых девиантных групп. Анализ территориальных особенностей проявления социальной нетерпимости также показал статистическую значимость корреляции. Так, чаще всего нетерпимость по отношению к представителям девиантных групп проявляют жители центральных районов Саратова. Те, кто состоят в браке и имеющие детей чаще холостых и бездетных испытывают чувства осуждения и отторжения к представителям девиантных групп. Корреляционный анализ также показал влияние того, считает ли человек себя верующим, на степень нетерпимости.

Ключевые слова: социальная нетерпимость, социологическое исследование, девиантные группы, региональный аспект.

Поступила в редакцию: 22.01.2020 / Принята: 18.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

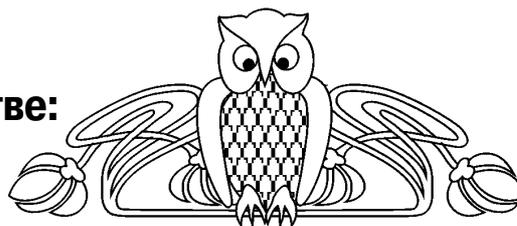
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social Intolerance in Modern Russian Society: The Regional Dimension

A. V. Kruglov

Aleksandr V. Kruglov, <https://orcid.org/0000-0002-5572-647X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krugl555@mail.ru

The article is devoted to the sociological research of the modern Russian society's social intolerance phenomenon in the regional dimension. The article is based on the results of the sociological study conducted in 2019 by the sociologists of Saratov State University. The model of measuring the attitudes to different socio-demographic groups involved a range of scale positions from the degree of maximum acceptance to total distance. The representatives of deviant

groups (drug addicts, alcoholics, prostitutes, people of non-traditional sexual orientation) presented a cluster Saratov citizens' high level of intolerance. Most of the respondents experience hatred, condemnation and rejection towards them. The further analysis showed that the age is also relevant in assessing intolerance towards the members of deviant groups. The analysis of the territorial characteristics of social intolerance also showed the statistical significance of correlation. Thus, the intolerance towards representatives of deviant groups is shown by the residents of Saratov central districts. Those who are married and who have children more often than single and childless have feelings of condemnation and rejection towards the members of the deviant groups. The correlation analysis also showed the impact of whether a person considers oneself to be a believer on the degree of intolerance.

Keywords: social intolerance, sociological research, deviant groups, regional aspect.

Received: 22.01.2020 / Accepted: 18.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-179-182>

Вопрос об уровне социальной нетерпимости современного российского общества является сегодня необычайно значимым. С одной стороны, упрочение социального мира предполагает ослабление этнической, конфессиональной, политической розни, т. е. социальной нетерпимости, препятствующей социальной интеграции. С другой стороны, в условиях выраженной идейной, культурной экспансии и анархии требуется укрепление общественного иммунитета в отношении неприемлемых, девиантных форм социального поведения. Такое положение предполагает поиск способов установления стабильности общества, одним из которых служит выявление и реализация возможностей остановки процессов, запускающих нетерпимость в ее крайних формах, что актуализирует изучение основ и содержания явления социальной нетерпимости.

Социологами Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в сентябре 2019 г. проведено исследование особенностей проявления социальной нетерпимости в современном обществе в региональном ракурсе. В соответствии с расчетами выборки в ходе исследования были опрошены 384 жителя Саратова. Группы по полу и возрасту (поколениям) представлены в равных пропорциях. Поскольку задачи исследования предполагали выявление гендерной и поколенческой специфики аспектов

нетерпимости, подобные пропорции нивелируют вероятность ошибки прогноза. Распределение по полу: мужчины – 49,7%, женщины – 50,3%. Распределение по поколениям: младшее (18–29 лет) – 38,0%, среднее (30–55 лет) – 29,9%, старшее (56 лет и больше) – 32,0%.

Большая часть опрошенных (51,0%) состоят в законном браке, чуть более 10,0% – в незарегистрированном, 36,6% по выборке не женаты.

Не имеют детей 33,9 % респондентов, 30,5% имеют одного ребенка, 22,7% – двух и 7,6% – трех и более детей.

Большинство респондентов по основному роду деятельности являются работающими в различных отраслях народного хозяйства, из них 78% – наемные сотрудники, 21,5% – занимаются предпринимательской деятельностью. Группы пенсионеров, учащихся и студентов составили по 15%, около 3% опрошенных находятся в статусе безработных.

Более половины респондентов (54,1%) имеют высшее образование, 28,9% – среднее специальное, 13,5% – основное общее, 2,9% – среднее.

Уровень жизни семей большинства участников опроса позволяет обеспечивать затраты на питание и одежду (чуть более трети респондентов). Такую же группу по объему составили те, кто могут покупать вещи длительного пользования. Кластер с низким уровнем жизни (9,1%) охватывает семьи, чьи доходы не позволяют обеспечивать необходимые повседневные потребности (продукты питания и одежду). Чуть более 22,0% семей саратовцев имеют высокий уровень жизни.

По национальности подавляющее большинство респондентов – русские. Около половины опрошенных (46,7%) считают себя верующими. Из числа ответивших на вопрос о вероисповедании большинство указали православие.

Замер уровня удовлетворенности саратовцев жизнью в целом показал достаточно высокие результаты: 48,2% удовлетворены своей жизнью, 7,3% – не удовлетворены и 18% – в равной степени удовлетворены и неудовлетворены.

Модель измерения отношения к различным социально-демографическим группам предполагала спектр шкальных позиций от степени максимального принятия до полной дистанцированности.

Представители девиантных групп (наркоманы, алкоголики, проститутки, люди нетрадиционной сексуальной ориентации) составили кластер высокого уровня нетерпимости саратовцев. По отношению к ним большинство опрошенных испытывают ненависть, осуждение и отторжение.

Корреляционный анализ позволил сформировать социально-демографический портрет человека, выражающего нетерпимое отношение к представителям данных социальных групп.

Влияние половой принадлежности на выраженность нетерпимости подтверждено статисти-

ческим критерием Фишера (при значимости 0,01, значение равно 0,2). Осуждение, отторжение и ненависть к алкоголикам женщины испытывают чаще, чем мужчины (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к алкоголикам в зависимости от пола респондента

Чувства или эмоции по отношению к алкоголикам	Распределение по полу, %		
	мужчины	женщины	итого
Расположенность	1,6	1,0	1,3
Солидарность	2,6	1,0	1,8
Уважение	0	1,0	0,5
Понимание	9,9	3,6	6,8
Жалость	23,0	21,4	22,2
Осуждение	14,7	22,9	18,8
Отторжение	14,1	21,9	18,0
Ненависть	7,3	8,3	7,8
Равнодушие	26,7	18,8	22,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Та же тенденция выявлена и по отношению к наркоманам и проституткам. К людям нетрадиционной сексуальной ориентации мужчины чаще, чем женщины, испытывают ненависть и отторжение.

Возраст, как показал дальнейший анализ, также имеет значимость в оценке нетерпимости к представителям некоторых девиантных групп. Осуждение и ненависть по отношению к алкоголикам чаще испытывают представители младшей возрастной категории (табл. 2).

По отношению к наркоманам, проституткам и представителям нетрадиционной сексуальной ориентации негативное отношение чаще демонстрируют представители старшего поколения.

Анализ территориальных особенностей проявления социальной нетерпимости также показал статистическую значимость корреляции. Так, чаще всего нетерпимость по отношению к наркоманам проявляют жители центральных районов г. Саратова – Кировского, Октябрьского, Волжского (табл. 3).

Данная тенденция проявлена и в отношении остальных девиантных групп.

Те, кто состоят в браке (либо официально зарегистрированном, либо нет) и имеющие детей, чаще холостых и бездетных испытывают чувства осуждения и отторжения к представителям девиантных групп (табл. 4).

Корреляционный анализ также показал влияние того, считает ли человек себя верующим, на степень нетерпимости. Так, респонденты, считающие себя верующими, чаще других проявляют нетерпимость по отношению к представителям девиантных групп (табл. 5).

Таблица 2

Отношение к алкоголикам в зависимости от возраста респондента

Чувства или эмоции по отношению к алкоголикам	Распределение по поколениям, %			
	младшее (18–29 лет)	среднее (30–55 лет)	старшее (56 и больше лет)	итого
Расположенность	3,4	0	0	1,3
Солидарность	3,4	1,8	0	1,8
Уважение	1,4	0	0	0,5
Понимание	5,5	5,3	9,8	6,8
Жалость	19,2	21,1	26,8	22,2
Осуждение	20,5	15,8	19,5	18,8
Отторжение	16,4	19,3	18,7	18,0
Ненависть	8,9	6,1	8,1	7,8
Равнодушие	21,2	30,7	17,1	22,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Отношение к наркоманам в зависимости от места проживания респондента

Чувства или эмоции по отношению к наркоманам	Распределение по районам проживания г. Саратова, %						итого
	Ленинский	Заводской	Фрунзенский	Кировский	Октябрьский	Волжский	
Расположенность	0	7,7	0,0	1,8	0	0	1,6
Солидарность	1,2	7,7	5,9	3,6	0	0	2,9
Уважение	1,2	0	0	0	0	0	0,3
Понимание	4,9	11,5	8,8	2,7	0	2,3	4,5
Жалость	28,0	15,4	17,6	25,0	1,9	20,5	19,8
Осуждение	8,5	13,5	14,7	24,1	31,5	15,9	18,5
Отторжение	28,0	9,6	11,8	19,6	24,1	31,8	21,4
Ненависть	7,3	11,5	0,0	15,2	3,7	9,1	9,3
Равнодушие	20,7	23,1	41,2	8,0	38,9	20,5	21,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Отношение к проституткам в зависимости от семейного положения респондента

Чувства или эмоции по отношению к проституткам	Распределение по семейному положению респондента, %			итого
	холост/не замужем	женат/замужем	состою в незарегистрированном браке	
Расположенность	1,4	2,0	0,0	1,6
Солидарность	3,6	1,0	7,3	2,7
Уважение	3,6	1,0	2,4	2,1
Понимание	7,9	4,6	7,3	6,1
Жалость	25,0	17,9	14,6	20,2
Осуждение	8,6	22,4	29,3	18,0
Отторжение	15,7	23,0	14,6	19,4
Ненависть	2,9	11,7	9,8	8,2
Равнодушие	31,4	16,3	14,6	21,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5

Отношение к людям нетрадиционной сексуальной ориентации в зависимости от религиозности респондента

Чувства или эмоции по отношению к людям нетрадиционной сексуальной ориентации	Распределение по отношению к религии, %			
	считаю себя верующим	затрудняюсь ответить	не считаю себя верующим	итого
Расположенность	0,6	4,0	1,0	1,6
Солидарность	2,2	3,0	2,9	2,6
Уважение	1,1	3,0	2,9	2,1
Понимание	5,0	8,0	5,8	6,0
Жалость	18,4	19,0	23,1	19,8
Осуждение	26,8	11,0	12,5	18,8
Отторжение	21,2	13,0	22,1	19,3
Ненависть	8,4	8,0	7,7	8,1
Равнодушие	16,2	31,0	22,1	21,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Учитывая модальные значения, можно получить обобщенный портрет саратовца, проявляющего чаще всего нетерпимость в отношении представителей девиантных групп. Это женщи-

на старшей возрастной категории, состоящая в браке, имеющая детей, верующая, проживающая в центральном районе города.

Образец для цитирования:

Круглов А. В. Социальная нетерпимость в современном российском обществе: региональное измерение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 179–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-179-182>

Cite this article as:

Kruglov A. V. Social Intolerance in Modern Russian Society: the Regional Dimension. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 179–182 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-179-182>

УДК 316.772.5

Социально-коммуникативные практики взаимодействия институтов власти и населения в регионе: социальные факторы и современные тенденции

А. А. Фомин

Фомин Андрей Анатольевич, заведующий лабораторией социологических исследований и информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tahhep2010@gmail.com

В статье на основе полученных в ходе авторского опроса, проведенного в 2018–2019 гг. в Саратовской области методом онлайн-анкетирования, результатов рассматриваются практики взаимодействия региональных институтов управления и населения. Выявляются их особенности, детерминируемые как общими, так и специфическими социально-историческими факторами развития российского общества и региона. Результаты исследования позволяют говорить, что текущий уровень информатизации общества недостаточен для открытой модели взаимодействия власти с населением.

Ключевые слова: регион, власть, социально-коммуникативные практики, информационное общество, опрос.

Поступила в редакцию: 11.01.2020 / Принята: 13.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social and Communicative Practices of Interaction Between Institutions of Power and the Population in the Region: Social Factors and Current Trends

A. A. Fomin

Andrey A. Fomin, <https://orcid.org/0000-0003-1075-2962>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tahhep2010@gmail.com

This article discusses the interaction of power institutions with citizens at the regional level. The definition of a region is given and described. The results of the study conducted in Saratov region are presented. The results obtained during the survey are analyzed and compared with the studies of other authors and statistical collections. These observations allow us to say that the current level of society's informatization is not enough for the open model of the interaction between the power and the population.

Keywords: state, government, social and communicative practices, information society, survey.

Received: 11.01.2020 / Accepted: 13.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-183-187>

В последние годы в ряде работ обращается внимание на особенности взаимодействия власти и социума. Были опубликованы работы, посвященные внедрению электронного правительства, цифровой экономики, но, тем не менее, многие аспекты данной тематики не рассмотрены со всех сторон и остаются до конца не раскрытыми.

Анализ социально-коммуникативных практик взаимодействия власти и социума был бы неполным без учета регионального сегмента. Можно с уверенностью говорить, что на региональном уровне сегодня продолжается формирование совершенно иной модели конфигурации взаимодействия властных институтов и населения, которая в большей степени тяготеет к синтетической, гибридной. Прежде чем перейти к ее характеристике, определим само понятие региона.

Понятие «регион» является один из наиболее употребляемых сегодня в общественных науках и в повседневной жизни. Но, несмотря на это, какого-либо универсального определения не существует. Более того, многие исследователи считают, что дать его невозможно вследствие дисциплинарно-методологической разноголосицы, широты охвата процессов и явлений и т. д. По этой причине существует большое число общих научно-методических и специфических дисциплинарных подходов к определению данного понятия.

В целом ряде случаев регион определяется как область, район, часть страны, мира, характеризующаяся некоторой общностью – экономической, географической, культурной, национальной, политической¹.

Несколько отличаются от данного определения теоретико-методологические трактовки региона. Одним из первых системно стал рассматривать регион известный отечественный социолог Н. А. Аитов². В его представлении регион является не просто территориальной, а социально-территориальной общностью, которая характеризуется единством экономической, политической и духовной жизни.

Таким образом, как видно из приведенных выше определений, социологическое видение региона шире, оно не концентрируется только на одном признаке. Более того, видя в регионе своеобразную социально-территориальную систему, ряд авторов считал неотъемлемым ее признаком наличие своеобразной социально-пространственной общности проживающего населения. Не случайно, отличаясь спецификой природно-климатических условий, исторического раз-

вития, определенным уровнем развития производства, инфраструктуры, регион вместе с тем обладает и достаточно своеобразной социальной структурой и инфраструктурой, характеризуется особенностями образа жизни населения.

Все это позволяет говорить о регионе как об особой органической части общества, которая, с одной стороны, развивается по его законам, с другой – имеет определенную специфику. Говоря о регионе в социологическом смысле, нельзя обойти вопрос о его пространственной локализации. Как уже отмечалось выше, многие авторы видели в регионе совокупность краев, областей, республик, имеющих ряд сходных черт и представляющих некое территориальное и народнохозяйственное целое.

В статье под регионом понимается Саратовская область. Выделение данной региональной единицы обоснованно, поскольку, как замечает ряд авторов, в частности Н. В. Зубаревич, она типична по 28 показателям для России в целом. Можно заметить, что для оценки индекса развития регионов, в том числе Саратовской области, ведущими факторами становятся не только наличие жизнеспособных производств, но и качество городского менеджмента (муниципального управления), человеческого капитала (здоровья и мотивации к труду)³.

Можно говорить, что из всех отраслей по различным показателям (в том числе произведенному национальному доходу, числу занятых в производстве людей, величине финансовых вложений) в Саратовской области выделяются отдельные отрасли промышленности, торговли, транспорта, банковского сектора, отчасти сельское хозяйство.

Политическое пространство региона включает не только совокупность органов и институтов власти, но и особую модель взаимодействия, складывающуюся между населением и данными институтами. Можно констатировать, что на региональном уровне в настоящее время формируется модель, которую можно определить как синтетическую, гибридную.

Это подтверждается результатами, полученными в ходе проведенного в 2018–2019 гг. автором исследования населения Саратовской области методом анкетирования (N = 600). В ходе исследования, целью которого было выявление уровня вовлеченности жителей региона в использование информационных ресурсов, были получены следующие результаты. Выявлено, что большинство пользователей социальных сетей находятся в возрасте от 14 до 75 лет (анкета распространялась через региональные группы в социальных сетях). Так как выборка охватывала всех пользователей соцсетей, то уровень образования сильно различается: 34,7% пользователей имеют высшее образование и степень специалиста, 24,8% являются бакалаврами и 16,5% имеют степень магистра. Также большинство состоят в браке – 47,9%, 31,4% респондентов не находятся в каких-либо отношениях. По найму работают 47,1% участников опроса, в сфере образовательных услуг – 14,9%.

Ответы на вопрос «Как часто опрошенные интересуются новостями о социально-политической жизни в стране?» разделились на две большие части: 33,9% от общего числа опрошенных интересуются событиями несколько раз в неделю и 33,6% просматривает новости на эту тематику ежедневно (рис. 1).

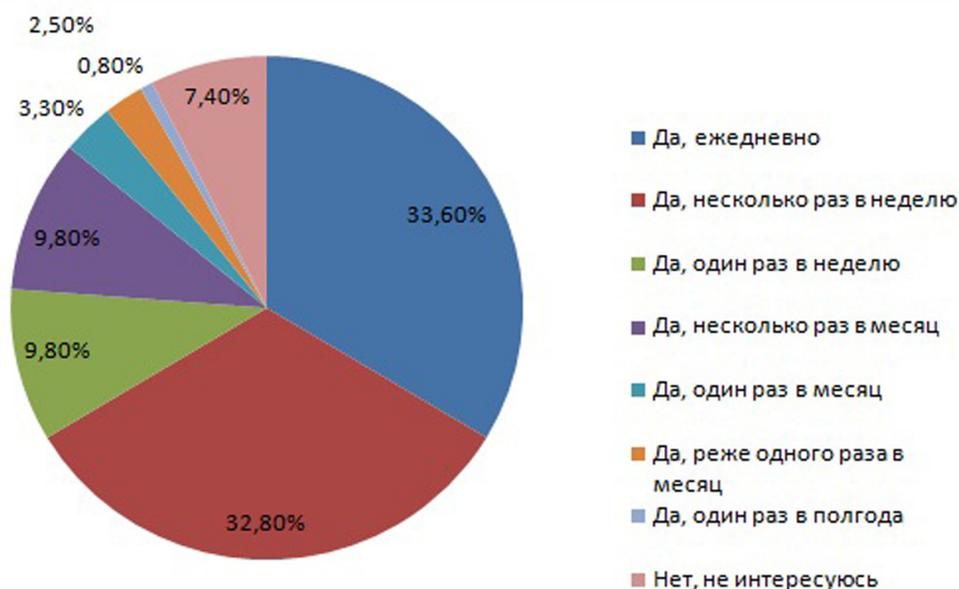

Рис. 1. Уровень заинтересованности респондентов новостями о социально-политической жизни в стране (цвет online)

Исходя из предыдущего вопроса, хотя большинство респондентов и интересуется различными аспектами социально-политической жизни страны и достаточно часто просматривают новости по этой теме, однако 57% опрошенных тратят на это до получаса времени, что может говорить о недостаточных вовлеченности и обдумывании прочитанной или услышанной информации.

Хотя 76,0% респондентов в дальнейшем поддерживают или сами поднимают вопрос для обсуждения услышанных новостей, 23,8% не вступают ни в какие дискуссии. Также подавляющее большинство (77,0% от общего числа опрошенных) респондентов не принимают участия в каких-либо социально-политических мероприятиях, и всего 12,3% участвуют один раз в год в каком-либо митинге, демонстрации или шествии.

В ходе исследования были получены интересные данные об участии респондентов в политических выборах. Большинство (32%) игнорируют абсолютно все политические выборы и 29,5% участвуют в большей части выборов (рис. 2). Это говорит о неоднородности гражданской позиции среди населения Саратовской области.

В связи с тем, что автором выбрана методика интернет-опроса, логично было предположить, что большая часть респондентов имеет доступ к Глобальной сети и достаточно много проводит в ней времени, что и подтвердили результаты опроса – 71,3% находятся в Сети более четырех часов в день.

Также 87,7% респондентов получают информацию о социально-политических событиях с различных интернет-сайтов. На втором месте по популярности распространения информации находятся блоги и социальные сети, на третьем – друзья, родственники и знакомые и лишь на четвертом месте находится телевидение.

Следующий вопрос был посвящен уровню доверия источникам информации. В ходе опро-

са были получены следующие данные: больше всего доверия у жителей Саратовской области вызывают блоги и социальные сети, на втором месте – интернет-сайты, что обусловлено и частотой посещения этих ресурсов. Больше всего недоверия, по мнению жителей Саратовской области, вызывают телевидение, рекламные плакаты и наружная реклама, газеты и радио.

Если рассматривать рейтинг сайтов и социальных сетей, в которых больше всего проводят времени респонденты, то 74,6% используют социальную сеть «ВКонтакте», 28,7% – официальные сайты администраций и одинаковое количество респондентов (18,9%) следят за лентами политических деятелей в социальной сети «Твиттер». Большинство респондентов (80,3%) не вступают в дискуссии на этих сайтах для обсуждения социально-политических новостей и 61,5% не следят за лентами новостей политиков. Очень часто представители институтов власти представлены только на местных административных сайтах, которые зачастую выступают скорее справочными страницами, чем дискуссионными площадками. Если же представитель власти и имеет страницу в социальных сетях, то чаще всего ее поддерживают помощники или PR отделы, что увеличивает дистанцию между населением и политической элитой. Многие страницы политиков имеют жесткую модерацию или же полное отсутствие возможности комментирования либо другого способа дискуссии.

Наш опрос и вторичный анализ результатов социологических исследований, которые проводились другими учеными⁴ и социологическими центрами, показали, что практически половина респондентов (48,7%) при возможности выбора взаимодействия с органами власти однозначно выбрали бы традиционный способ, т.е. личное обращение без использования ИКТ. Чуть более трети опрошенных (33,6%) предпочли бы выби-

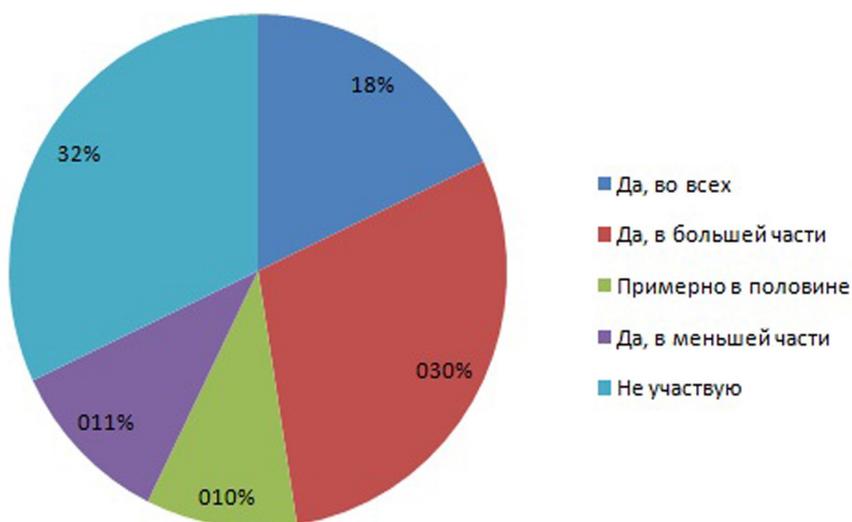

Рис. 2. Уровень вовлеченности респондентов в политические выборы (цвет online)

рать между личным обращением и интернет-обращением. Использовать исключительно электронный вид взаимодействия хотели бы только 17,7% опрошенных.

При этом самая низкая степень готовности была выявлена у пенсионеров, 80,4% которых предпочитают обращаться в органы власти только лично, 11,2% – лично или же через Интернет; 8,4% указали, что готовы использовать Интернет для получения государственных услуг.

Интересно, что степень владения компьютером и Интернетом не является определяющей для намерения получать государственные услуги в электронном виде. Результаты опроса выявили группу уверенных пользователей компьютером и Интернетом, в которой только 21,6% респондентов готовы взаимодействовать с органами власти через Интернет, а 30,1% не склонны доверять электронному обращению и делают это исключительно «лицом к лицу» (таблица).

По результатам ряда исследований, большинство респондентов считают, что внедрение механизмов электронного правительства никак не повлияет или скорее не повлияет на характер их взаимодействий с гражданами в процессе выполнения своих функций (55%). Это может свидетельствовать о том, что социокультурные установки общества еще не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются к новой социальной реальности, связанной с формированием информационного общества⁵.

Экспертные опросы, проведенные в последние годы среди научного сообщества и руководителей, показали, что важнейшими проблемами использования ИКТ как среди населения, так и среди представителей правящих элитных кругов являются недостаточное финансирование, несовершенство нормативно-правовой базы, а также недостаточный уровень квалификации.

В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что, как и многие институты и иные страты российского общества, политическая элита в ходе продолжающегося процесса трансформации приобретает ряд новых признаков, которые причудливо интегрируются с чертами, доставшимися ей в наследство от старой номенклатурной элиты. Для определения не-

которых наиболее очевидных и знаменитых тенденций изменения социального состава политической элиты региона автором были проанализированы биографии более 350 региональных политических деятелей, представляющих элиту трех регионов – Саратовской, Самарской и Волгоградской областей, в том числе более 120 политических деятелей Саратовского региона⁶.

Результаты анализа показали, что по-прежнему лидирующие позиции в составе политической элиты, как и в 90-е гг. прошлого века, занимают хозяйственники и менеджеры (включая бывших руководителей государственных предприятий ВПК и отчасти АПК, менеджеров фирм, работников федерального и регионального госаппарата), доля которых составляет сегодня на федеральном уровне 36,1%. По итогам прошедших 18 сентября 2016 г. выборов в Государственную Думу, доля хозяйственников в ее составе равняется 28,8%. На региональном уровне численность данного слоя варьируется от 30,0 до 60,0%. В Саратовской области в 1996 г. она составила 55,2%, а после избрания губернатором П. Л. Ипатова увеличилась до 58,8%. В 2019 г. данный показатель составляет в Саратовской области 42,6%, в Самарской – 44,7%, а в Волгоградской области равняется 51,8%⁷.

Имеющийся у представителей политической элиты профессионально-личностный потенциал, в том числе уровень и характер образования и специализации, связанные с техническими областями знания, свидетельствуют о не всегда полной готовности использовать социально ориентированные технологии, особые инновационные методики коммуникации, более характерные для представителей гуманитарного и социального знаний. Это проявляется в том числе в большей привязанности к уже опробованным, а иногда и чисто формальным сторонам процесса внедрения ИКТ в жизнь современного общества.

Все сказанное выше показывает, что технологический уровень развития информационных процессов не приводит пока к существенным социальным и политическим предпосылкам складывания открытой модели взаимодействия, характерной для развитых информационных обществ.

Распределение ответов респондентов, отражающих отношение к получению электронных государственных услуг в зависимости от уровня владения компьютером и Интернетом

Способ взаимодействия с органами государственной власти	Уровень ИКТ-компетенций респондентов, %			Процент от общего числа опрошенных
	Уверенный пользователь	Неуверенный пользователь	Не знакомы с ПК и Интернетом	
Личное обращение	30,1	48,7	78,6	49,7
Личное обращение или интернет-обращение	41,4	31,6	8,8	28,6
Только интернет-обращение	21,6	10,3	4,9	15,4
Не определились	4,6	5,6	3,1	4,2
Затруднились с ответом	2,3	3,8	4,6	2,1

Примечания

- ¹ См.: Основы регионоведения : Опыт разработки лекционного курса : учеб. пособие / Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского ; Л. С. Аникин [и др.] ; под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 7.
- ² См.: *Аитов Н. А.* Социальное развитие регионов. М. : Мысль, 1985. С. 163.
- ³ См.: *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России : проблемы и тенденции переходного периода. М. : Едиториал УРСС, 2003. С. 125.
- ⁴ См.: *Луканин А. В.* Трансформация институциональных форм взаимодействия публичной власти и населения в условиях становления информационного общества в России : дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2014. С. 80.
- ⁵ Там же. С. 140.
- ⁶ Для анализа использовались сайты: Правительство Саратовской области; Саратовская областная Дума; Интернет-энциклопедия «Кто есть, кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона; Волгоградская областная Дума; Администрация Волгоградской области; Известные люди юга России; Самарская губернская Дума; Правительство Самарской области.
- ⁷ См.: *Покатов Д. В.* Политическая региональная элита : социологический ракурс трансформационной динамики. М. : Маска, 2017.

Образец для цитирования:

Фомин А. А. Социально-коммуникативные практики взаимодействия институтов власти и населения в регионе: социальные факторы и современные тенденции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 183–187. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-183-187>

Cite this article as:

Fomin A. A. Social and Communicative Practices of Interaction Between Institutions of Power and the Population in the Region: Social Factors and Current Trends. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 183–187 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-183-187>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

«Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть вторая)

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Публикация представляет собой вторую часть (окончание) исследования, посвященного выяснению причин повышенного интереса отечественного научно-экспертного сообщества к использованию понятия «ценность исследования» в качестве инструмента экспертизы качества научной продукции. В этой части публикации анализируются препятствия, которые на пути научного поиска и на пути экспертизы результатов такого поиска создает требование к эксперту точно установить, что в исследовании, несомненно, актуальном, новом, а также практически и теоретически значимом, может в дополнение к указанным критериям качества послужить свидетельством его особой «ценности» для мировой и отечественной науки. В статье предложен способ, как превратить критерий «научной ценности» из предмета разногласий между исследователем и экспертом в предмет их соглашения по поводу смысла и порядка проведения научной экспертизы.

Ключевые слова: научная экспертиза, критерии качества научного исследования, ценность научного исследования.

Поступила в редакцию: 13.03.2020 / Принята: 18.03.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

“Value” as a Prerequisite to the Quality of Modern Political Science Research (Part Two)

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is the second part (a continuation) of the research aimed at defining reasons of heightened interest of Russian academia to using the notion “value of a study” as a tool of evaluation the quality of scholarly product. In this part, the author analyzes hindrances caused by demands to experts to specify what exactly makes a new, topical, theoretically and practically significant research “valuable” in terms of world and domestic science. A way is offered how to turn this criterion of “scholarly value” from point of contention between a scholar and an expert into a subject of their agreement over the sense and procedure of scholarly expertise.

Keywords: scholarly expertise, criteria of quality of research, value of research.

Received: 13.03.2020 / Accepted: 18.03.2020 / Published: 01.06.2020

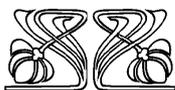
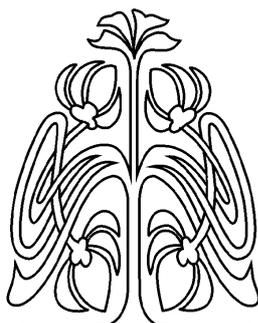
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>

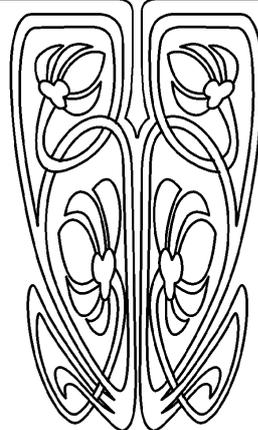
Окончание. Начало см.: Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 52–58.

Недостающее звено

Многим отечественным исследователям, и не только гуманитариям, сегодня критерий «ценность научного исследования» пред-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ставляется как раз тем «недостающим» звеном в технологии научной экспертизы, взявшись за которое, сегодня можно всю экспертную работу, а также саму научно-исследовательскую работу поднять на качественно более высокий уровень – тот, который часто именуют «мировым уровнем». Общепринятые сегодня индикаторы качества научного исследования – «актуальность», «цель и задачи», «методология», «новизна», «гипотеза», «теоретическая и практическая значимость» – по-разному работают в зависимости от того, с какого рода научным текстом имеет дело эксперт¹. Естественно, что требования к изложению, например, «актуальности» или «методологии» в диссертации или тезисах научного доклада будут разными.

Здесь же речь идет о критерии, на основании которого эксперт мог бы достоверно судить о достоинствах и недостатках самой по себе научной идеи, вне зависимости от того, в научный текст какого формата и объема она помещена своим создателем: в диссертацию, монографию, научную статью или тезисы научного доклада. В идеале у эксперта должна появиться возможность одним словосочетанием или даже просто одним словом выразить всю гамму своих позитивных и негативных впечатлений от знакомства с конкретным научным текстом и тем определить судьбу научной идеи и ее автора.

Насколько оправданны эти расчеты на формулировку «ценность научного исследования», если посмотреть на них с точки зрения намерения специалистов получить предельно простой, всеобъемлющий и, главное, четко работающий индикатор для определения достоинств и недостатков научного текста? Польза для экспертизы от введения в научный оборот такого универсального индикатора качества исследовательской работы очевидна. Не очевидна практическая польза от использования в роли такого индикатора формулировки «ценность научного исследования».

К выбору формулировки «ценность научного исследования» на роль «критерия всех критериев» исследователей сегодня подталкивают, как представляется, два обстоятельства.

Наверное, привлекательна сама по себе его метафизичность. Действительно, с какой точки зрения, материалистической или идеалистической, позитивистской или постмодернистской, естественнонаучной или гуманитарной, ни посмотри, ничего вокруг нас нет выше (можно сказать, сакральнее) того, что современные науки обозначают понятием «ценность». И «актуальность», и «достоверность», и даже «новизна» – все это, образно выражаясь, «физика» научной работы исследователя и научного текста, им написанного. Это то, что изначально допускает возможность и даже необходимость споров между авторами и экспертами и даже между самими экспертами по поводу деталей исследования

(нередко деталей формальных). Понятие «ценность» ориентирует всех без исключения участников экспертной процедуры на восприятие научного продукта либо как чего-то совершенно и неоспоримо уникального по своему качеству, либо, напротив, как чего-то столь же неоспоримо ненаучного.

Переходу обсуждения отечественными специалистами экспертного потенциала формулировки «ценность научного исследования» в плоскость конкретных научных разработок и предложений поспособствовала терминология нормативных документов ВАК РФ. Особенно тех, которые определяют порядок проведения научной экспертизы кандидатских и докторских диссертаций. Так повелось с советского времени, что для отечественных исследователей и экспертов официальные формальные требования к диссертациям являются в то же время значимым ориентиром в их работе и с другими научными текстами: статьями, монографиями и докладами.

В «Положении о порядке присуждения ученых степеней»², например, присутствует такая формулировка: «16. Организация, где выполнялась диссертация, дает заключение по диссертации... В заключении отражаются личное участие соискателя ученой степени в получении результатов, изложенных в диссертации, степень достоверности результатов проведенных соискателем ученой степени исследований, их новизна и практическая значимость, **ценность научных работ соискателя ученой степени** (здесь и далее выделено нами. – Н. Ш.)...»³.

Далее в том же документе сказано: «23. Оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв на диссертацию, в котором **оцениваются** актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций...»⁴.

Следующий пункт гласит: «24. При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает по диссертации организацию (с ее согласия), широко известную своими достижениями в соответствующей отрасли науки и способную определить **научную и (или) практическую ценность** диссертации...»⁵.

В разделе «II. Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней» задача экспертов, а также и самого диссертанта сформулирована еще более конкретно: «10. <...> Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и **оценены** по сравнению с другими известными решениями»⁶.

Контекст, в котором фигурируют понятия «ценность» и «оценены», вполне допускает, что авторы документа заботились о его стиле и пытались разнообразить его терминологию. Понятия «ценность» и «оценены» в данном случае без из-

менения первоначального смысла текста можно было бы заменить понятиями «значимость» и «сопоставлены». И два последних понятия, возможно, даже более точно определяли бы суть того, что нормативный документ, процитированный выше, требует от автора научного текста и эксперта.

Создатели документа, вполне вероятно, изначально не собирались делать «ценность» специальным критерием в ряду прочих критериев качества научной продукции. Но по факту именно это и произошло. Лексика нормативного документа обязывает его исполнителей не меньше его смысла. Невнимание исследователя (особенно диссертанта) и эксперта к деталям формулировок и терминологии нормативного документа, может, при известных обстоятельствах, свести на нет все их творческие усилия, стать причиной непризнания соответствующими высшими экспертными инстанциями результатов их совместной работы над научным текстом.

Оправдана в этой связи чуткость, с которой российское научное сообщество откликнулось на идею не мельчить с характеристиками качества научной продукции, а эту продукцию «оценивать», как и все на современном рынке образовательных и научных услуг. Главное достоинство формулировки «ценность научного исследования» в качестве инструмента научной экспертизы – это ее применимость в разных науках, как гуманитарных, так и точных, и естественных, и для анализа содержания самых разных научных текстов. В идеале эта формулировка должна поднять экспертную работу в отечественной науке на надотраслевой уровень. Она должна позволить всему экспертному сообществу в нашей стране говорить на одном языке и видеть достижения и просчеты отдельных, например, политологов в контексте общего состояния российской науки.

Тем не менее, вернемся к уже поставленному вопросу: насколько оправданы ожидания специалистов, что включение в экспертный дискурс формулировки «ценность научного исследования» выведет научно-исследовательскую и экспертную работу на качественно более высокий уровень?

Ключевая неопределенность

Дискуссии последних лет о лучших способах установления «ценности» научной продукции наглядно показывают, что чем дальше, тем больше формулировка «ценность научного исследования» приобретает в технологии экспертизы свойство ключевой неопределенности. То есть вместо того чтобы упростить исследователям и экспертам работу и взаимопонимание, эта новация приносит в них новые теоретические и практические трудности. Вместо того чтобы сделать процедуру экспертизы более строгой, она открывает эксперту возможность довериться

своим впечатлениям от знакомства с научным текстом.

Неопределенность обнаруживает себя и в смысле понятия «ценность», когда оно применяется для характеристики результатов научной работы, и в том, как специалисты сегодня представляют себе связи данного нового и универсального индикатора качества научного текста с другими, традиционными для отечественной науки критериями определения этого качества.

В. А. Петровский, например, предлагает читателю своей публикации считать свидетельством «ценности» научного исследования его результаты⁷. Точнее, «меру» их «информативности», «нетривиальности» и «значимости» для удовлетворения нынешних информационных запросов потребителей научной продукции. Подход автора к решению задачи внешне прост, но не бесспорен, если исходить из соображений практического применения. С одной стороны, сами по себе понятия «мера» «информативности», «нетривиальности», «значимости», с философской точки зрения, не являются понятиями со строго фиксированным смыслом. С другой стороны (если иметь в виду предназначенность формулировки «ценность научного исследования» для вывода технологии экспертизы на надотраслевой уровень), восторг эксперта-математика по поводу «нетривиального» решения теоретической задачи вполне может разделить, например, философ. Восторг социолога будет ожидаемо меньше, как и позитивная реакция эксперта-политолога. «Ценность» такого нетривиального решения социологической либо политологической задачи станет очевидной лишь по следам многократной практической апробации предложенного теоретического новшества, а также по следам практической востребованности результатов решения наукой, политикой, экономикой, правом и т. д.

У эксперта-историка попытка коллеги представить политические события и явления в «нетривиальном» виде вызовет, скорее всего, негативную реакцию. Он отождествит ее с покушением на «историческую правду», добытую десятками поколений отечественных и зарубежных историков. Он будет видеть в ней стремление протащить в науку идею «альтернативной истории». Заметим, все попытки сторонников постмодернистской философии навязать гуманитариям обязательный «нетривиальный» взгляд на предмет и метод их творческой работы пока что, когда дело доходит до конкретных исследований, встречают стойкое скептическое отношение со стороны большинства профессионалов.

С чем особенно можно поспорить, так это с тем, как В. А. Петровский предлагает осуществлять замер «нетривиальности» научной продукции. Делать это нужно, по его мнению, путем сравнения результатов, полученных исследователем, с «типичными представлениями людей». Сравнение же должны выполнять некие «неза-

висимые эксперты» независимо друг от друга. «Нетривиальным» упомянутые эксперты должны признать, по мнению автора, тот результат, который не соответствует ожиданиям и предположениям людей, «исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений...»⁸.

Иначе говоря, по мнению В. А. Петровского, шанс быть высоко оцененным должен иметь только тот продукт творчества ученого, который способен повергнуть современников в шок. Если он, этот результат, хоть чуть-чуть соответствует человеческому здравому смыслу и традиционным представлениям (для традиционных научных представлений современных людей, заметим, автор тоже не делает исключения), то мера его нетривиальности, а вместе с этим и «ценности» для науки и практики будет значительно меньше. Спасительным для ученого, как следует из рассматриваемых рекомендаций, должно быть соответствие его творческого результата «нетипичным» представлениям людей об окружающем их мире. Все эти рекомендации хорошо вписываются в «глобальный тренд толерантности». Вместе с тем их трудно связать с задачей любой отрасли современной науки решать множество типичных проблем повседневной жизни людей на основе их столь же типичных представлений об окружающем мире.

Политология по определению наука социальная. Она не перестает быть наукой оттого, что решает задачи, например, оптимизации электоральных технологий и воспитания граждан в патриотическом духе на основе «типичных» представлений российских граждан о свойствах и правилах либерально-демократической политики, а также на основе столь же «типичных» претензий к этой политике со стороны граждан. Политологи находят разные решения этих задач оптимизации, но в научном поиске ориентируются вовсе не на «нетривиальность», шокирующую обывателей и «независимых экспертов» (опять же вопрос: от чего или от кого эти «эксперты» независимы настолько, чтобы разбираться в соответствующей научной проблематике лучше профессиональных исследователей, когда те выступают в роли экспертов?), а на рациональность, а также на моральную и практическую приемлемость своих научных рекомендаций для своих же сограждан. Это подход, рассчитанный на, так сказать, «качественный метод выявления ценности научного исследования».

Другой разработчик «ценностной» методики научной экспертизы, В. А. Рач, предлагает поставить ее на более прочную основу математической статистики⁹. Иначе говоря – от качественных подходов к выявлению меры «ценности» научного труда перейти к количественным замерам. Предложение привлекательное, но оно требует от эксперта использования той самой более или менее широкой шкалы критериев, от

«актуальности» до «практической значимости». Тогда как на сегодняшний день весь практический смысл включения в технологию научной экспертизы понятия «ценность», если верить сторонникам такой инициативы, состоит именно в том, чтобы эксперт мог уйти от использования шкалы этих критериев.

В. А. Рач утверждает, что эксперту для признания научного труда «ценным» необходима его «целостная оценка». Исходить эта оценка должна из характеристики экспертом «величины вклада в объект исследования в виде результата решения проблемы», а «величина вклада» должна быть результатом последовательной характеристики экспертом «актуальности», «новизны», «методологии», «цели и задач», «теоретической и практической значимости», «аргументированности» авторских выводов¹⁰. Ключевое новшество, которое, по мнению автора, должно сделать «ценность» всеобъемлющей, объективной и универсальной характеристикой вклада ученого в свою науку, состоит в том, чтобы заменить суждения экспертов об «актуальности», «новизне» и т. д. по принципу «хорошо/плохо» дробной шкалой процентов, на основании которых потом ученому за его достижения начисляются баллы. Возможно, для распределения денег внутри исследовательского коллектива грантополучателей такая технология еще может пригодиться. Для научной же экспертизы решение проблемы ее объективности путем усложненных манипуляций с процентами и баллами не выглядит удачным.

В. С. Либенсон в своей публикации предлагает вариант соединения классно-оценочно-балльной методики выявления «ценности» любого научного труда с качественной его характеристикой, ориентированной на «нетривиальность»¹¹. Автор разумно предлагает не смешивать фундаментальные теоретические исследования с прикладными, описательные тексты с заявками на новые исследовательские предметные области и проводить замеры качества научных текстов по процентам и баллам внутри каждого отдельного «класса» научных текстов. В науке, как утверждает автор, «ценность полученной информации отнюдь не тождественна ее утилитарной полезности»¹². А значит, главной «характеристикой ценности научной информации является ее новизна» (!)¹³. «Произведение баллов “за класс” на баллы “за новизну”, – утверждает автор этой новации в технологии научной экспертизы, – и есть условная числовая характеристика ценности научной работы»¹⁴.

Свой выбор в пользу отождествления «ценности» с «новизной», а не каким-либо другим критерием качества современного научного труда автор объясняет просто: «новизна» научной информации подразумевает, что она «уменьшает неопределенность» в наших представлениях о мире и человеке и является для нас «неожидан-

ной»¹⁵. Если судить о проблеме с позиции «идеала научности», то, наверное, так оно и есть.

Но, важно заметить, автор рассматриваемой публикации претендует на создание практически работающей технологии научной экспертизы. Получается тогда, что новыми принципиально не могут быть признаны результаты такого научного исследования, которое увеличивает неопределенность в представлениях людей о мире и о себе. А таких исследований очень много. И без них, тех, в которых исследователи формулируют в виде гипотез заявки на переход своей науки от определенных и устоявшихся представлений к неопределенным, а потому еще пока неустойчивым, развитие современной науки представляется невозможным. Сегодня в разряд «не новых», а потому для науки и общества «не ценных» попали бы, наверное, многие серьезные труды отечественных и зарубежных специалистов по этногенетике, пока что только увеличивающие неопределенность научных представлений о происхождении и последующем историческом взаимодействии различных групп людей на Земле. Сюда, по логике автора, следовало бы включить также труды астрофизиков, занимающихся сегодня изучением крайне неопределенного объекта с условным названием «темная материя» и «темная энергия». Но специалисты в соответствующих областях знания, напротив, уверены, что именно такого рода исследования обозначают передовую край развития современной науки.

С. А. Прокопенко в статье с говорящим названием «Смысл и значение диссертации» предлагает считать новизну, обоснованность, достоверность, системность признаками «особой научной значимости» любого диссертационного исследования¹⁶. Такое предложение, если рассуждать логически, допускает возможность присутствия в тексте диссертации еще чего-то «ценного», но «не особенно ценного» – того, что, согласно той же логике, требует от эксперта иного применения критериев, упомянутых автором, либо использования каких-то других критериев.

Член-корреспондент РАО В. М. Полонский в своей публикации предлагает связать смысл и функциональность формулировки «ценность научного исследования» со смыслом и функциональностью критерия «теоретическая значимость исследования»¹⁷. Автор полагает, что этот критерий полнее всего характеризует «ценностную сторону результатов исследования». Академик, предвзято возможный вопрос относительно выбора связи именно этих двух критериев (относительно невозможности связать, например, критерий «ценность» с критерием «актуальность»), делает пояснение: критерий «теоретическая актуальность»¹⁸, в отличие от критерия «актуальность», характеризует «готовый продукт исследования».

Аргумент убедительный, но почему бы тогда не связать «ценность» научного исследования

и с его «практической значимостью»? Тем более что речь в рассматриваемой публикации идет об экспертизе научных работ по педагогической науке. Понятно, что критерий «теоретическая значимость» выглядит более фундаментально, особенно применительно к экспертизе диссертаций. Тем не менее, в истории науки бывало так, что в полной мере «теоретическую значимость» конкретной научной работы или целого научного направления научное сообщество, сограждане по достоинству оценивали лишь по прошествии многих лет. Даже если «практическая значимость» научного достижения была им более-менее очевидна. Практическая сторона, например, научной селекционной работы, основанной на представлениях о наследовании живыми организмами полезных и вредных признаков, была понятна специалистам давно. Десятилетия понадобились для признания того вклада, который ученые-генетики сделали в теорию селекционной работы. В истории педагогики тоже есть примеры того (пример с педагогическими экспериментами А. С. Макаренко в этом отношении показателен), как общество признавало практически результаты опытной работы педагога, но на протяжении многих лет и даже десятилетий отказывалось видеть в этом опыте теоретическое достижение.

В такой ситуации утешение начинающему исследователю-политологу, который старается уложиться в сроки подготовки диссертации, можно найти в словах автора одной из публикаций, который (ссылаясь на слова Ж.-Б. Ламарка, что лучше подвергнуть длительным испытаниям открытую истину, лишая ее заслуженного внимания, чем допустить легкомысленное признание всего, что создается «воображением человека») оптимистично заключает: «В истории науки немало примеров, когда фундаментальные открытия признавались общественностью только после смерти авторов»¹⁹. Звучит как совет соискателя ученых степеней сегодня не спешить с защитой своих диссертаций!

Если вернуться к проблеме экспертизы диссертаций, то предложение судить об их «ценности» на основании их «теоретической значимости» фактически ставит и эксперта, и диссертанта в сложное положение. Кандидатская или магистерская квалификационные работы, согласно ныне действующим требованиям к ним ВАК РФ, не предполагают значительного вклада их авторов в теорию своей науки. Добросовестный эксперт в такой ситуации должен самостоятельно домысливать теоретическую значимость труда своего молодого коллеги, чтобы открыть ему путь в науку. Диссертанту же остается лишь надеяться на удачу, что когда-нибудь его прикладное исследование признают «теоретически значимым», а потому и «научно ценным».

У специалистов в области прикладных технических исследований есть свое представление о том, каким образом определять их «ценность».

Например, сайт «Энциклопедия по машиностроению XXI»²⁰ рекомендует своим пользователям руководствоваться представлением, что «ценность это оценка» результатов исследования, что это оценка его «новизны», а последняя зависит от того, насколько новые результаты работы ученого «меняют имеющиеся представления об окружающем мире»²¹. Иначе говоря, инженер, даже если он создает действительно новую технологию строительства или же обработки материалов, не может претендовать на признание результатов своих трудов «ценными» для науки и практики. Ему необходимо для признания совершить в области своей науки ни больше ни меньше как переход от старой к новой научной парадигме. Иначе говоря, стать, пользуясь общеизвестной в среде политологов терминологией Т. Куна, инициатором новой «научной революции»!

Автор одной из интернет-публикаций на интересующую нас тему предлагает, ссылаясь на труды Г. П. Выжлецова, более простой вариант определения «ценности» научной продукции, не предполагающий необходимости совершения научной революции каждый раз, когда защищается диссертация или публикуется научная статья. С его точки зрения, «ценность» является «единством средства и цели»²², иначе говоря – единством научного предмета и метода исследования. То есть достаточным, с точки зрения автора, критерием «ценности», например, политического исследования, является согласованность в нем предмета и метода, обеспечивающая достоверный результат. К своему простому решению автор вместе с тем делает важную поправку, сводящую на нет всю экспертную прагматичность его подхода. О «ценности» научного исследования, считает он, можно рассуждать лишь тогда, когда оно направлено на достижение «желаемой цели, становящейся идеалом»²³.

Таким образом, достижение диссертантом или автором научной публикации неких промежуточных результатов в изучении большой и сложной политической или какой-либо иной проблемы не сделает его труд «ценным» по определению. Все у них будет хорошо только в том случае, если они поставят перед собой цель собственными творческими усилиями довести решение конкретной научной проблемы или комплекса проблем до состояния «идеала».

Экономист Б. Б. Леонтьев справедливо, на наш взгляд, не разделяет такого оптимизма²⁴. Он приводит доводы в пользу того, что дожидаться признания у своих коллег ученому, может быть, не суждено никогда. Просто потому, что даже в границах одной научной дисциплины то, чем занимается один исследователь, не всегда может быть понятно его коллегам на том уровне, чтобы они могли его рассматривать в качестве неоспоримого вклада в науку. В научном мире, замечает автор, «свои идеи чаще переоцениваются, чужие обычно недооцениваются. <...> Ценность

своих и чужих идей чаще всего воспринимается весьма и весьма субъективно»²⁵. И продолжает: «...когда оказывается, что прежние догадки об этих новых фактах и взаимосвязях в природе со временем не опровергаются, а подтверждаются и, более того, становятся доказанными и их начинают поддерживать коллеги, то нередко «первооткрывателем» этого нового знания вдруг становится кто-то более влиятельный, более известный или более предприимчивый»²⁶.

Еще более критичный, в определенном смысле провокационный, взгляд на саму возможность каким-либо образом оценить качество научной продукции предлагает читателю своей публикации Ричард Фейнман²⁷. Он категорически отрицает, что вопрос «ценности» научного исследования является предметом изучения самой науки. Что из плодов научного творчества «ценно», а что нет, решают люди, на практике пользующиеся этими плодами. С точки зрения самой науки, полагает автор, мера «ценности» ее плодов определяется тем «интеллектуальным удовольствием», которое они доставляют своим создателям²⁸. В случае с научной экспертизой мерилom «ценности» должно быть, вероятно, то удовольствие, которое от прочтения текста своего коллеги получает эксперт.

Разнообразие точек зрения ученых на такой важный предмет, каким являются критерии для определения качества того или иного научного исследования, само по себе естественно. Я привел лишь некоторые примеры этих точек зрения. Прежде всего, те, с которыми начинающий политолог-исследователь с наибольшей вероятностью может познакомиться в Интернете. Даже эти немногочисленные примеры позволяют уловить суть основной трудности с внедрением сегодня критерия «ценность научного исследования» в практику научной экспертизы.

Авторы различных предложений по использованию этого критерия в качестве универсального основания научной экспертизы отталкиваются либо от представлений о свойствах «современной науки вообще». То есть решают проблему критериев научной экспертизы относительно к специфическим условиям развития отдельных направлений научного знания и еще более специфическим теоретическим и практическим задачам, которые сегодня решают различные науки. Либо они пытаются свои впечатления, вынесенные из собственной исследовательской и экспертной практики в рамках конкретного научного направления, распространить на все направления работы современных ученых. Либо они хотят наполнить понятие «ценность» максимально широким философским смыслом. Либо делают из него арифметическую (в полном смысле слова, поскольку речь идет в том числе об использовании количественных индикаторов) сумму результатов использования других количественных и качественных критериев.

Речь идет, по сути, о том, чтобы сложную теоретическую и практическую задачу сформулировать и решить «в одно действие». Представляется, что при наличии большого разброса мнений специалистов, а также при отсутствии более или менее репрезентативного массива сопоставимых данных по практике применения критерия «ценности» отечественными экспертами такой способ решения задачи не является оптимальным. Можно сослаться на советский опыт решения сходных задач таким же способом. Советская наука, например, многие десятилетия своего развития именно таким порядком пыталась найти место критерию «партийность научного исследования» в ряду других критериев его качества. За все это время советские теоретики так и не пришли к четкому пониманию того, что такое эта «партийность» применительно к конкретным научным исследованиям по гуманитарной и не гуманитарной тематике. Не пришли к ясности в вопросе о том, как «партийность» в научном исследовании соотносится с его «объективностью».

Решение «в одно действие» проблемы «ценного» содержания научного текста ожидаемо, как это уже было в случае с «партийностью», будет иметь результатом закрепление за формулировкой «ценность научного исследования» в составе технологичной научной экспертизы статуса метафоры. Метафоры, которая позволит эксперту субъективно оценивать качество конкретного научного текста, даже если объективно его оформление, структура и научное содержание безупречны, еще и на предмет его соответствия «требованиям момента» и «духу времени» (т. е. политической, экономической, правовой и собственно научной конъюнктуры). В таком случае эксперт может прямо перейти к идеологическим оценкам личности исследователя и содержания его труда. Это, надо заметить, уже было прежде в истории отечественной науки. Либо, избегая прямых аллюзий с какой-либо идеологией, написать в экспертном заключении пару общих фраз. Так, как это относительно недавно пришлось сделать мне. В тексте «Заключения» ведущей организации по одной из кандидатских диссертаций по политологии (в соответствии с требованиями со стороны диссертационного совета, в котором была намечена защита диссертации, высказаться по поводу ее «ценности») я вынужден был написать: «... ценность диссертации определяется тем, что ее автор заявляет себя и ответственным исследователем, и ответственным гражданином, и вносит свой посильный вклад в прогресс российских государства и общества». Как показала успешная защита, такой вариант, в принципе, всех устроил.

Возможен ли иной вариант решения задачи, не основанный на манипуляциях с научным дискурсом? Вероятно, возможен. Но он потребует уже не пересмотра теоретических основ экс-

пертизы, а самого ее, привычного нам сегодня, организационного порядка. При трудностях с использованием какого-то одного, «единственно научного» толкования формулировки «ценность научного исследования» автор этого исследования и его эксперт никем и ничем не ограничены в своих возможностях заранее, еще на этапе разработки программы научного исследования, договариваться между собой. В частности, о том, что именно в будущем исследовании считать «ценным» и по каким признакам эту «ценность» обнаруживать в тексте, подготовленном для публикации либо для публичной защиты. Это значит, что эксперту придется выступать, наряду с научным руководителем, в роли одного из организаторов исследовательского процесса и его контролера на всем его протяжении.

Это совсем другая, по сути, стратегия научно-исследовательской работы и участия эксперта в ней, чем принятая сегодня. Она, эта новая стратегия, подразумевает иную меру зависимости исследователя от своего потенциального эксперта в предложении новых идей и решений. Она подразумевает и иную, гораздо большую, чем сейчас, меру ответственности эксперта за собственные рекомендации исследователю и те просчеты в работе последнего, которые он изначально по каким-то причинам не заметил и не предотвратил. Представляется, что к такому радикальному пересмотру всей стратегии экспертной работы научное сообщество, в том числе сообщество отечественных политологов, в настоящий момент не готово. Хотя ничто, в принципе, не мешает ему поставить перед собой задачу такую подготовку провести. Это потребует немалых сил и времени, что само по себе делает актуальным вопрос практического смысла такого мероприятия. Намного лучше для качества научной экспертизы, как представляется, просто договориться, на уровне экспертного и исследовательского сообществ, о научной некорректности и недостаточной этичности использования в строгих процедурах научной экспертизы критерия с заведомо мало кому понятным, а потому допускающим недобросовестные толкования смыслом.

Творческую же активность сторонников терминологических новаций в научной экспертизе направить на решение иных, более практически важных задач. Например, на решение вопроса о том, каким образом при проведении исследований (особенно по гуманитарной тематике) и их последующей экспертизе не разрушить и без того сегодня тонкую границу, традиционно отделяющую труд ученого от труда богослова. Те изменения, которые сегодня происходят в системе государственной аттестации научных кадров и связаны с включением богословия в ряд научных дисциплин, потенциально допускают возможность утраты четкости этих границ в сознании следующих поколений рос-

сийских ученых. А это принципиально изменит и качество научных исследований, и саму технологию их научной экспертизы. К такому вероятному повороту событий экспертное сообщество (сегодня больше занятое поиском способов «повысить уровень требований» к исследователям, особенно начинающим), как представляется, не очень готово.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–70. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70
- 2 См.: О порядке присуждения ученых степеней (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») : постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 См.: *Петровский В. А.* Определение ценности исследований : Научное звание сквозь призму обыденного. URL: <http://solium.ru/forum/showthread.php?t=2886> (дата обращения: 30.09.2019).
- 8 Там же.
- 9 См.: *Рач В. А.* Научная ценность диссертационных исследований и пути ее повышения в области управления проектами и программами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-tsennost-dissertatsionnyh-issledovaniy-i-puti-ee-povysheniya-v-oblasti-upravleniya-proektami-i-programmami> (дата обращения: 30.09.2019).
- 10 Там же.
- 11 См.: *Либенсон В. С.* Шкала для оценки значимости научных работ. URL: <http://science.uw.ru/> (дата обращения: 30.09.2019).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 См.: *Прокопенко С. А.* Смысл и значение диссертации // *Философия образования.* 2019. Т. 19, № 2. С. 186–206.
- 17 См.: *Полонский В. М.* Критерии оценки качества и методы определения новизны результатов научно-педагогических исследований. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1567 (дата обращения: 31.09.2019).
- 18 Там же.
- 19 Определение ценностей современной науки // VIPERSON : [сайт]. URL: <http://viperson.ru/articles/opredelenie-tsennostey-sovremennoy-nauki> (дата обращения: 31.09.2019).
- 20 См.: Научная ценность исследований // Энциклопедия по машиностроению XXL. С. 194. URL: <https://mash-xxl.info/info/158747/> (дата обращения: 31.09.2019).
- 21 Там же.
- 22 Определение ценностей современной науки.
- 23 Там же.
- 24 См.: *Леонтьев Б. Б.* Как в российской науке идентифицировать научные открытия // *Правовая информатика.* 2013. № 4. С. 32–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-v-rossiyskoy-nauke-identifitsirovat-nauchnye-otkrytiya> (дата обращения: 02.10.2019).
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 См.: *Фейнман Р.* Из всех ее ценностей наивысшей должна быть привилегия сомневаться. URL: <https://scientifically.info/news/2014-09-20-2935> (дата обращения: 02.10.2019).
- 28 Там же.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть вторая) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 188–195. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>

Cite this article as:

Shestov N. I. "Value" as a Prerequisite to the Quality of Modern Political Science Research (Part Two). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 188–195 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>

УДК 329.059470+571

Партийно-идеологический контекст изменений в Конституции РФ

В. И. Головченко

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkosgu@mail.ru

В статье рассмотрен партийно-идеологический контекст восприятия Конституции РФ и предлагаемых изменений в ее содержании. На основе анализа позиций лидеров ведущих политических партий современной России, представляющих соответствующие идеологические сегменты, сделан вывод о том, что большинство из них стремится извлечь максимальную политическую и имиджевую выгоду из процедуры обсуждения президентского законопроекта. На основании данных позиций обоснован прогноз о том, что законопроект будет поддержан в Государственной Думе не только фракцией «Единой России», но и фракциями ЛДПР и «Справедливой России».

Ключевые слова: реформа Конституции РФ, идеологические позиции политических партий, конституционные инициативы.

Поступила в редакцию: 04.03.2020 / Принята: 06.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Party and Ideological Context of Changes of the Constitution of the Russian Federation

V. I. Golovchenko

Vladimir I. Golovchenko, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, golovchenkosgu@mail.ru

The article considers party and ideological context of the way the Russian Constitution and its possible changes are perceived. Based on the analysis of stances of the leading political parties' leaders, representing ideological segments of modern Russia, an inference is made that majority of them seek to gain political and image advantage from the discussion of the President's bill. Flawing from these intentions, a forecast is substantiated that the bill will be supported in State Duma by not only "United Russia", but by Liberal and Democratic Party of Russia and "Fair Russia" as well.

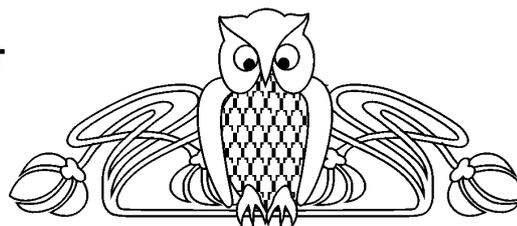
Keywords: reform of the Constitution of the Russian Federation, ideological stances of political parties, constitutional initiatives.

Received: 04.03.2020 / Accepted: 06.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-196-201>

О возможностях и целесообразности изменения Конституции Российской Федерации в

научном сообществе заговорили давно, фактически с момента ее принятия в 1993 г. Обсуждению подлежали как отдельные аспекты, например, с точки зрения справедливости и нравственных оснований конституционных ценностей¹, так и отдельные главы Основного закона². В результате в научном и публичном дискурсе были рассмотрены как сильные стороны незыблемости Конституции РФ, так и возможные позитивные и негативные последствия ее изменений³. Тем самым предложения В. В. Путина о реформе Основного закона легли на обсужденную в научном дискурсе и подготовленную почву.

Особое место среди различных аргументов по изменению Конституции РФ занимают партийно-идеологические факторы. Среди лидеров ведущих политических партий эти аргументы носили различный характер.

Представители либеральных партий в отношении Конституции Российской Федерации занимали двойственную позицию. С одной стороны, само принятие действующего Основного закона в 1993 г. в определяющей степени было результатом именно их усилий. Его конкретное содержание объяснялось сложностью политической и социально-экономической ситуации и возможностью вполне реального коммунистического реванша. Гипертрофированные полномочия Президента Российской Федерации должны были, по мнению либералов, стать гарантией невозможности возврата коммунистов к власти в результате потенциального получения большинства голосов в Государственной Думе Федерального Собрания.

С другой стороны, постепенное вытеснение либеральных сил на периферию политической жизни и превращение их в радикальную оппозицию заставило либеральных лидеров усомниться в правильности конституционных норм, создавших предпосылки для установления авторитарного режима в современной России. Критика концентрировалась на «извращении» и «выхолащивании» демократических конституционных ценностей и принципов в результате их «авторитарной интерпретации». Эта позиция стала ключевым фактором, определившим отношение либералов к конституционной инициативе В. В. Путина, высказанной им на ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации. Особенно наглядно ее продемонстрировали лидеры наиболее представленной в политической жизни современной России партии «ЯБЛОКО».

Председатель Федерального политического комитета партии «ЯБЛОКО», вице-президент Либерального интернационала Г. А. Явлинский, оценивая данное послание, резко раскритиковал его в своем блоге 15 января 2020 г. Он перечислил техногенные катастрофы и природные катаклизмы, произошедшие в России в 2019 г., нарастание социальных протестов против пенсионной реформы и социальной несправедливости, войну на Донбассе, продолжающуюся военную кампанию в Сирии, «новую милитаристскую авантюру в Ливии» и другие негативные явления в стране. По мнению Явлинского, «такие события, произошедшие в стране в течение одного года, свидетельствуют о том, что российская политическая и экономическая система становится все более опасной для граждан страны, утратила эффективность и критически отстает от мирового уровня. Предложенные изменения Конституции не имеют ничего общего с этой главной российской проблемой и никак не улучшат жизнь в стране», они «закрепляют уже существующие черты авторитарной самоизолирующей системы Путина – как раз то, что привело к кризису и крайней неэффективности действующей системы»⁴.

16 января 2020 г. председатель партии «ЯБЛОКО» Н. Рыбаков в своем заявлении подчеркнул, что предложения Президента РФ не имеют ничего общего с демократизацией системы и «направлены на укрепление сложившейся за последние 20 лет политической системы и сохранение Путина у власти после 2024 года». Он сформулировал ключевой тезис партии о том, что «Конституцию надо соблюдать, а не изменять ее»⁵. Так же резко высказались и другие лидеры «ЯБЛОКА» (Л. Шлосберг, Б. Вишневский, В. Шейнис). Наиболее остро оценила ситуацию экс-председатель партии, депутат Законодательного собрания Республики Карелия Э. Э. Слабунова, которая квалифицировала планируемые конституционные инновации как «государственный переворот»⁶. То есть фактически представители ведущей политической силы в либеральном сегменте современной России заняли позиции отстаивания действующего варианта Конституции РФ, делая акцент на том, что изменить ее авторитарные интерпретации и извращения возможно только с устранением существующего политического режима и прихода к власти представителей социально ответственной либеральной партии.

Отношение лидеров ЛДПР к изменению Конституции РФ во многом определяется их стратегией политического позиционирования в предшествующие годы. Суть ее условно можно обозначить как идеологию «управляемого национализма», главное предназначение которой состоит, прежде всего, в минимизации негативного потенциала националистически настроенной части российского общества. Данная стратегия проявляется и в отношении предстоящей реформы Основного закона РФ.

В этой связи В. В. Жириновский в основном дает положительную оценку политической части конституционных инноваций. По его мнению, наделение новыми полномочиями российских органов власти приведет к усилению роли Государственной Думы при одновременном сохранении президента в качестве важнейшего звена политической системы: «...полномочия будут распределены более равномерно, чем сейчас. И это шаг в сторону более сбалансированной, горизонтальной, мудрой демократии»⁷. Другим идеологическим фактором аргументации в поддержку реформирования Конституции РФ является апелляция к тому, что ЛДПР всегда защищала интересы русского народа: «Нельзя развивать другие народы в ущерб русскому, это неправильно, объяснил лидер ЛДПР. Да, нужно уважать каждый, но здесь, в России, мы в первую очередь должны говорить об уважении к государствообразующему народу – об этой поправке в Конституцию первой заговорила ЛДПР»⁸.

Тактически ЛДПР осуществляет продвижение своих конституционных поправок путем встреч с представителями различных социальных групп, по результатам которых эти предложения партии легитимируются выдвижением снизу. Например, по результатам встречи с представителями Советов ветеранов столицы были сформулированы предложения о введении уголовной ответственности за невыплату заработной платы, об усилении «патриотического воспитания школьников и студентов с увеличением количества учебного времени, заложенного на изучение истории Отечества, а также ряд других весомых инициатив»⁹. Также на сайте ЛДПР как инициатива снизу сформулировано предложение о том, чтобы в Конституции и далее в законе о Центробанке было записано, что «Центробанк несет ответственность за деятельность коммерческих банков в соответствии с общенациональными целями и проектами, за увеличение производства товаров и услуг в стране, импортозамещение, создание рабочих мест во всех регионах страны»¹⁰.

Среди левых политических сил трактовки изменений Конституции РФ рассредоточились между позициями лидеров различных партий социал-демократической и коммунистической направленности.

«Справедливая Россия», как пропрезидентская партия, в отношении действующей Конституции РФ на протяжении всего периода своего существования занимала нейтральную позицию. Оппозиционный вектор ее критики был сфокусирован на деятельности чиновников различного уровня, недостатки которой, по утверждению справедливороссов, и обуславливают большинство накопившихся проблем в различных сферах общественной жизни. Соответственно, данное позиционирование партии в политической системе России стало ведущим фактором в отно-

шении к предлагаемым конституционным изменениям.

Лидеры «Справедливой России» акцент делают на необходимости коррекции социальной составляющей данных поправок. С 25 февраля 2020 г. партия «Справедливая Россия» организовала общероссийскую информационную акцию «Поправки в Конституцию – уникальный шанс исправить ошибки прежнего Правительства!». Главная поправка – «это возвращение прежнего возраста выхода на пенсию и ежегодная индексация пенсий всем пенсионерам. Для партии принципиально важно, чтобы власть признала ошибкой повышение пенсионного возраста и раз и навсегда оставила эту затею. СР требует закрепить на уровне конституционной нормы право выхода на пенсию по старости в 55 лет для женщин и в 60 лет – для мужчин»¹¹. Еще одна поправка справедливороссов предлагает устанавливать зарплаты чиновников «с учетом средних зарплат по стране. Отдельно поправками “СР” закрепляется право каждого гражданина на бесплатный гектар, а также предусматривается повышение бюджетных расходов на образование и медицину»¹². Подчеркивая жесткость намерений проведения данных партийных требований, С. Миронов даже публично заявил о том, что если они не будут поддержаны, то фракция «Справедливой России» не будет голосовать за законопроект в целом.

Однако анализ публичной позиции партии в отношении политической составляющей президентского законопроекта показывает, что «Справедливая Россия» изначально поддерживает данную часть конституционных новаций. Об этом заявил лидер партии С. Миронов в своем выступлении на пленарном заседании Государственной Думы. Главные его аргументы сводились к тому, что президентские новации в отношении государственного строительства совпадают с программой «Справедливой России». Это касается приоритетности конституционных норм РФ по сравнению с международными нормами, «конституционного закрепления национализации элит», расширения полномочий Совета Федерации, Государственной Думы и Конституционного суда, вопроса о включении местного самоуправления в единую систему публичной власти¹³. Во время обсуждения в первом чтении законопроекта депутат от «Справедливой России» Н. Рыжак также признал, что «система становится действительно более демократичной, с суверенным оттенком»¹⁴. Как представляется, такое публичное позиционирование «Справедливой России» означает, что законопроект фракцией будет поддержан даже в случае, если будет учтена лишь часть социальных требований партии.

Лидеры КПрФ, с одной стороны, давно признали легитимность демократических норм и принципов, закрепленных в российской Конституции. В этой связи они действуют как оп-

позиционная партия в пределах конституционного правового поля. С другой стороны, лидеры КПрФ изначально критиковали и продолжают критиковать слабое социальное содержание Основного закона и постоянно предлагают внести в него принципиальные изменения, обеспечивающие принципы народовластия и интересы большинства населения.

Такой двойственный подход характерен и для оценки лидерами КПрФ предстоящих конституционных изменений. Заместитель Председателя ЦК КПрФ Д. Г. Новиков в своем интервью радиостанции «Говорит Москва» 21 февраля 2020 г. так изложил свое видение ситуации. По его мнению, действующая Конституция принималась «под залпы танковых орудий» и поэтому носит несовершенный характер, особенно в части социальных гарантий. Поэтому изменение Конституции должно быть комплексным: «Это возможно только в одном случае: если мы пройдем все этапы обсуждения, самой же Конституцией предусмотренные. Во-первых, нужен созыв Конституционного собрания. Во-вторых, следует обеспечить дискуссию по тексту Конституции целиком. Иначе нормы будут противоречивы»¹⁵. Д. Г. Новиков обосновал целесообразность гораздо большего расширения полномочий парламента, чем в президентском законопроекте, подверг критике отсутствие ясности в конституционном статусе Государственного Совета. Иными словами, фактически представитель КПрФ ведет речь о необходимости поправок в рамках действующего правового поля и предусмотренных им законодательных процедур. В то же время он подчеркнул, что партия не рассматривает Основной закон как панацею от всех бед: «Частный ремонт Конституции кардинально не улучшит ситуацию для миллионов простых граждан. Он не создаст такую социально-экономическую и общественно-политическую систему, которая будет отвечать интересам большинства. Мы выступаем за советское народовластие, за развитие по социалистическому пути, и поэтому являемся сторонниками принятия совсем иной Конституции. Эта наша стратегия, наша цель. Но есть, конечно, и текущие задачи, которые побуждают нас вносить поправки в эту Конституцию. Поэтому, не будучи ее фанатами, мы не остаемся в стороне от дискуссии»¹⁶. Как представляется, здесь наиболее наглядно и откровенно представлено понимание коммунистами того, что в сегодняшних условиях они не рассчитывают на легитимное проведение своего варианта Конституции РФ. Основной смысл внесения поправок от КПрФ подчинен текущим тактическим задачам, связанным с расширением социальной базы коммунистов и с внедрением положительного имиджа партии в различные социальные группы российского общества.

Такой стратегической установке подчинены разнообразные общенациональные и региональ-

ные мероприятия КПрФ. Например, 20 февраля в Москве состоялось заседание круглого стола «О поправках в Конституцию Российской Федерации, предложенных фракцией Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»». Выступая на этом мероприятии, Г. А. Зюганов подчеркнул, что «та конституция, которая сегодня ремонтируется по инициативе Путина, по сути дела, это конституция президентского самовластья <...> что партия власти не готова к принципиальному ремонту конституции»¹⁷. Важнейшим аргументом, по его мнению, является тот факт, что фракция «Единой России» в Госдуме отклоняет все законопроекты, «защищающие интересы трудящихся». Из всех президентских поправок лидер коммунистов однозначно поддержал лишь приоритет отечественных законов над международными¹⁸.

Подобный подход характерен и для большинства других лидеров коммунистов. Особенно активно по данной проблематике свою позицию обосновывает доктор политических наук член президиума, секретарь ЦК КПрФ С. Обухов. Он оценил инициативы по изменению конституционных основ государственного строительства как очень опасные, которые открывают «ящик Пандоры» «псевдолегитимностью» неопределенных изменений в будущем¹⁹. Анализируя ситуацию с подготовкой конституционной реформы, он отмечает ее явную «пробуксовку»²⁰, сопровождающуюся нарастающей неопределенностью и хаотизацией²¹.

Центристские политические силы, и прежде всего «Единая Россия», оценивали Конституцию РФ как правовую основу и гарант политической стабильности, фундамент демократической общественной системы, правового государства и гражданского общества. По их мнению, российская Конституция по своим характеристикам вполне соответствует мировым демократическим стандартам и международным нормам и принципам. Доминирование таких позитивных оценок Конституции РФ обуславливало аргументацию незыблемости ее базовых основ.

Тем не менее, после выдвижения Президентом РФ инициативы об изменении Конституции Российской Федерации уже во время рассмотрения проекта закона в первом чтении фракция «Единой России» единогласно поддержала его без какой-либо содержательной критики²².

Анализ материалов показывает, что основное направление деятельности депутатов-единороссов в Государственной Думе, в региональных законодательных собраниях и в партии в целом сводится к различным дополнениям, конкретизации, оптимизации и корректировке социальных поправок в Конституции РФ. Предложения в этой сфере самые разнообразные: внесение в Конституцию положения об уходе за детьми-сиротами, конституционного запрета на отчуждение территорий, закрепление в Конституции

защиты традиционных семейных ценностей, закрепление нацпроектов в качестве приоритета госполитики, закрепление понятий культуры и семьи, основ молодежной политики, периодичности индексации пенсий и др. Отдельные предложения затрагивают и поправки в рамках государственного строительства, например, о ежегодном отчете прокурора, об отчете Центрального банка перед Государственной Думой и ряд других. Тем не менее, анализ материалов показывает, что большая часть мероприятий «Единой России» как на федеральном, так и на региональных уровнях подчинена решению главной задачи – обеспечить поддержку президентскому законопроекту за счет максимальной актуализации его социальной составляющей и информационных поводов по вопросу обсуждения различных поправок и дополнений в этой его части.

Подводя итог анализу позиций ведущих политических партий²³ современной России в отношении реформирования Конституции РФ, можно констатировать, что каждая из них стремится извлечь максимальную политическую и имиджевую выгоду из процедуры обсуждения президентского законопроекта.

Наиболее радикальную позицию в отношении данных поправок занимают, как это ни парадоксально, представители либерального сегмента партийной системы современной России. Обусловлено это, прежде всего, тем, что действующий вариант Конституции РФ является плодом усилий именно либералов начала 1990-х гг. Все негативные характеристики действующего политического режима, по их мнению, это не следствие недостатков Основного закона, а результат авторитарной интерпретации и отклонений от либеральных ценностей и принципов действующей Конституции. Социальные поправки президентского законопроекта и всю процедуру их обсуждения либералы оценивают как информационную и политическую технологию, которые позволяют действующему президенту сохранить свою власть и обеспечить тот или иной вариант своего дальнейшего определяющего воздействия на политическое и социально-экономическое развитие страны.

Для лидеров КПрФ радикализм оценок президентского законопроекта вписан в несколько иной политический контекст. Критика действующей Конституции РФ и тех поправок, которые содержатся в законопроекте, сопровождается информационным продвижением собственных предложений КПрФ на двух уровнях («максимум» и «минимум»). На уровне «максимум» аргументация сводится к обоснованию того, что кардинальное изменение ситуации в стране в лучшую сторону возможно только в том случае, если будет принята Конституция, ориентированная на социалистическое развитие страны и соответствующие ценности и принципы народовластия. На уровне «минимум» происходит

институализированное (в рамках легитимных процедур на уровне депутатского корпуса коммунистов) продвижение конкретных поправок в текст президентского законопроекта в сторону усиления его социальной составляющей. Такая конструктивная позиция КПРФ как системной оппозиционной партии, с одной стороны, позволяет сохранить лицо в качестве защитников интересов трудящихся, а с другой – продолжать объяснять, почему коммунистам не удастся радикально изменить существующую политическую систему в сторону социализма. Отказ принять наиболее существенные социальные поправки скорее всего станет поводом для фракции КПРФ в Государственной Думе голосовать против законопроекта в целом.

«Справедливая Россия» и ЛДПР, как партии «управляемой» демократии, главной задачей своего участия в обсуждении президентского законопроекта видят реализацию собственных имиджевых стратегий. Лидеры «Справедливой России» своими социальными поправками стремятся укрепить социал-демократический имидж, а ЛДПР – имидж защитников интересов русского народа. Однако анализ политического позиционирования данных партий в наиболее важные исторические моменты в предшествующий период позволяет сделать прогноз о том, что обе партийные фракции будут голосовать за данный законопроект в Государственной Думе.

Для «Единой России» такая поддержка обусловлена статусом правящей и пропрезидентской партии. Однако стремление восстановить политический вес «Единой России» за счет информационной кампании по изменению Конституции РФ наталкивается на ряд неблагоприятных обстоятельств. Обусловлены они, прежде всего, критическим восприятием пенсионной реформы большинством населения России, а также отсутствием ощутимого прогресса в социально-экономическом развитии страны, отсутствием заметных результатов в борьбе с повсеместной коррупцией и другими негативными проявлениями в жизни российского общества. Все эти недостатки в массовом сознании связаны с доминированием правящей партии в системе государственной власти. Как представляется, существенно изменить данные настроения на основе активного соучастия «Единой России» в обсуждении различных социальных поправок в Конституции РФ вряд ли удастся. Можно спрогнозировать, что уже в ближайшее время данная партия будет подвергнута существенному институциональному реформированию. Насколько оно будет эффективным – покажет время.

Примечания

¹ См.: Вилков А. А. Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология.

Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63–71; Комкова Г. Н. Категория «ценности» в конституционном праве России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 97–99

- ² См.: Комкова Г. Н. Стабильность Конституции – правовая основа стабильности Российского государства // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 1 (96). С. 65–69.
- ³ См.: Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9; Медушевский А. Конституционный переворот или конституционная реформа: поправки к Конституции 1993 года как инструмент борьбы за власть // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 154–167; Хабриева Т. Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 20–32; Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука, 2016; и др.
- ⁴ Явлинский о послании Путина: Система станет еще более авторитарной, более закрытой и окончательно неэффективной. URL: <https://www.yabloko.ru/publikatsii/2020/01/15> (дата обращения: 26.02.2020).
- ⁵ Предложения Путина – маскировка консервации системы. URL: <https://www.yabloko.ru/taxonomy/term/2974/2020/01/16> (дата обращения: 26.02.2020).
- ⁶ Эмилия Слабунова о послании Путина: происходит государственный переворот. URL: <https://www.yabloko.ru/actually/2020/01/17> (дата обращения: 26.02.2020).
- ⁷ Судьба огромного государства не должна быть в руках одного человека. URL: <https://ldpr.ru/event/79942> (дата обращения: 01.03.2020).
- ⁸ В России нужно, в первую очередь, говорить об уважении к русским. URL: <https://ldpr.ru/event/21432> (дата обращения: 01.03.2020).
- ⁹ Борис Чернышов обсудил поправки в Конституцию с московскими ветеранами. URL: <https://ldpr.ru/event/79260> (дата обращения: 01.03.2020).
- ¹⁰ Нужна только одна поправка в Конституцию и пойдет развитие страны. URL: <https://ldpr.ru/event/28079> (дата обращения: 01.03.2020).
- ¹¹ СП проводит общероссийскую информационную акцию по поправкам в Конституцию РФ. URL: <http://www.spravedlivo.ru/10142510> (дата обращения: 01.03.2020).
- ¹² Депутаты фракции «СП» предлагают приравнять зарплаты чиновников к реальным доходам россиян. URL: <http://www.spravedlivo.ru/10117610> (дата обращения: 26.02.2020).
- ¹³ См.: Сергей Миронов о внесенных Президентом поправках в Конституцию РФ. URL: <http://www.spravedlivo.ru/10073110> (дата обращения: 26.02.2020).
- ¹⁴ Депутаты фракции «СП» задали вопросы по внесению поправок в Конституцию. URL: <http://www.spravedlivo.ru/10073410> (дата обращения: 26.02.2020).
- ¹⁵ Дмитрий Новиков: «Конституцию решительно обновлять. Провокации против России пресекать». URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/191913.html> (дата обращения: 27.02.2020).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Нет – Конституции президентского самовластья! URL:

- <https://kprf.ru/party-live/cknews/191876.html> (дата обращения: 27.02.2020).
- ¹⁸ См.: Г. А. Зюганов : Борьба за Конституцию – это борьба за права трудящихся! URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/191870.html> (дата обращения: 28.02.2020).
- ¹⁹ См.: Доктор политических наук С. П. Обухов в эфире «Красной линии» : Кремлевские поправки к ельцинской Конституции – что мертвому припарки. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/191979.html> (дата обращения: 27.02.2020).
- ²⁰ Сергей Обухов : Ситуация на сороковой день спецоперации «конституционная трансформация». URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/192011.html> (дата обращения: 27.02.2020).
- ²¹ См.: Сергей Обухов об экспертных дискуссиях по конституционным трансформациям и возможным досрочным выборам. URL: <https://kprf.ru/analytics/sergei-obukhov-ob-ekspertnykh-diskussiiakh-po-konstitutsionnym-transformatsiiam-i-vozmozhnym-dosrochnym-vyboram.html> (дата обращения: 28.02.2020).
- ²² См.: «Единая Россия» единогласно проголосовала за законопроект о поправках к Конституции РФ. URL: <https://er.ru/news/189851/> (дата обращения: 28.02.2020).
- ²³ Публичное мнение других зарегистрированных партий гораздо меньше представлено в политико-информационном пространстве современной России и, соответственно, обладает гораздо меньшими мотивационными ресурсами для оказания воздействия на массовое сознание. Позиция лидеров несистемной оппозиции, представленная в интернет-пространстве, нуждается в самостоятельном научном изучении.

Образец для цитирования:

Головченко В. И. Партийно-идеологический контекст изменений в Конституции РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 196–201. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-196-201>

Cite this article as:

Golovchenko V. I. Party and Ideological Context of Changes of the Constitution of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 196–201 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-196-201>

УДК 323.2

Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации

А. А. Керимов, М. М. Луговцов

Керимов Александр Алиевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, kerimov68@mail.ru

Луговцов Михаил Максимович, соискатель кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, lugovcovmm@gmail.com

Актуальность исследования обуславливается активизацией протестных настроений в современной России, которые в случае несвоевременной реакции со стороны властей могут принять непредсказуемый, деструктивный характер. Статья посвящена изучению различных подходов в трактовке понятия «протестное голосование», анализу протестного голосования как формы проявления политического протеста, определению его универсальных характеристик. Авторы выявляют факторы, определяющие особенности проявления различных вариаций протестного голосования в контексте политического поведения, выделяют формы проявления протестного голосования и его специфические признаки. В статье для достижения поставленных целей были использованы как общенаучные, так и социогуманитарные методы научного познания. Результаты исследования могут быть востребованы как представителями экспертного сообщества, так и преподавателями, аспирантами, студентами при изучении проблем протестного голосования.

Ключевые слова: политический протест, политическое поведение, протестное голосование, порча бюллетеней, абсентеизм.

Поступила в редакцию: 08.02.2020 / Принята: 06.03.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

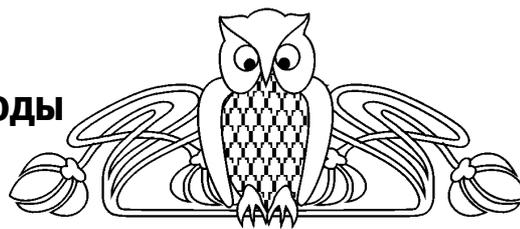
Political Protest: Theoretical and Methodological Approaches and Interpretations

A. A. Kerimov, M. M. Lugovtsov

Alexander A. Kerimov, <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia, kerimov68@mail.ru

Mikhail M. Lugovtsov, <https://orcid.org/0000-0002-9890-6956>, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia, lugovcovmm@gmail.com

The relevance of the study is due to the activation of protest moods in modern Russia, which in case of untimely reaction on the part of the authorities can take an unpredictable, destructive nature. The article is devoted to the study of different approaches in the interpretation

of the concept of «protest voting», the analysis of protest voting as a form of manifestation of political protest, the definition of its universal characteristics. The authors identify the factors that determine the features of the manifestation of various variations of protest voting in the context of political behavior, identify the forms of manifestation of protest voting and its specific features. In the article both General scientific and socio-humanitarian methods of scientific cognition were used to achieve the set goals. The results of the study may be in demand, as representatives of the expert community, as well as teachers, graduate students, students in the study of the problems of protest voting.

Keywords: political protest, political behavior, protest voting, ballot spoiling, absenteeism.

Received: 08.02.2020 / Accepted: 06.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-202-206>

Наличие в обществе политического протестного поведения характерно для любого государства в любой исторический период. В зависимости от политического режима, формы правления, развитости институтов политического участия и гражданского общества, уровня социально-экономического развития, текущих политических и социально-экономических проблем и других факторов меняются формы проявления и масштабы политического протестного поведения. Однако его существование обусловлено наличием государства или подобной государству структуры (например общинная организация) и, более того, запрограммировано самой человеческой природой.

«Протест» буквально переводится с латинского как «гласно заявляю», иными словами – «публично доказываю». Согласно С. И. Ожегову, «протест» – это «решительное возражение против чего-нибудь»¹. В англоязычной литературе термин *protest* применяется и используется для обозначения широкого круга явлений – от сопротивления лечению или нововведениям до мятежного порыва, приводящего к политическому протесту и революциям. Тогда, исходя из содержания понятия «протест», политический протест следует понимать как возражение против проводимой государством политики или даже выражение отрицательного отношения к политической системе в целом. Однако в политологической литературе существует несколько подходов к определению политического протеста.

Первый – наиболее распространенный – заключается в определении политического протеста как исключительно коллективной формы политического поведения, проявляющейся неконвенциональным образом и несущей для государства исключительно негативные и даже разрушительные последствия. Истоки данного подхода берут свое начало в политико-философской мысли Нового времени. Среди основных теоретиков этого периода следует выделить Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка. Хотя философы использовали в своих трудах такое понятие, как «мятеж», под ним они понимали действия протестного характера, осуществляемые, в первую очередь, из-за нарушения естественных прав человека и социально-экономической несправедливости. Таким образом, причины протеста или мятежа обуславливают его коллективность, массовость и неконвенциональность. По мнению исследователей Нового времени, мятеж представляет собой крайнюю форму политического поведения, возникающую только в условиях полного несоответствия действий власти ожиданиям общества. Тогда целью протестного поведения становится смена действующей власти. Таким образом, «авторы этого периода под протестом понимали действия, которые большинство населения использует для смены власти, которая их не устраивает. Можно сказать, что общим для всех вышеуказанных мыслителей стали вопросы о причинах протеста и о том, как именно можно охарактеризовать данное явление»².

Среди современных авторов, придерживающихся данного подхода, следует отметить американских ученых Дж. Дженкинса и Б. Кландермана. Они определяют протест как «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политикой или взаимоотношений между гражданами и государством в целом»³. Другой американский исследователь, С. Тэрроу, подчеркивает разрушительную силу политического протеста и определяет его как «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих»⁴.

Таким образом, следуя изложенному подходу, политический протест необходимо рассматривать как исключительно опасные и разрушительные для государства действия коллективного характера, вызванные глубокими социально-экономическими противоречиями в обществе.

Второй подход является прямо противоположным первому. Его сторонники рассматривают политический протест как конструктивное явление. Данный подход основывается на политико-философской мысли XX в. Авторы этого периода видят в политическом протесте воз-

можность изменить и улучшить политическую систему, решить проблему несправедливости, согласовать интересы государства и общества. Так, Х. Арндт поднимает очень важную проблему – необходимость наличия политических институтов, позволяющих гражданам выразить свое неповиновение. При этом она различает неповиновение и восстание, а первое – не считает неконвенциональной формой политического поведения⁵.

Среди теоретиков, рассматривающих политический протест как конструктивное явление, следует выделить также таких ученых, как А. Камю, Ю. Хабермас и др. «Протест в их понимании – это активные публичные действия людей, которые используются как средство влияния на власть, которая ограничивает и/или угнетает часть общества или его целиком, целью которых является либо изменение законов, либо смена правительства, которое не исполняет существующих законов»⁶.

Среди отечественных авторов данный подход разделяет В. В. Сафронов. Он, как и Х. Арндт, не считает политический протест неконвенциональным поведением, несмотря на то, что он находится за пределами правового поля. По его мнению, «политический протест отличается от неконвенционального поведения тем, что эти акции не предусматриваются законами, но и не предполагают обращения к насилию. Наконец, политическое действие, которое нарушает последнее условие, может быть отнесено к политическому насилию. Существенное значение имеет предположение о том, что неконвенциональные, протестные и насильственные акции составляют одномерную иерархию»⁷.

Таким образом, в рамках второго подхода на первый план выходит конструктивная направленность протеста. Тогда мы можем говорить о наличии конвенциональных форм протеста, которые позволяют обществу донести до государства свое недовольство и неодобрение, не нарушая при этом существующие законы и порядки.

И третий подход в интерпретации политического протеста подразумевает различные варианты сочетания конструктивного и негативного поведения. Именно такой подход предоставляет нам возможность определить, сопоставить и проанализировать различные формы протестного поведения: как конвенциональные, так и неконвенциональные, как коллективные, так и индивидуальные.

Среди отечественных авторов данной методологии придерживаются В. В. Костюшев и В. В. Горьковенко. Под политическим протестом они понимают как конфронтационные и насильственные действия, так и конвенциональные акции (демонстраций, голодовки, символические жесты)⁸.

Таким образом, протестное политическое поведение, с одной стороны, представляет для

государственной власти серьезную проблему, поскольку в своих крайних неконвенциональных формах способно создать угрозу для стабильного функционирования государственной власти, с другой стороны, оно является эффективным механизмом обратной связи, с помощью которого общество может повлиять на власть и, наоборот, способствовать стабилизации политической ситуации. Однако последнее возможно только тогда, когда способности государственной власти к восприятию требований общества сочетаются с наличием работающих институтов политического участия, с помощью которых общество может выразить свой протест. Иными словами, наличие институтов для конвенционального выражения протеста и способность государственной власти к восприятию и реализации существующих в обществе запросов переводят политический протест в конструктивное русло.

Таким образом, эффективность политического протеста и его польза для политического процесса определяются тем, в какой форме такого рода политическое поведение будет проявляться. И в интересах государства обеспечить возможность выражения политического протеста в конструктивных, конвенциональных формах.

Формы политического протестного поведения столь же разнообразны, как и формы протестного поведения человека в любой другой сфере. С усложнением социальной структуры общества, развитием информационно-коммуникационных технологий количество форм политического протестного поведения увеличивается. Мы в рамках данной статьи не стремимся к определению исчерпывающего перечня форм протестного поведения, а планируем систематизировать основные из них и путем сравнительного анализа определить особенности протестного голосования как одной из форм политического протестного поведения.

Для этого обратимся к теории политического участия американского политолога У. Милбрайта⁹. Ученый классифицирует политическое участие по двум основаниям: конвенциональность/неконвенциональность действий и степень активности (низкая, средняя, высокая). Таким образом, формы политического участия У. Милбрайт разделяет на шесть групп. При этом политическое участие является более широким понятием и включает в себя в том числе протестную активность. Используя методологию

американского ученого, классифицируем формы политического участия (таблица).

Отсутствие активности означает, что в качестве стратегии протеста используется стратегия ухода, т. е. сознательное неисполнение своих гражданских обязанностей (в первую очередь, речь идет о таком явлении, как абсентеизм).

Для государственной власти более приемлемыми, безусловно, являются конвенциональные формы выражения протеста, так как они более предсказуемы и находятся в рамках правового поля. Однако и эти формы выражения протеста, в случаях их массового характера, несут для власти определенные угрозы, в первую очередь, связанные с проблемой ее легитимности. Так, например, высокий уровень абсентеизма может поставить под вопрос легитимность выборов, а массовое протестное голосование – ослабить позиции действующей власти.

Формы политического протестного поведения, которые соответствуют низкому уровню активности, а также абсентеизм являются индивидуальными. Использование этих форм возможно без какой-либо внешней координации, остальные формы являются коллективными.

Коллективные формы протестного поведения отличает наличие определенного организатора. Таковыми могут выступать различные политические и околополитические структуры, начиная от оппозиционных партий и заканчивая внешними акторами. Таким образом, проявление коллективного протестного поведения не всегда является свидетельством глубоких противоречий в обществе и недовольства народа проводимой политикой. Иными словами, действия небольших групп протестующих граждан не всегда соотносятся с мнением населения в целом. Тем более в том случае, когда за организаторами подобных протестных действий стоят определенные внешние силы.

Поэтому индивидуальные формы протестного поведения являются более показательными для государственной власти, чем коллективные. Нами выделены три индивидуальные формы политического протестного поведения: протестное голосование, порча бюллетеней и абсентеизм. Проанализируем каждую из них.

Абсентеизм, как известно, представляет собой форму электорального поведения, проявляющуюся в неучастии в выборных процедурах. Однако не всякий абсентеизм следует относить

Формы политического протестного поведения

Уровень активности	Неконвенциональные формы	Конвенциональные формы
Высокий	Участие в незаконных акциях протеста	Участие в согласованных митингах
Средний	Создание незаконного контента	Создание оппозиционного контента
Низкий	Порча бюллетеней	Протестное голосование
Активность отсутствует	–	Абсентеизм

к политическому протестному поведению. Выделяют два основных вида абсентизма: пассивный – обусловленный низкой политической культурой населения, ведущей к отчуждению от политического процесса, и активный – проявляющийся как осознанный отказ от участия в выборах процедурах по политическим мотивам. Формой протестного поведения является активный абсентизм. При этом необходимо отметить, что отсутствие графы «против всех» ведет к росту активного абсентизма, так как ограничивает альтернативу выбора имеющимися кандидатами.

Ряд современных исследователей под протестным голосованием понимают голосование «против всех» либо сознательную порчу бюллетеней избирателями. Однако последнее не является конвенциональным действием и не обеспечивает фиксации волеизъявления гражданина, т. е. факта голосования в случае порчи бюллетеня не происходит. При этом голосование «против всех» следует включать в протестное голосование, так как в этом случае фиксируется факт несогласия избирателя с проводимой властью политикой, который сочетается с несогласием по отношению к политическим программам оппозиционных партий. Таким образом, высокий уровень голосования «против всех» свидетельствует о непредставленности в политическом поле позиций и взглядов определенных социальных групп, что, в свою очередь, может привести к более массовому выражению протеста. Для государственной власти такая ситуация является сигналом об имеющихся рисках нарастания протестной активности.

Однако протестное голосование не ограничивается голосованием «против всех». Оно также включает в себя и голосование за оппозиционные партии, так как перераспределение голосов избирателей в пользу оппозиционных партий представляет собой выражение протеста населения политике действующей власти. В своем исследовании И. Н. Дементьева определяет две описанные выше формы электорального протестного поведения как «негативизм (голосование против всех альтернатив) и альтернативизм (голосование против “основных” альтернатив)»¹⁰.

Таким образом, протестное голосование представляет собой один из видов конвенционального протестного поведения, проявляющийся в индивидуальной форме путем участия в проводимых выборах различных уровней. В зависимости от соответствия политических взглядов избирателя имеющимся альтернативам используется одна из стратегий политического протестного поведения: негативизм или альтернативизм. Рост количества избирателей, придерживающихся первой стратегии, свидетельствует о непредставленности интересов больших социальных групп в политической сфере и несет риски активизации протестного поведения и его

перехода в более массовые формы (обсуждения в социальных сетях, митинги и т. д.). Рост количества избирателей, придерживающихся стратегии альтернативизма, приводит к усилению позиций оппозиционных партий и перераспределению мандатов в их пользу.

Определим специфические черты протестного голосования как одной из форм политического протестного поведения:

1) конвенциональность. Протестное голосование не является осуждаемой в обществе формой поведения;

2) индивидуальность. Избиратель сам принимает решение, за кого отдать голос, и делает это не под руководством каких-либо политических сил, хотя и испытывая их влияние. Необходимо сделать оговорку, что такие формы протестного поведения, как, например, реализуемое «умное голосование»¹¹, уже не являются индивидуальными. В данном случае задействуются технологии организации масс, и такого рода явления представляют собой коллективное организованное действие, которое занимает совершенно другую часть на обозначенной нами схеме;

3) регулярность и привычность. Использовать такую форму протестного поведения, как протестное голосование, гражданин может только в ходе выборов, которые проходят с определенной периодичностью. Это, с одной стороны, ограничивает возможности использования протестного голосования, с другой, делает эту форму протестного поведения более понятной, привычной и даже психологически более безопасной ввиду ее предсказуемости. В отличие, например, от массовых акций протеста, даже если они и являются конвенциональными.

Сочетание указанных характеристик приводит к тому, что протестное голосование используется гражданами намного чаще, чем другие формы политического протестного поведения.

В отличие от других форм политического протеста протестное голосование, в особенности на местном уровне, в большей степени демонстрирует наличие социально-экономических проблем и общественной напряженности. И если коллективные формы протестного поведения гиперболизируют имеющиеся протестные настроения, то протестное голосование отражает реальную картину. Поэтому именно протестное голосование выступает для власти важным индикатором наличия недовольства населения и лучше социологических опросов демонстрирует реальную ситуацию.

В заключение отметим, что протестное голосование представляет собой для государственной власти наиболее приемлемую форму протестного поведения, так как, во-первых, проявляется в конвенциональной форме, во-вторых, отражает личные позиции граждан (в отличие от организованных массовых акций протеста) и, в-третьих, в отличие от абсентизма, позволяет

понять предпочтения граждан в зависимости от того, в пользу какой партии перераспределятся протестные голоса. Таким образом, протестное голосование является одной из наиболее конструктивных форм политического протестного поведения и выполняет функцию обратной связи для государственной власти.

Примечания

- ¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1987. С. 555.
- ² Руденкина А. И., Керимов А. А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 56.
- ³ Jenkins J. C., Klandermans B. The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements. USA : University of Minnesota Press ; UCL Press, 1995. P. 5.
- ⁴ Костюшев В. В., Горьковенко В. В. Социологическое описание коллективных протестных действий : информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // Общественные движения в современной России : от социальной проблемы к коллективному действию / отв. ред. В. В. Костюшев. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН. 1999. С. 150.
- ⁵ См.: Коэн, Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь Мир, 2003.
- ⁶ Руденкина А. И., Керимов А. А. Указ. соч. С. 58.
- ⁷ Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 117.
- ⁸ См.: Костюшев В. В., Горьковенко В. В. Указ. соч. С. 148–162.
- ⁹ См.: Milbrath L. W. Political Participation. Chicago : Rand McNally, 1965. P. 79.
- ¹⁰ Дементьева И. Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 76
- ¹¹ См.: Умное голосование. URL: <https://vote2019.appspot.com> (дата обращения: 08.02.2020).

Образец для цитирования:

Керимов А. А., Луговцов М. М. Политический протест: теоретико-методологические подходы и интерпретации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 202–206. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-202-206>

Cite this article as:

Kerimov A. A., Lugovtsov M. M. Political Protest: Theoretical and Methodological Approaches and Interpretations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 202–206 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-202-206>

УДК 32+329.78+303.7

Специфика применения игровых технологий в рамках формирования политической культуры современной российской молодежи (на примере анализа деятельности Росмолодежи)

А. В. Богданов

Богданов Артём Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье выделяются основные затруднения в сфере реализации молодежной политики в современной России. В работе анализируется использование игровых моделей в деятельности органов государственной власти в сфере молодежной политики на примере работы Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). Автор обосновывает необходимость анализа применения игровых технологий для формирования политической культуры современной российской молодежи, а также выделяет специфику российского социально-политического процесса касательно реализации молодежной политики и обозначает основные существующие проблемы использования игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодых людей.

Ключевые слова: политическая культура, игровые практики в политической сфере, органы власти в сфере реализации молодежной политики.

Поступила в редакцию: 28.02.2020 / Принята: 13.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Specifics of Using Game Practices in the Framework of Forming the Political Culture of Modern Russian Youth (On the Example of the Analysis of the Federal Agency for Youth Affairs)

А. В. Богданов

Artem V. Bogdanov, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article highlights the main difficulties in implementing youth policy in modern Russia. The paper analyzes the use of game models in the activities of public authorities in the field of youth policy on the example of the Federal Agency for youth Affairs. The author substantiates the need to analyze the use of game technologies for the formation of the political culture of modern Russian youth, as well as highlights the specifics of the Russian socio-political process regarding the implementation of youth policy and identifies the main existing problems of using game technologies in the formation of the political culture of young people.

Keywords: political culture, game practices in the political sphere, authorities in the field of youth policy implementation.

Received: 28.02.2020 / Accepted: 13.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-207-211>

Актуальность темы обусловлена, на наш взгляд, тем, что усвоение новых социально-политических навыков и знаний молодыми людьми в рамках процесса политической социализации происходит зачастую при помощи использования игровых технологий. Игровые практики взаимодействия между субъектами социально-политического процесса выступают одними из ведущих видов деятельности человеческого сообщества как в период взросления представителей молодежи, так и в их дальнейшей социально-политической жизни. При этом следует отметить, что разнообразие видов игровых технологий позволяет применять их в различных формах, видах деятельности, и в свою очередь данные технологии обладают универсальными характеристиками, которые способствуют широкому распространению и естественному включению субъектов социально-политической деятельности в игровой процесс.

По нашему мнению, игровые технологии могут применяться в рамках формирования соответствующей политической культуры (ее типа или уровня), что требует дополнительного изучения данной проблематики и уточнения степени эффективности использования игровых практик, а также необходимости выявления специфики использования игровых моделей в рамках социально-политического процесса. Так, игровые технологии могут активно применяться в организациях, которые занимаются вопросами молодежной политики, в том числе встроенные в вертикаль государственной власти.

Одной из таких государственных организаций, практически единственной официально занимающейся вопросами и проблемами подрастающего поколения, выступает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Деятельность данного органа государственной власти регулируется Положением «О Федеральном агентстве по делам молодежи» (далее – Положение), где перечислены его основные полномочия и принципы организации структуры¹.

Следует отметить, что уже в самом начале Положения (п. 1.1) отмечается одна из главных

функций Росмолодежи наряду с такими, как управление государственной собственностью в сфере молодежной политики, взаимодействие с общественными организациями, профессиональный рост подрастающего поколения, – осуществление соответствующего нравственного и патриотического воспитания личности: «...Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции ... реализации во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодежи, мероприятий ... направленных на обеспечение здорового образа жизни молодежи, нравственного и патриотического воспитания...»².

Более того, в п. 5.1.4, где перечисляются основные полномочия Росмолодежи в сфере реализации молодежной политики, вновь отмечается необходимость осуществления мер по патриотическому, гражданскому воспитанию молодых людей и особо – «...формирование правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи, а также распространение эффективных форм участия молодежи в общественной жизни»³.

На наш взгляд, примечательным является ориентация Положения на формирование правовых ценностей и создание эффективных форм участия в общественной жизни, при этом без упоминания политической составляющей. Так, нам представляется необходимым выделение в Положении и в целом в российском законодательстве таких категорий, как «политическая культура» и «молодежная политическая культура». Это связано с тем, что данные категории отражают необходимость соответствующей государственной политики в современной России в сфере реализации проектов, направленных на формирование социокультурных оснований деятельности молодежных организаций, «молодежных» органов власти. А также необходимо уточнение категории «молодежная политическая культура» с целью выработки соответствующих рекомендаций органам государственной власти, нацеленных на создание эффективных форм участия молодых людей в социально-политической жизни.

В целом, на наш взгляд, закрепление категорий «политическая культура» и «молодежная политическая культура» в российском законодательстве позволит на официальном уровне использовать соответствующие технологии формирования политической культуры граждан страны, например, применять игровые практики и модели:

- при осуществлении политической социализации молодых людей⁴;
- при приобретении навыков межличностного и межгруппового общения⁵;
- при воспитании морально-нравственных,

патриотических ценностей в российском сообществе⁶;

- при формировании национальной идентичности в рамках преодоления конфликтогенного потенциала полиэтничного и поликонфессионального общества;

- при выработке практик разрешения и урегулирования социально-политических конфликтов.

Примечательно, что в структуре Росмолодежи наряду с управлениями по правовому, финансово-экономическому обеспечению, отделами по региональному взаимодействию и реализации проектов в сфере молодежной политики входят такие подведомственные учреждения, как Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи», Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр поддержки молодежных творческих инициатив», а также Федеральное государственное бюджетное учреждение «Ресурсный Молодежный Центр»⁷.

Создание данных подведомственных структур указывает, с одной стороны, на значимость приоритетных направлений развития современной молодежной политики (культурное просвещение, профессиональный рост и поддержка талантливой молодежи). С другой стороны, из виду теряется суть предлагаемых преобразований в молодежной среде, заключающихся, на наш взгляд, в формировании новых форм взаимодействия и кооперации между субъектами социально-политического процесса, совершенствовании форм социализации и выработки инновационных способов мышления и моделей общественно-политического поведения и участия.

Также в структуре Росмолодежи можно выделить в качестве отдельных подразделений региональные комитеты и министерства по делам молодежи, представленные практически во всех субъектах Российской Федерации⁸. Следует отметить, что, с одной стороны, широкая представленность органов государственной власти в региональном срезе подчеркивает важность и необходимость реализации соответствующих мер социальной поддержки подрастающему поколению. С другой стороны, зачастую в региональных исполнительных структурах ориентируются на принятие тех или иных решений исходя из указаний руководства субъекта, что обесценивает функциональность существующей подведомственной структуры Росмолодежи.

Также на работу сетки региональных подведомственных учреждений оказывает влияние отсутствие единого закона о государственной молодежной политике, что, в свою очередь, лишает молодое поколение соответствующего уровня правосубъектности. Это существен-

ным образом сказывается на реализации государственных программ в сфере молодежной политики, а главное, по нашему мнению, это изначально подталкивает к формированию слабоактивной социально-политической модели поведения и участия молодых людей. Не имея правосубъектности, подрастающее поколение не имеет полноценной возможности отстаивать свои права и свободы, что нередко приводит к персонификации государственной власти, а именно к возможности решить свои насущные проблемы обращением к конкретным лицам, принимающим решения (министр, губернатор, президент и т. д.).

Выход из сложившейся проблемной ситуации видится нам:

- в создании закона о государственной молодежной политике с четким закреплением прав и обязанностей молодых людей, а также способов и форм реализации возможности на защиту своей правосубъектности;

- в повышении эффективности взаимодействия региональных государственных структур с центром принятия решений путем их прямого общения без посредников;

- в использовании игровых практик формирования политической и правовой культуры молодежи с целью создания новых моделей поведения и участия в общественно-политической жизни государства.

В рамках деятельности Росмолодежи выделяется 16 направлений работы, которые указаны на сайте организации⁹. Актуальными среди данных направлений, а также наиболее близкими по сути к формированию политической культуры, на наш взгляд, являются следующие:

- патриотическое направление, суть которого в воспитании патриотического отношения к Родине, формирование толерантности, национальной идентичности, а также создание межконфессионального и межэтнического диалога среди представителей молодежи. В целом, данное направление представлено соответствующими программами развития, деятельностью поисковых отрядов, археологических и исторических обществ;

- направление поддержки общественных организаций и движений, в рамках которого основная деятельность посвящена взаимодействию с молодежными общественными организациями. Суть поддержки заключается в выделении грантовых средств на развитие соответствующих молодежных структур, а также в распространении лучших практик реализации молодежных интересов посредством деятельности таких движений;

- вовлечение молодежи в научно-техническую и инновационную деятельность, популяризация научной работы, а также создание платформы, объединяющей потенциал молодых ученых и способствующей их более эффектив-

ному взаимодействию. Среди основных форм развития научно-технической активности молодежи выделяется проведение научно-просветительских мероприятий;

- направление повышения медиаграмотности молодого поколения, а также вовлечение в работу средств массовой информации и коммуникации как за счет создания молодежных масс-медиа, так и за счет работы в уже существующих медийных организациях;

- направление развития молодежного самоуправления, программ социальной адаптации, социальной защиты и поддержки молодых семей. В рамках данной деятельности создаются органы молодежного самоуправления как в образовательных учреждениях (школа, вузы), так и при органах государственной власти (региональные парламенты, правительства и избирательные комиссии). Также сюда входит поддержка категорий граждан, находящихся в особом социальном положении, проекты просветительского и профилактического характера, направленные на успешную социализацию молодых людей, а также поддержка молодых семей, в том числе связанная с формированием ценностей материнства, отцовства и ответственного отношения к браку и семейным ценностям;

- направление, связанное с формированием карьерного роста, профессионального развития, созданием резерва кадров системы государственной молодежной политики, а также помощи в профориентационной работе и выборе стратегии карьерного развития молодых людей¹⁰.

Таким образом, с одной стороны, деятельность Росмолодежи представлена довольно широко и затрагивает основные направления жизнедеятельности подрастающего поколения. С другой – на наш взгляд, важным представляется не только широта направлений, но и качество их реализации, а также доступность для большого круга участников, что затрудняется существующей спецификой российского социально-политического процесса, а именно:

- 1) создание моделей активного, ответственного поведения в социально-политической сфере затрудняется их реализацией на практике в силу того, что существующая модель социально-политического устройства и формы интеракций между субъектами сильно отличаются от официального дискурса, что не может не искажать восприятия молодыми людьми соответствующих мер, направленных на формирование деятельности гражданской позиции. Это приводит к появлению модели поведения, которую можно условно обозначить, как имитационную. Ее суть в том, что молодые люди формально придерживаются существующих норм поведения, а фактически прибегают к применению неофициальных правил поведения (игры). Это, в свою очередь, приводит к подмене понятий и воспринимается молодым человеком как есте-

ственное состояние, способствующее решению возникающих конфликтных ситуаций и проявляющее себя в них (в неофициальных практиках) особенно наглядно;

2) доступность существующих программ и мер поддержки молодежи осложняется отсутствием действенной системы информационно-коммуникационных практик доведения информации до большого круга потенциальных субъектов взаимодействия. Причина заключается, на наш взгляд, в том, что заинтересованность в распространении соответствующей информации носит скорее сугубо регламентационный характер и тесно связана с достижением соответствующих показателей отчетности;

3) развитие активной модели самоуправления сталкивается, по нашему мнению, со следующими препятствиями: деятельность молодежных органов при органах государственной власти носит скорее согласительный и рекомендательный характер и в этом смысле не выходит за рамки принятых правил игровых взаимодействий. При этом реальное влияние молодежных органов на принятие решений в социально-политической сфере носит весьма ограниченный характер, и таким образом вновь воспроизводится имитационная модель участия в решении существующих проблем;

4) развитие системы государственной молодежной политики затрудняется, думается, тем, что в ее совершенствовании практически отсутствует действительная (или неформальная) заинтересованность представителей органов региональной власти. Это обуславливает и соответствующее отношение молодых людей к существующим программам, мерам и проектам в молодежной сфере, а учитывая определенный психологически присущий молодым людям конформизм и абсентеизм, такое отношение предопределяет снижение активного и качественного участия подрастающего поколения (особенно по мере своего взросления) в российском социально-политическом процессе;

5) также представляется необходимым включение в основное направление деятельности Росмолодежи формирования политической и правовой культуры российской молодежи и – шире – культурного просвещения, способствующего созданию широкого мировоззренческого круга, выработке навыков инновационного мышления и созданию институтов социализации, направленных на передачу соответствующих высоких морально-нравственных ценностей, традиций и норм поведения. Это поможет, на наш взгляд, сформировать крепкую личность с осознанной жизненной стратегией развития, с активным, ответственным типом общественно-политического поведения. И этому может оказать содействие в том числе использование эффективных игровых технологий, при условии их качественного применения исходя из суще-

ствующих условий социально-политического развития.

Таким образом, с одной стороны, игровые технологии открывают новые возможности в плане формирования базовых ценностных установок активной, осознанной гражданской позиции и способствуют выработке деятельностных моделей поведения субъектов социально-политического процесса. С другой стороны, существует определенная проблема в переходе от игровых моделей к реальным социально-политическим и иным практикам. Другими словами, имеет место риск воспроизводства понимания действующих общественно-политических процессов как игровых, т. е. несущественных, а значит, в дальнейшем у лиц, принимающих решения, может отсутствовать ответственность за вверенный им круг обязанностей и за те решения, проекты и программы, что они утверждают.

Данная проблема перехода от восприятия процессов, происходящих вокруг субъекта, как игровых к пониманию реальности наступающих последствий принимаемых действий, т. е. переход от игры к реальности, выявляет одну из главных специфик использования игровых технологий и требует ее последующего всестороннего анализа. В свою очередь, отметим, что предварительное решение этой проблемы видится нам как раз в возможности при помощи игровых технологий формировать политическую культуру молодых людей и российского общества в целом. Так, необходимо четко обозначить момент перехода от игры к практике, а значит, два этих измерения одной действительности должны учитываться при использовании игровых моделей.

Примечания

- 1 См.: Положение «О Федеральном агентстве по делам молодежи» // Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) : [сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/docs/position> (дата обращения: 14.01.2020).
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 См.: Казаков А. А. Концептуальные основы политико-правового обеспечения медийной грамотности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 438–443. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443
- 5 См.: Шестов Н. И., Вилков А. А. Ценностные основания рекрутирования современных российских элит : проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 86–91. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-86-91
- 6 См.: Вилков А. А. Политическая функциональность патриотизма в современной России : основные тенденции, противоречия и перспективы // Изменяющийся мир : общество, государство, личность : сб. материалов

- IV Междунар. науч. конф. (г. Саратов, 9 апреля 2015 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2015. С. 138–145.
- ⁷ См.: Структура агентства // Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) : [сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/structure> (дата обращения: 15.01.2020).
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Направления // Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) : [сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/scope> (дата обращения: 16.01.2020).
- ¹⁰ Там же.

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Специфика применения игровых технологий в рамках формирования политической культуры современной российской молодежи (на примере анализа деятельности Росмолодежи) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-207-211>

Cite this article as:

Bogdanov A. V. Specifics of Using Game Practices in the Framework of Forming the Political Culture of Modern Russian Youth (On the Example of the Analysis of the Federal Agency for Youth Affairs). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 207–211 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-207-211>

УДК 32:316.6

Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона)

Д. И. Каминченко, О. Ю. Шмелева

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, dmitkam@inbox.ru

Шмелева Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного политического анализа и моделирования, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, O_shmeleva1977@mail.ru

В статье на материале прикладного исследования, проведенного среди студентов г. Н. Новгорода, изучаются система политических ценностей и представлений молодежи, складывающихся в коммуникативном пространстве социальных медиа, роль сетевого пространства в формировании ценностной картины мира молодежи с учетом логики развития и функционирования виртуального пространства, его особенностей, принципов. Анализируется специфика воздействия социальных медиа на политическое сознание (восприятие) молодежи, методологическим основанием исследования которых стали теории социальных сетей, «двухступенчатого потока информации» П. Лазарсфельда. Изучаются ресурсный потенциал социальных медиа как инструмента формирования ценностных оснований политики, риски, обусловленные спецификой данного механизма (клиповость, фрагментированность, мозаичность, амбивалентность).

Ключевые слова: политические ценности, политическая картина мира, политическое сознание, сетевизация, клиповое мышление, социальные медиа.

Поступила в редакцию: 16.03.2020 / Принята: 18.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Social Media as a Tool for the Formation of the Political Picture of the World of Modern Youth (Exemplified by Nizhny Novgorod Region)

D. I. Kaminchenko, O. Yu. Shmeleva

Dmitriy I. Kaminchenko, <https://orcid.org/0000-0002-3193-3423>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, dmitkam@inbox.ru

Olga Yu. Shmeleva, <https://orcid.org/0000-0002-7082-5433>, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, O_shmeleva1977@mail.ru

The article is based on the material of applied research conducted among students of N. Novgorod, studying the political values of young people developing in the communicative space of social media, the role of network space in shaping the value picture of the world of youth, taking into account the logic of development and functioning of virtual space, its features and principles. The specifics of the impact of social media on the political consciousness (perception) of youth is analyzed, the methodological basis of which was the theory of social networks, P. Lazarsfeld's "two-stage flow of information". Authors study the resource potential of social media as a tool for forming the value foundations of politics, the risks caused by the specifics of this mechanism (i.e. being clip-like, fragmented, mosaic and ambivalent).

Keywords: political values, political picture of the world, political consciousness, networking, clip thinking, social media.

Received: 16.03.2020 / Accepted: 18.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-212-218>

Современная информатизация общества оказывает существенное воздействие на общество, модифицируя различные его сферы. Распространение информационно-коммуникационных технологий способствует сетевизации субъективного пространства политики, включающего ценностное, символическое и идейное измерения. В условиях постиндустриального общества одним из ведущих инструментов формирования ценностной картины мира являются социальные медиа. Современные интернет-платформы поддержки социальных сетей (ВКонтакте, Facebook, Instagram и др.) опосредуют и структурируют межличностную коммуникацию, формируя при этом определенное семиотическое пространство. В нем ретранслируются идеи, оценки, суждения, задающие рамки восприятия политической действительности, усваиваемые пользователями социальных медиа.

Сетевые структуры и принципы организации коммуникативного пространства Интернета, отличающиеся ситуативностью, изменчивостью, динамичностью, способствуют трансформации ценностной картины мира, изменению механизма и характера восприятия политической реальности. Увеличивающийся объем информации, разнонаправленность информационных потоков приводят к складыванию нового типа мышления как атрибута цифровой культуры, именуемого в современной литературе «клиповым». Оно отличается «кратким и красочным восприятием окру-

жающего мира посредством короткого, яркого посыла¹, новой «ментальной моделью реальности», в рамках которой субъекты «вынуждены постоянно формировать и переформировывать» ценностную картину²; оперирует слабо связанными между собой зрительными и звуковыми образами³. Возникающие в нем ассоциации, образы, мысли часто оказываются «диссоциируемыми», разрозненными, не способными «порождать впечатления»⁴, отражают многообразные свойства предмета без учета связи между ними. Оценка этих образов происходит не с помощью рации, а с помощью эмоционально-чувственного восприятия, т. е. «клип воспринимается, минуя аналитическую обработку»⁵. За счет многочисленных репостов, измененный контекст вымыслается идея из сообщений.

В постиндустриальном обществе клиповое мышление становится «основной формой восприятия» как «закономерная защитная реакция организма на обилие информации самого разного свойства»⁶; оно «конституирует медиапространство» и его же формирует⁷. Его основными характеристиками выступают фрагментарность, неупорядоченность, ситуативность, образность, «мозаичность», стереотипность, метафоричность, а также быстрое переключение между потоками информации, направленность на конкретные, единичные объекты, оперативность усвоения и ранжирования полученных сведений, низкая способность к аналитике, рефлексии, рациональному осмыслению, установлению причинно-следственных связей⁸. Носители клипового мышления в силу утраты рациональности в большей степени подвержены манипулятивному воздействию.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема мониторинга ценностных трансформаций, изучения структурно-содержательных особенностей складывающейся системы ценностей, рассмотрению политических ценностей, складыванию которых способствует коммуникативное поле социальных медиа. На изучение обозначенных вопросов нацелена данная работа, объектом которой выступает коммуникативное пространство социальных медиа, предметом – перечень формируемых в нем политических ценностей. Целью статьи является изучение совокупности политических ценностей, складывающихся в коммуникативном пространстве социальных медиа с учетом основных тенденций сетевизации и их проекций на массовое сознание молодежи.

Раскрытие обозначенной научной проблемы может быть фундировано на базе теорий социальных сетей, «двухступенчатого потока информации» П. Лазарсфельда, технологического детерминизма. Теория социальных сетей делает основной акцент на функциональных аспектах (особенностях) данного механизма, оставляя за технологической составляющей роль инстру-

мента трансляции уже распространяемых политических ценностей в сложившихся в обществе социальных сетях. Социальные сети в рамках данной теории рассматриваются как «организованное множество людей, состоящее из двух типов элементов: люди и связи между ними»⁹, «объединяющее разнообразных государственных и/или негосударственных акторов на основе ресурсной взаимозависимости и в целях реализации их взаимного интереса за счет использования формальных и неформальных коммуникаций»¹⁰. Они обладают рядом характеристик, в числе которых совместный интерес множества субъектов, «ресурсная зависимость» акторов и заинтересованность друг в друге, равноправие и проч.¹¹

Расширяет теоретическое представление о механизме формирования политических ценностей в сетевом пространстве теория «двухступенчатого потока информации» П. Лазарсфельда, в частности, ее положение о том, что ретранслируемая посредством интернет-платформ, прессы, телевидения информация усваивается массовой аудиторией не непосредственно и не сразу, а спустя какое-то время под влиянием «лидеров мнений». Они передают свои интерпретации в дополнение к фактическому содержанию, отбирают сообщения для подкрепления уже сложившейся системы ценностей.

Сфокусировать внимание на технологической составляющей процесса формирования политических ценностей в сетевом пространстве, характере воздействия технологий на изменение сознания позволила теория технологического детерминизма. Стремительное развитие интернет-технологий способствует появлению ряда универсальных политических ценностей и норм, распространяемых в коммуникативном пространстве социальных медиа.

В совокупности указанные теории позволяют раскрыть механизм формирования и ретрансляции ценностей с учетом сетевого принципа организации коммуникативного пространства, технологической составляющей. В том числе скорость передачи информации, динамичность и интерактивность коммуникации обуславливают складывание определенных ценностей и норм, связанных, например, с открытостью и наблюдаемостью, модифицируемых и в политическом значении (например, одной из таких ценностей, площадкой для выражения которой являются новые медиа, может быть политическое самовыражение)¹².

Логику воздействия технологий, находящихся в процессе непрерывного взаимодействия, на массовое сознание позволяют раскрыть принципы синергетического подхода. Технологии, с одной стороны, являются некой формой для выражения складывающихся ценностных интенций, («технологически организованная среда обитания воздействует на сознание человека»¹³), но,

с другой – реализация этой формы-технологии в политической сфере приводит к изменениям ценностного наполнения политического сознания. Таким образом, в ряде случаев становится затруднительным определить движущий фактор, оказавший определяющее воздействие на появление в обществе той или иной политической ценности: определяющую роль могли сыграть как структурно-функциональные особенности социальных сетей (их структуры и функций), так и технологический ресурс.

Анализ ценностного наполнения коммуникативного пространства социальных медиа подразумевает учет когнитивных, эмоционально-выразительных и поведенческих аспектов пользовательской активности уже функционирующих в обществе социальных сетей. Вместе с тем важно подчеркнуть, что ценности существуют и распространяются, в первую очередь, в сложившихся и складывающихся социальных сетях, вне зависимости от того, представлены структурно-функциональные элементы этих социальных сетей в интернет-пространстве или нет.

Изучению характера воздействия социальных сетей на субъективные составляющие политического пространства уделяется существенное внимание в научном дискурсе. Ученые с уверенностью замечают, что в условиях развития технологий современных массовых коммуникаций артикуляция и трансляция политических ценностей во многом происходит именно через Интернет¹⁴. Общеизвестным в научном сообществе является мнение о том, что интернет-платформы поддержки социальных сетей становятся агентами социализации современной молодежи, формирующими новый тип личности¹⁵. Развитие современных электронных коммуникаций и цифровых медиа, по мнению Е. П. Емченко, «открывает путь формированию глобальной системы ценностей и поведенческих норм, отличающихся все большей возможностью “культурного конструирования”»¹⁶.

Серия работ связана с анализом особенностей процессов трансформации сознания, специфики восприятия политических институтов при переходе к постиндустриальному обществу в сознании интернет-пользователей¹⁷, формированию клипового мышления как продукта информационного общества (Э. Тоффлера, А. Н. Исаевой, С. А. Малаховой, например). Ценностный аспект изучения политико-коммуникативного поля интернет-пространства рассматривается в различных контекстах. Например, в работе Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, Р. В. Пырьмы, А. А. Азарова и А. В. Синякова данный вопрос рассмотрен сквозь призму концепции «цифрового гражданства». Авторы исследования установили наличие следующего парадокса «цифрового гражданства» молодых россиян – «противоположные тенденции избегания политики и расширения сетевого протеста»¹⁸.

Широко представлено в научном дискурсе исследовательское направление, связанное с изучением клипового мышления как атрибута цифровой культуры, цифрового медиапространства, его сущностных особенностей¹⁹; условия успешности проведения информационных войн²⁰; маркеров «клиповости» сознания.

Исследовать систему ценностей и представлений, складывающихся в коммуникативном пространстве социальных медиа, позволило обращение к методу опроса. Структура анкеты и ее тематические блоки релевантны поставленным в научной работе задачам. При проведении прикладного исследования были учтены следующие моменты:

- является ли респондент пользователем социальных медиа (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Telegram);
- частота использования социальных медиа респондентом;
- мнение респондентов о том, какие ценности формируются у индивидов благодаря их активному привлечению к участию в работе социальных медиа;
- представления респондентов-пользователей социальных сетей о последствиях аксиологического характера, связанных с активным использованием социальных медиа.

Для обработки результатов реализованного нами опроса был применен перекрестный анализ ответов респондентов на вопросы о формируемых посредством социальных медиа актуальных ценностях и характере воздействия социальных медиа на ценностную картину мира молодежи с построением таблицы сопряженности. Такой вариант анализа данных позволил выявить позицию респондентов, полагающих, что активное использование социальных медиа приводит к складыванию у индивида мозаичного отношения к политике, относительно того, какие политические ценности распространены в сетевом пространстве.

В анкетировании, проведенном в ноябре 2019 г. среди студентов Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, приняли участие 123 респондента, среди которых 67 представителей женского пола и 56 – мужского; 93,5% всех опрошенных составили молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, 5,7% – от 23 до 30 лет, 0,8% респондентов – в возрасте от 31 до 40 лет.

По результатам прикладного исследования, 100% его участников являлись пользователями интернет-платформ поддержки социальных сетей. Более того, 96,7% всех респондентов неоднократно в течение дня обращаются к платформам социальных медиа. Данный факт свидетельствует о широком формате использования социальных сетей в молодежной среде и их исключительной роли как инструмента воздействия на массовое сознание изучаемого социального сегмента общества.

Набор политических ценностей, формированию которых, по мнению опрошенных, способствует активное распространение социальных медиа, репрезентируемый на рис. 1, не отличается однородностью. В его структуре представлены материалистические (стабильность, порядок, безопасность), модернистские (развитие, инновационные ценности), либеральные ценности (свобода слова и мнений, демократия, плюрализм). Лидирующие позиции занимают инновационные/модернистские и либеральные ценности. По мнению большинства респондентов, социальные сети (в силу своей специфики – многообразия рисков, чрезмерной динамичности и проч.) в незначительной степени способствуют складыванию представления о стабильности, безопасности.

Приоритет либеральных ценностей в структуре политической картины мира современной молодежи можно объяснить рядом причин. Среди них – психологические и возрастные особенности изучаемого сегмента (например, свойственный молодежи интерес ко всему новому как движущий фактор развития, мобильность, социальная активность); специфика контента сетевого пространства, складывающегося под воздействием многообразных информационных потоков, включая пользователей различных идеологических предпочтений, взглядов. Особо стоит отметить поколенческие различия восприятия общественно-политических процессов, динамику ценностей (в том числе патриотизма, традиций, долга, значимость государственных символов и уважения к ним, готовность самопожертвование и др.), снижение значимости последних в молодежной среде. Данную тенденцию фиксируют материалы прикладных исследований²¹. Наконец, нельзя не учитывать существующего как в молодежной среде, так и

в обществе в целом запроса на перемены, развитие, стремления к поиску альтернативы.

Подавляющее большинство опрошенных (82,9%) полагают, что активное использование социальных медиа приводит к формированию разностороннего и мозаичного отношения к политике и обществу (причем женщины чаще мужчин выбирали этот вариант ответа: 54,9% против 45,1%). Только 6,5% участников опроса считали, что социальные сети способствуют складыванию «единого и целостного отношения к политике и обществу». Последний вариант ответа чаще выбирали респонденты мужского пола (75%), чем женского (25%). Результаты исследования представлены на рис. 2.

Данные перекрестного анализа ответов респондентов на два последних вопроса были сведены нами в таблицу сопряженности. Сведения, представленные в таблице, отражают корреляционную зависимость между представлениями участников опроса о характере воздействия социальных медиа на ценностную картину мира (консолидирующем, дезинтегрирующем) и системе ценностей, формирующихся благодаря социальным медиа. Отметим, что суммарный показатель по каждому из трех статистических столбцов превышает 100%, так как респондентам предлагалось выбрать не один, а три варианта ответа на вопрос о ценностях. Результаты перекрестного анализа отражены в таблице.

Анализируя результаты обработки данных опроса, следует обратить внимание на ряд аспектов. Во-первых, по мнению активных пользователей интернет-платформ поддержки социальных сетей, основные политические ценности, формируемые благодаря социальным медиа, – это свобода слова и мнений (с серьезным отрывом от остальных вариантов), а также плюрализм мнений (занимающий второе место с суще-

Формированию каких ценностей, на Ваш взгляд, способствует активное распространение социальных медиа (выберите от 1 до 3 вариантов ответа)

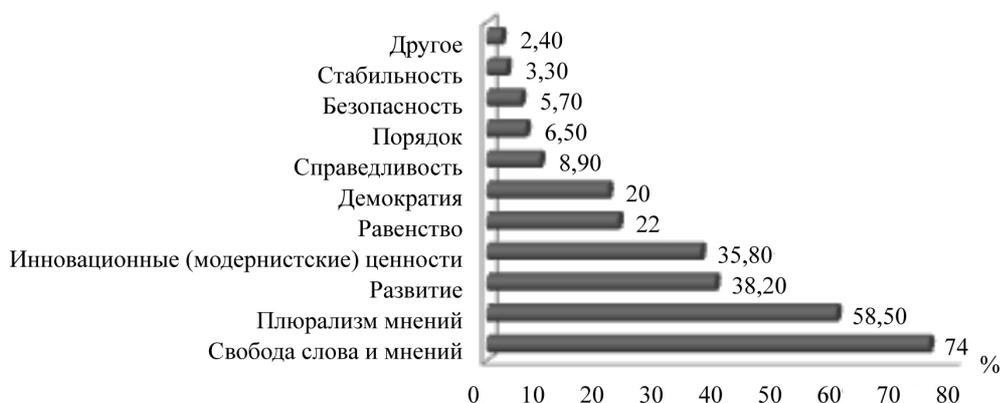

Рис. 1. Влияние социальных медиа на формирование политических ценностей студенческой молодежи

Как Вы думаете, активное использование социальных медиа приводит к формированию у индивида:

Рис. 2. Влияние социальных медиа на формирование фрагментированного восприятия политики

Результаты перекрестного анализа ответов респондентов, %

Формированию каких ценностей, на Ваш взгляд, способствует активное распространение социальных медиа?	Как Вы думаете, активное использование социальных медиа приводит к формированию у индивида		
	разностороннего и мозаичного отношения к политике и обществу	единого и целостного отношения к политике и обществу	затрудняюсь ответить
Свобода слова и мнений	78	75	38
Плюрализм мнений	63	50	31
Развитие	40	25	31
Инновационные (модернистские) ценности	38	38	15
Равенство	23	25	15
Демократия	22	25	8
Справедливость	9	0	15
Порядок	3	13	31
Безопасность	5	13	8
Стабильность	2	13	8

ственным отрывом от последующих вариантов). Третье и четвертое места уверенно занимают ценности развития и инновационные (модернистские) ценности соответственно. Это свидетельствует о том, что, по мнению респондентов, социальные медиа являются коммуникативным полем, способствующим формированию так называемых постматериалистических ценностей. Речь идет о ценностях самовыражения («self-expression values»), более высокой степени жизненной защищенности, «личной независимости человека», смещению акцента «от коллектива ... к свободе личности, групповых норм к индивидуальному многообразию»²².

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в абсолютных выражениях женщины чаще мужчин отдавали предпочтение таким ценностям, как свобода слова и мнений, развитие, инновационные (модернистские) ценности, равенство и справедливость, формируемых в социальных медиа. Мужчины, в свою очередь, чаще выбирали в качестве приоритетных безопасность, стабильность и демократию. Порядок и

плюрализм мнений представители обоих полов отмечали поровну. Так, из 100% выбравших вариант «свобода слова и мнений», 44% мужчин и 56% женщин, в случае с вариантом «плюрализм мнений» это соотношение выглядит следующим образом: 50 на 50%, для варианта «развитие» – 40,4 и 59,6% соответственно, «инновационные (модернистские) ценности» – 40,9 и 59,1%, «равенство» – 40,7 и 59,3%, «справедливость» – 36,4 и 63,6%, «порядок» – 50 и 50%, «безопасность» – 71,4 и 28,6%, «стабильность» – 75 и 25%, «демократия» – 52 и 48% соответственно.

Во-вторых, данные опроса свидетельствуют, что пользователи платформ поддержки социальных сетей в большинстве своем разделяют мнение о том, что активное использование социальных медиа способствует формированию разностороннего и мозаичного отношения к политике и обществу. Мозаичное и фрагментарное отношение к политической действительности является одним из основных признаков так называемого «клипового сознания». Таким образом, данный тезис подтверждает идею о значимой роли современ-

ных социальных медиа в «клипизации» сознания. Здесь же отметим одну деталь: представительницы женского пола немногим чаще мужчин выбирали именно вариант ответа, связанный с формированием разностороннего и мозаичного отношения к политике и обществу, складывающегося благодаря активному использованию социальных медиа. При этом противоположной позиции, согласно которой активное использование социальных медиа способствует формированию единого и целостного отношения к политике и обществу, мужчины придерживались заметно активнее, хотя необходимо отметить, что данный вариант ответа в целом был поддержан очень небольшим числом респондентов.

В-третьих, результаты перекрестного анализа данных показали, что чаще всего те респонденты, разделяющие мнение о значимой роли социальных медиа в формировании мозаичного отношения к политике и обществу, в качестве политических ценностей, распространяемых благодаря социальным медиа, называли следующие (в порядке убывания популярности): свобода слова и мнений, плюрализм мнений, развитие, инновационные (модернистские) ценности, равенство и демократия. Этот перечень и его порядок полностью соответствует общим показателям ответов на вопрос о ценностях по всей выборке. Вместе с тем перечень формируемых с помощью социальных медиа политических ценностей, указанных респондентами, которые, в свою очередь, придерживаются мнения о том, что активное использование социальных медиа приводит к складыванию у индивида единого и целостного отношения к политике и обществу, выглядит следующим образом (в порядке убывания популярности): свобода слова и мнений, плюрализм мнений, инновационные (модернистские) ценности, развитие, равенство и демократия. Как видим, данные списки во многом схожи: одинаковое наименование и порядок расположения двух наиболее часто называемых ценностей, одинаковые процентные показатели инновационных (модернистских) ценностей и близкие показатели по ценностям демократии и равенства (которые в целом по обоим спискам занимают практически одинаковые позиции). Это позволяет предположить, что «клиповое сознание» не является значимым и определяющим фактором при формировании мнения респондентов о том, какие политические ценности чаще всего транслируются в коммуникативном пространстве интернет-платформ поддержки социальных сетей.

В дополнение к этому сравнительному обзору отметим, что респонденты, полагающие, что активное использование социальных медиа приводит к формированию у индивида единого и целостного отношения к политике и обществу, чаще, чем респонденты, высказавшие мнение о формировании в условиях активного использования социальных медиа мозаичного отношения

к политике и обществу, указывали на распространение в пространстве социальных медиа ценностей порядка, безопасности и стабильности. В свою очередь, участники опроса, разделяющие идею о складывании мозаичного отношения к политике и обществу, чаще называли справедливость как ценность, формируемую в пространстве социальных медиа.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, коммуникативное поле современных платформ поддержки социальных сетей рассматривается представителями молодежи как инструмент формирования инновационных, либеральных ценностей, таких как свобода слова и мнений, плюрализм, развитие, как альтернативный официальному каналу трансляции ценностей и идей.

Подобные представления обусловлены, по нашему мнению, совокупностью факторов, в том числе структурно-функциональными особенностями социальных медиа (многообразием информационных потоков, возможностью пользователей самим создавать контент и проч.), существенной ролью политических технологий в виртуальном пространстве (стигматизации, мифотворчества и проч.). Последние усиливают стереотипизацию и мифологизацию существующих представлений.

Специфика социальных медиа способствует формированию клипового мышления, разностороннего и мозаичного отношения к политике, сдерживающих формирование целостного восприятия, системного представления о политических событиях, объектах. Данное обстоятельство продуцирует риски, связанные с ростом манипулятивных возможностей в сетевом пространстве. Однако фактор «клиповости» сознания, как показали результаты проведенного анализа, не является определяющим при формировании отношения пользователей современных платформ поддержки социальных сетей к преобладающим в пространстве социальных медиа политическим ценностям.

Полученные результаты, выявленные аксиологические особенности и тенденции позволяют говорить о целесообразности учета при разработке политического курса существующего в молодежной среде (как и в обществе в целом) запроса на развитие и неоднозначную оценку роли социальных медиа в формировании ценностной картины. Государству в лице действующей власти необходимо продолжать координационную работу в сетевом пространстве, осуществлять мониторинговую деятельность в превентивных целях, признавая значимость лидеров мнений как субъектов политического процесса, воздействующих на общественное мнение и массовое сознание, их привлечение к формированию информационной повестки.

Вместе с тем вопросы, связанные с формированием и распространением в коммуникативном поле социальных медиа определенных

политических ценностей, требуют дальнейшего изучения. Например, целесообразно повторно (через некоторый промежуток времени) провести подобное исследование, чтобы рассмотреть динамику возможных изменений ценностных предпочтений пользователей социальных медиа, что станет еще более существенным дополнением к сложившейся системе знаний по вопросу ценностного измерения политико-коммуникативного поля Интернета.

Примечания

- ¹ Митягина Е. В., Долгополова Н. С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // Вестн. НГТУ. Сер. Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 53.
- ² Пудалов А. Д. Клиповое мышление – современный подход к познанию // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2011. Т. 1, № 1. С. 36.
- ³ См.: Симакова С. И. Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ // Знак : проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С. 112.
- ⁴ Исаева А. Н., Малахова С. А. «Клиповое мышление»: психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус) // Мир психологии. 2015. № 4. С. 178.
- ⁵ Симакова С. И. Указ. соч. С. 112.
- ⁶ Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 171
- ⁷ Исаева А. Н., Малахова С. А. Указ. соч. С. 177.
- ⁸ См.: Кошель В. А., Сегал А. П. «Клиповое мышление» как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. 2015. № 4 (10). С. 19; Слаутина М. В., Сусарина В. И. Феномен клипового сознания в научной и языковой интерпретации // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 149–150.
- ⁹ Кристакис Н., Фаулер Дж. Связанные одной сетью: Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. М.: Юнайтед Пресс, 2011. С. 23.
- ¹⁰ Викторова З. С. Сетевой подход как методология исследования процесса принятия государственных решений: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 16.
- ¹¹ См.: Сморгунев Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. 2001. № 3. С. 107–108.
- ¹² См.: Каминченко Д. И. «Новые» СМИ как агент расширения определенных политических ценностей // Социосфера. 2013. № 4, ч. 1. С. 193.
- ¹³ Измествьева Н. Н. Клиповое сознание и образовательные технологии: к постановке проблемы // Вестн. ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. 2016. Т. 19, № 1. С. 88.
- ¹⁴ См.: Володенков С. В., Кузнецов И. И., Евгеньева Т. В., Зверев А. Л., Грачев М. Н., Штукина Т. А., Седых Н. С., Бобровская Е. В., Щегловитов А. Е., Писарчук Д. И., Федоров А. П. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 5. С. 125.
- ¹⁵ См.: Ячменева М. В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. № 3 (22). С. 84, 87.
- ¹⁶ Емченко Е. П. Иллюзорность социальных медиа в контексте ценностей повседневности // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия Социология. Право. 2016. № 3 (224), вып. 35. С. 97.
- ¹⁷ См.: Мартыянов Д. С. Социологическое исследование политического сознания интернет-пользователей // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 2, № 1. С. 196.
- ¹⁸ Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А., Синяков А. В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 3. С. 338. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.301>
- ¹⁹ См.: Митягина Е. В., Долгополова Н. С. Указ. соч. С. 53–59; Пудалов А. Д. Указ. соч. С. 36; Симакова С. И. Указ. соч. С. 107–118; Исаева А. Н., Малахова С. А. Указ. соч. С. 177–191; Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016; Романов Н. А. Клиповая культура в современном медиапространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. № 3 (25). С. 105.
- ²⁰ См.: Старицына О. А. Клиповое мышление как условие успешности информационных войн // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 335.
- ²¹ См.: Цветкова И. В. Поколенческие различия в динамике патриотических ценностей (на примере г. Тольятти) // Социс. 2014. № 3. С. 48.
- ²² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 12–13.

Образец для цитирования:

Каминченко Д. И., Шмелева О. Ю. Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212–218. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-212-218>

Cite this article as:

Kaminchenko D. I., Shmeleva O. Yu. Social Media as a Tool for the Formation of the Political Picture of the World of Modern Youth (Exemplified by Nizhny Novgorod Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 212–218 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-212-218>

УДК 321.01

Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России

Н. В. Лаптева

Лаптева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самарский университет), lapteva.n@list.ru

В статье рассмотрены основные проблемы и противоречия системы высшего образования в современной России, трактовки их причин и способов решения, представленные в отечественном научном дискурсе. Сделан вывод о том, что наиболее оптимальным является «консервативный» вариант реформирования, сторонники которого акцент делают на необходимости переформатирования функциональности государства в сфере высшего образования на основе де бюрократизации и минимизации формальных показателей, на основе реализации стратегии повышения качества обучения, практико ориентированной на национальные интересы и потребности российской экономики и общества в целом, в том числе и на основе социально-воспитательной функции вузов.

Ключевые слова: государственная политика в сфере высшего образования, реформы высшей школы, цифровизация образовательного процесса.

Поступила в редакцию: 03.03.2020 / Принята: 13.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Issue of Reforming Higher Education within the Scholarly Discourse of Modern Russia

N. V. Lapteva

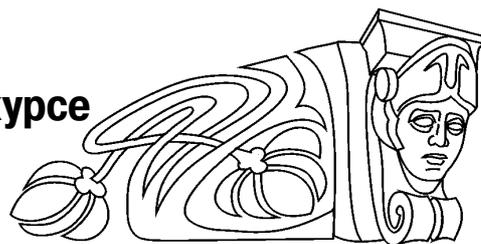
Natalia Vladimirovna Lapteva, <https://orcid.org/0000-0002-7176-4951>, Samara National Research University (Samara University), 34 Moskovskoe Shosse, Samara 443086, Russia, lapteva.n@list.ru

The article considers key problems and controversies of higher education system in contemporary Russia, main interpretations of their reasons and ways of solution presented within domestic scholarly discourse. An inference is made that the best way to reform it is the "conservative" one implying reformatting the state's functionality in the higher education sphere conducted on the basis of reduction and minimization of formal criteria, fulfilling the strategy of improving quality of education practically oriented at national interests and needs of Russian economy and society, including social and educational functions of universities.

Keywords: state higher education policy, reforms of higher education, digitalization of educational process.

Received: 03.03.2020 / Accepted: 13.03.2020 / Published: 01.06.2020

© Лаптева Н. В., 2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>

Основные направления и результаты реформирования системы высшего образования в современной России являются одним из самых актуальных сегментов отечественного научного дискурса. Злободневность данной проблематики обусловлена тем, что от модернизации российской высшей школы во многом зависят качество человеческого капитала и адекватные ответы на вызовы времени во всех сферах общественной жизни современной России.

Несмотря на преобладание консервативно-центристского вектора в политическом развитии России последних двух десятилетий, в развитии отечественной системы высшего образования существенное значение продолжает играть либеральный тренд. Обусловлено это не только инерционным воздействием того политико-правового импульса, который был задан высшей школе в 1990-е гг., но и рядом вполне современных факторов.

Либеральный взгляд на состояние системы высшего образования в современной России и ее основные проблемы, требующие решения, представил председатель совета Фонда «Центр стратегических разработок» (ЦСР), декан факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета А. Кудрин. В своем выступлении на 2-й Всероссийской конференции «Путь к успеху: стратегии поддержки одаренных детей и молодежи» он акцентировал внимание на том, что «Россия по уровню цифровизации отстает от передовых стран лет на десять»¹. По его мнению, подготовка программистов должна стать центральной задачей дальнейшего реформирования высшей школы и всей системы образования в современной России. Именно успехи в этой сфере должны стать главным фактором экономического развития страны. Однако в качестве одного из ведущих способов решения накопившихся проблем высшей школы современной России А. Кудрину видится расширение права «на частную инициативу в высшем образовании как неперемное условие научно-технологического прогресса»². Это позволит уйти от директивного единообразия и устаревших форм работы со студентами. То есть фактически обосновывается дальнейшее

внедрение рыночных отношений в систему высшего образования и ее ориентация на общемировые тенденции цифровизации всех сфер общественной жизни.

Попытку всесторонней критической оценки такого неолиберального подхода к реформированию высшей школы в современной России предпринял член-корреспондент РАН Ж. Т. Тощенко. По его мнению, у сторонников неолиберальных инноваций в высшей школе (кроме А. Кудрина автор относит к ним нескольких ректоров ведущих московских вузов, преуспевающих в своей коммерческой образовательной деятельности) отсутствует главное – «стратегическое видение того, для чего нужно образование вообще – и высшее образование в частности... в официальных документах не определена и не провозглашена четкая официальная государственная установка, что образование – это сфера достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала»³. На наш взгляд, без определения такой стратегической цели для отечественной системы высшего образования, ориентированной на реализацию прежде всего национальных интересов, она сможет превратиться в постоянно действующий канал «утечки мозгов» и поставщика высококвалифицированных кадров для экономик более развитых западноевропейских государств.

Еще одна важная проблема, которая определяет противоречивый характер реформирования системы высшего образования, состоит в том, что главным ее инициатором и субъектом проведения выступает управленческая бюрократия. По мнению исследователей, существенное увеличение ее административно-правовых ресурсов и соответствующее расширение управленческой функциональности бюрократии началось в 2003 г. с присоединением России к Болонскому процессу.

Л. Е. Бляхер и М. Л. Бляхер, рассмотревшие содержание основных этапов в развитии системы высшего образования в постсоветской России и изменение роли государства в управлении данной сферой, утверждают, что «присоединение к Болонскому процессу, который изначально был порождением бюрократии, а не вузов, дало в руки министерства важнейший политический ресурс – систему формализованных показателей. Появился вполне определенный предмет для проверок. Как отмечали респонденты, с 2004–2005 гг. их число и жесткость начали возрастать»⁴. Вторым фактором, определившим вектор дальнейшего усиления административного ресурса в управлении вузами, стало увеличение бюджетного финансирования системы высшего образования и соответствующего постоянного финансового государственного контроля. Нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что усиление формализации и бюрократизации отчетности в работе профессорско-преподавательского состава привело к

тому, что снизилась социальная ответственность преподавателей, которых стали административно принуждать к «лояльности» в отношении к платным и бюджетным студентам, чтобы не допустить снижения финансовых ресурсов вуза⁵. Это негативное последствие характерно и для вузов исследуемого нами Поволжского региона. Кроме того, важнейшее значение стала иметь рекламная и профориентационная деятельность вузов по привлечению абитуриентов, нацеленная на расширение коммерческого контингента студентов в вузах. Значительная часть профориентационной работы также стала дополнительной (не оплачиваемой) нагрузкой для профессорско-преподавательского состава.

В некоторых случаях формализация показателей работы вузов и их структурных подразделений приобретает абсурдный характер. Примером тому может служить борьба за повышение качества диссертационных исследований⁶. По мнению А. А. Вилкова, «возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, официальная стратегия изменений в научной сфере нацеливает на повышение роли соответствующего научного сообщества в оценке качества диссертационных исследований (за счет обязательной апробации отдельных результатов своего труда в виде публикаций в журналах из реестра ВАК). С другой стороны, чтобы обеспечить формальный показатель уровня оригинальности, автор вынужден убирать из текста диссертации апробированные материалы своих опубликованных статей по данной теме (либо излагать их в неузнаваемом для системы «Антиплагиат» виде)»⁶.

Анализ литературы показывает, что соотношение с Болонским процессом стало одним из ключевых направлений анализа результатов реформы системы высшего образования в современной России. Именно апелляция к целям и принципам Болонской декларации как важнейшей предпосылки вхождения России в мировое образовательное пространство была одним из основных аргументов инициаторов проведения реформы высшего образования в России и принятия соответствующего Федерального закона «Об образовании». И это несмотря на то, что Болонский процесс в этот период уже выявил негативное отношение к нему во многих западноевропейских университетах. По результатам опроса, проведенного в 2007 г. в 31 европейской стране, 59% преподавателей высказались за сохранение прежней системы обучения⁸. Главными проблемами, которые обозначил данный процесс унификации образовательного пространства в Европе, стали определенная утрата автономии университетов и снижение научного уровня базового образования.

Для России этот переход оказался еще более сложным в силу ряда обстоятельств. Кроме влияния специфического институционального советского наследия в сфере высшего образования,

сыграла свою роль специфика российского среднего образования и введение ЕГЭ. По утверждению профессора М. Г. Лазара, «высокий балл на ЕГЭ, по мнению учителей и самих школьников, перестает быть показателем знаний выпускников, поскольку ученики «натаскиваются» на определенные вопросы, что лишает их широкого кругозора»⁹. Соответственно, на наш взгляд, снижаются возможности для быстрого включения вчерашних школьников в освоение новых форм получения и освоения знаний в условиях вуза. С учетом того, что на получение профессии в рамках бакалавриата отводится всего четыре года, то получается, что первый курс для большинства студентов является наиболее болезненным и превращается в год адаптации к новым условиям и требованиям.

Еще одна совокупность проблем высшей школы в современной России и различные подходы к их решению обозначились в рамках дискуссии между сторонниками менеджериального подхода к реформированию высшего образования и приверженцами идеологии «медленной науки»¹⁰. Например, авторы коллективной статьи, оценивая реакцию представителей российских вузов на проводимые реформы высшего образования, определяют ее как «алармизм». Изменения в оценках традиционных форм преподавания, введение новых критериев результатов профессиональной деятельности преподавателей вузов и вузов в целом, новые требования внешнего управления вузами вызывают опасения и рефлексивное сопротивление «наступлению неоменеджериального капитализма в сферу университетской и научной автономии... То есть академические профессионалы видят угрозу своей автономии в том числе в части организации своих бюджетов времени и колонизации времени их личной жизни»¹¹. Данная ситуация, по утверждению авторов, не типично российская, а является отражением общемировых тенденций реформирования системы высшего образования и модернизации управления данной системой. Концептуализацией протеста против внедрения неоменеджериального капитализма стала идеология «медленной науки», сформулированная и поддержанная в ряде западноевропейских и американских вузов. Суть аргументов сторонников данной идеологии можно свести к следующему: не все результаты в научной деятельности могут подвергаться квантификации; многие прорывные открытия являются результатом проб и ошибок; менеджирование и администрирование в сфере научной деятельности не стимулируют ее, а лишь осложняют множеством бюрократических требований, регламентов и нагрузок. По мнению авторов, в отечественных вузах перспектива укрепления данной идеологии отсутствует не в последнюю очередь потому, что «может быть неодинаково воспринята в разных сегментах уже сильно дифференцированного академического сообщества»¹².

Как представляется, вопрос этот является дискуссионным в силу ряда обстоятельств, характерных для системы высшего образования в современной России. Не последнюю роль играет, например, тот фактор, что потенциал автономности профессорско-преподавательского состава в российских вузах не высок. По данным ростовских исследователей, уровень доверия внутри вуза очень не высок, «лишь 27% интервьюируемых преподавателей и руководителей вузов будут решать проблему внутри организации с помощью ректора, руководства вуза или профсоюза, подавляющее большинство воспользуется помощью «на стороне» или же вовсе чувствует свою незащищенность, 23% интервьюируемых говорят о том, что не могут обратиться ни к кому»¹³.

Поставленные в условия жесткого административного контроля, преподаватели вузов не имеют возможности донести реальную свою оценку реформы системы высшего образования и отношение к ней, послушно выполняя формальные требования радикальных преобразований в этой сфере. В результате стимулирующий эффект реформы высшего образования измеряется с помощью вводимых количественных показателей, но не затрагивает сущностного ее измерения через призму отношения с ней профессорско-преподавательского состава. Социологические замеры свидетельствуют, что отрицательное отношение большинства вузовских преподавателей к изменениям в сфере высшего образования обусловлено тем, что они «не понимают их направленности и значимости»¹⁴. То есть формализм и бюрократическое начало преобразований выхолащивают их содержательную сущность и лишают тем самым смысла для большинства профессорско-преподавательского состава.

Масштабное расширение бюрократического аппарата в вузах Л. Е. Бляхер и М. Л. Бляхер оценивают как прямое следствие усиления «вертикали власти» в управлении вузами: «Для защиты от внешней администрации создаются различного рода отделы, управления и подразделения, не имеющие прямого отношения к учебному процессу». Численность административного аппарата в исследованных авторами вузах за рассматриваемый ими период (с 2003 по 2011 г.) выросла в 2,7–3,5 раза, причем выросла именно за счет новых подразделений. «Уже в 2008 г. новая вузовская бюрократия превысила по численности традиционную (диспетчерская, учебная часть, отдел кадров и т. д.), а начиная с 2011 г. – и все другие группы работников вузов»¹⁵.

Не подвергая сомнению данные о динамике вузовской бюрократии (в исследованных нами вузах Самары и Саратова ситуация примерно идентичная), вряд ли можно согласиться с тезисом авторов о том, что этот рост есть следствие выстраивания вузами защитного слоя бюрократии, «главная и осознаваемая функция которого – отражение атак со стороны министерства»¹⁶.

Думается, что, кроме фактора возрастания внешнего административного давления на вузы, играют свою роль и внутренние стимулы расширения вузовской бюрократии. Они связаны с тем, что заработная плата представителей административного аппарата вуза реально выведена из сферы традиционных институтов внутривузовского общественного контроля. В результате уровень оплаты вузовских менеджеров значительно превышает средние зарплаты профессорско-преподавательского состава, которые в отчетах для министерства и государственных контролирующих органов представляют собой своего рода «среднюю температуру по больнице».

Соответственно, и оптимизация зарплаты профессорско-преподавательского состава (в рамках реализации майских указов Президента РФ) осуществляется, прежде всего, за счет сокращения ставок преподавателей и «оптимизации» учебного процесса на основе увеличения горловой нагрузки, объединения потоков, уменьшения часов на консультации и индивидуальную работу со студентами. Авторы констатируют: «Поиск средств на новые административные структуры обернулся к настоящему времени сокращением 30% преподавательских ставок при 5–6-процентном сокращении набора»¹⁷. Подобная тенденция сокращения ППС имеет место и в Поволжском регионе на основе реализации вузами «дорожной карты оптимизации штатного расписания».

С проблемой сокращения штатного расписания связана еще одна проблема, которая, с одной стороны, отражает общемировые тенденции, а с другой, конкуренцию между российскими вузами на рынке образования. Суть ее состоит в стратегии повсеместного распространения онлайн-курсов в отечественных вузах, формально объясняемая объективной потребностью в цифровизации учебного процесса в высшей школе. Примечательно, что данная задача приобрела статус государственной стратегии в рамках реформирования системы высшего образования после проблем с государственной аккредитацией в 2017 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге и в 2018 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук¹⁸. Вскоре после этого появилось публичное обращение представителей 50 крупнейших российских вузов к Президенту РФ, в котором они критиковали существующую систему госаккредитации как устаревшую и предлагали перейти к новой, основанной на публичности и проверке «качества обучения совместно с работодателями»¹⁹.

Значительная часть представленной в письме критики деятельности Рособнадзора действительно совпадает с тем мнением, которое широко распространено в вузовских сообществах современной России (формализм, отсутствие четких критериев оценки содержательной работы профессорско-преподавательского состава и многие другие). Однако в тех новациях, которые сформу-

лированы авторами письма, на наш взгляд, наряду с вполне обоснованными и конструктивными содержатся очень противоречивые и неоднозначные предложения, которые могут усугубить и так не очень простое положение региональных вузов России. Суть их сводится к тому, чтобы на основе новых критериев разделить все вузы России на несколько категорий: «...изменение системы государственной аккредитации вузов в направлении создания трёх типов аккредитации – базовой, продвинутой и ведущей, отличающихся отношением к он-лайн лекциям: “Базовый [уровень] будет предполагать, что вуз должен значительную часть курсов реализовать в сетевой форме, когда вместо традиционных лекций будут онлайн-курсы Национальной платформы открытого образования”, т. е. использовать курсы, подготовленные ведущими вузами. Продвинутая аккредитация предполагает, что вуз может все курсы готовить своими силами. А обладатели аккредитации ведущего университета будут иметь её только в том случае, если они обязуются все свои базовые курсы по профильному направлению и значительное число курсов по выбору реализовать в онлайн-форме и сделать доступными для широкой аудитории»²⁰.

В качестве главного аргумента продвижения такой системы высшего образования выдвигается неизбежность перехода к цифровизации процесса обучения в силу непопулярности традиционных лекций и отсутствия должной квалификации профессорско-преподавательского состава многих вузов. То есть повысить качество обучения в них предполагается ресурсами квалифицированных онлайн-курсов ведущих вузов страны. На наш взгляд, такая обобщенная негативная оценка традиционных форм работы со студентами не имеет серьезных и научно обоснованных доказательств. Информация об отдельных оценках и негативных отзывах со стороны студентов в отношении работы конкретных преподавателей в конкретных вузах, как видится, должна ориентировать государство на повышение качества подготовки в аспирантуре, на повышение статуса преподавателей, на совершенствование форм и содержания контроля за учебным процессом (взамен проверки многочисленных бумажных показателей). Распределение вузов по предложенным категориям представляет собой завуалированный способ законодательно обеспечить финансовое и статусное превосходство ряда элитных столичных вузов и еще более подорвать финансовое, материальное, кадровое обеспечение региональных вузов (не смотря на то, что они в большей степени ориентированы на реализацию национальных интересов, а не на показатели процента работы выпускников в других странах).

В целом, анализ литературы показал, что в научном дискурсе доминируют два основных подхода к дальнейшему реформированию системы высшего образования современной России. Общим для них является признание наличия не-

решенных проблем в этой области, связанных с усилением бюрократического начала в государственном управлении, доминированием формализованных оценок деятельности вузов, ослаблением качества обучения студентов. Однако решение данных проблем видится по-разному.

Сторонники либерального подхода выход видят в концентрации ресурсов образовательного процесса в наиболее престижных и высококвалифицированных вузах, которые с помощью технологий цифровизации смогут поднять уровень подготовки специалистов в других отечественных вузах. Осуществление данного реформирования должно основываться на ослаблении государственного бюрократического контроля со стороны государства, продолжении интеграционных процессов в мировое образовательное пространство, повышении автономии вузов и дальнейшем внедрении рыночных начал в систему высшего образования.

Как представляется, более оптимальным является «консервативный» вариант реформирования, сторонники которого акцент делают на необходимости переформатирования функциональности государства в сфере высшего образования на основе дебюрократизации и минимизации формальных показателей, на основе реализации стратегии повышения качества обучения, практико ориентированного на национальные интересы и потребности российской экономики и общества в целом, в том числе и на основе социально-воспитательной функции вузов. Этому должны быть подчинены стратегическая концепция реформы высшей школы, ее финансирование и формы контроля со стороны государства.

Примечания

- ¹ Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 23.03.2018. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/34254/> (дата обращения: 17.02.2020).
- ² Там же.
- ³ Тощенко Ж. Т. Высшее образование на перепутье : куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 404—405.

- ⁴ Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Мифология управления. Политика министерства vs. политика вузов : динамика противостояния // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1 (72). С. 34.
- ⁵ Там же. С. 36—37.
- ⁶ См.: Шестов Н. И. Качество политического исследования : проблема критериев оценки // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 308—313. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-308-313
- ⁷ Вилков А. А. К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 69. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70
- ⁸ См.: Корякин К. В., Макаренко Е. М. Проблемы реализации Болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // Учен. зап. ЗабГУ. Сер. Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2017. Т. 12, № 6. С. 168. DOI: 10.21209/2308-8796-2017-12-6-167-173
- ⁹ Лазар М. Г. Воздействие реформы высшего образования России на будущие кадры науки // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 1. С. 48.
- ¹⁰ См.: Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Академическая профессия и идеология «медленной науки» // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С. 62—70.
- ¹¹ Там же. С. 63.
- ¹² Там же. С. 68.
- ¹³ Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Реформы в сфере высшего образования : роль институтов и социального капитала // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8, № 2. С. 98. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.087-104
- ¹⁴ Там же. С. 100.
- ¹⁵ Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁶ Там же. С. 40.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Литвак Н. В. Новая реформа отечественного высшего образования : «цифровизация» и профессура // Наука. Культура. Общество. 2018. № 2—3. С. 157.
- ¹⁹ Университеты хотят новых оценок. В Рособназоре не намерены менять правила регламентации высшего образования. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674951> (дата обращения: 21.02.2020).
- ²⁰ Литвак Н. В. Указ. соч. С. 158.

Образец для цитирования:

Лаптева Н. В. Проблематика реформирования высшего образования в научном дискурсе современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 219—223. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>

Cite this article as:

Lapteva N. V. The Issue of Reforming Higher Education within the Scholarly Discourse of Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 219—223 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-219-223>

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 316.7+323

Феномен национализма в полиэтничной среде

Н. С. Толкунов

Толкунов Никита Сергеевич, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, niktolkunov@gmail.com

В статье рассматривается феномен национализма в полиэтничной среде с точки зрения различных подходов. Обосновывается идея о том, что в современных полиэтничных государствах принято выделять гражданский национализм и этнический национализм. Выделяются главные причины всплеска национализма в разные исторические периоды, основные теоретико-методологические подходы, объясняющие природу национализма. Отмечается, что в современных условиях этничность становится средством политической мобилизации в форме национализма, актуализируется роль СМИ в конструировании межэтнических отношений. Делается вывод о том, что базисом этнополитики в полиэтничных государствах должна стать практика гражданского национализма.

Ключевые слова: национализм, этнополитика, полиэтничная среда, гражданская нация, этничность.

Поступила в редакцию: 25.02.2020 / Принята: 05.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Phenomenon of Nationalism in a Multi-Ethnic Environment

N. S. Tolkunov

Nikita S. Tolkunov, <https://orcid.org/0000-0003-0440-5737>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, niktolkunov@gmail.com

The article considers the phenomenon of nationalism in a multi-ethnic environment from the point of view of various approaches. The idea is substantiated that in modern multi-ethnic states it is customary to single out civic nationalism and ethnic nationalism. The main causes of the surge of nationalism in different historical periods, the main theoretical and methodological approaches that explain the nature of nationalism are highlighted. It is noted that in modern conditions ethnicity is becoming a means of political mobilization in the form of nationalism, the role of the media in constructing interethnic relations is being actualized. It is concluded that the basis of ethno-politics in multi-ethnic states should be the practice of civil nationalism.

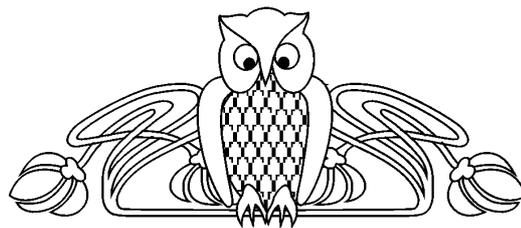
Keywords: nationalism, ethno-politics, multi-ethnic environment, civil nation, ethnicity.

Received: 25.02.2020 / Accepted: 05.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-224-227>

© Толкунов Н. С., 2020

Каждое общество на определенном этапе своего развития сталкивается с проблемой формирования национальной идентичности. Вследствие этого начинает обращать на себя внимание феномен национализма, отношение к которому как в научной среде, так и в СМИ довольно противоречиво. В российской науке термин «национализм» интерпретируется в различном контексте, однако чаще всего под национализмом понимается стремление к признанию собственной нации, имеющей отличительные черты по сравнению с другими.

В западной науке под национализмом понимается идеология, основанная на уверенности в том, что народ, имеющий общие характеристики языка, религии и этнической принадлежности, представляет собой своеобразную политическую общность¹.

Подобные различия можно объяснить различным историческим, социально-экономическим, культурно-цивилизационным контекстом, в рамках которого формировалось то или иное государство. Однако на сегодняшний день как отечественные, так и западные специалисты склонны выделять национализм гражданский и национализм этнический.

Гражданская форма национализма рассматривается как идеология и практика по созданию единого национального государства. В рамках этнического национализма необходимо совпадение политических и этнических границ, а также контроль над культурным пространством. Поэтому сегодня этнонационализм в полиэтничных государствах встречается как культурный, так и политический. Таким образом, гражданский национализм предполагает реформативное общество, при котором этническая структура должна соответствовать политической. Этнический национализм, наоборот, старается трансформировать политические структуры так, чтобы они соответствовали этническим границам².

В данном случае необходимо отметить Э. Геллнера, который под национализмом понимал следующее: «...национализм – это теория политической законности, которая требует, чтобы этнические границы не выходили за политические и чтобы этнические границы внутри определенного государства не отделяли бы держателей власти от остального населения»³. В некоторых случаях требования совпадения обо-

значенных границ могут носить всеобъемлющий характер, включая все сферы общества.

Кроме этого, исследователи выделяют либеральный (толерантный) и интегральный (экстремистский) национализм. Эта классификация основывается на средствах для достижения политических либо этническими антрепренерами своих целей. Стоит отметить, что в рамках российской науки исследование первого вида национализма уступает изучению второго. По нашему мнению, это объясняется политической целесообразностью, когда сначала внимания удостоивается то, что может привести к потере территориальной целостности государства.

Чрезвычайно важным является момент правильной идентификации любого полиэтничного общества на предмет его закрытости и открытости. Национализм в рамках закрытого общества апеллирует к общей крови, расе, компактной территории проживания, а в рамках открытого – этническая основа уже не является главным условием для осознания того, что общество является единым целым⁴.

Достаточно часто научное сообщество проводит разделение национализма на «западный» и «восточный» типы. В рамках данной концепции «западный» национализм понимается как либеральный, который основывается на рациональном, свободном выборе и лояльности граждан нации, а «восточный» базируется на культурной основе и наделяет национализм органическими и иррациональными чертами, основанными на принципе преданности этносу⁵. На наш взгляд, сегодня не стоит отдавать предпочтение ни одному из них, поскольку в разные исторические периоды, на разных территориях компоненты данных моделей могут взаимопроникать друг в друга.

С точки зрения исторического подхода можно утверждать, что всплеск националистических настроений обусловлен процессами индустриализации, развитием капитализма и, как следствие, неравномерным распределением материальных благ.

Но уже в начале XXI в. У. Альтерматт стал выделять две основные причины современного всплеска национализма в Европе. Первая из них заключается в том, что национализм как идеология выполняет компенсаторную функцию в условиях секуляризованного общества, а вторая обращает внимание на процессы модернизации, несущие с собой ускорение развития поликультурности общества⁶. Данный вывод У. Альтерматта касался процессов, происходящих в Западной Европе, однако он является актуальным и для российской действительности.

Э. Геллнер также отмечал связь развития национализма с модернизационными процессами в обществе. На его взгляд, в условиях модернизации представители малых этнических общностей могут освоить базовые элементы господствующей культуры, но в то же время этого будет недостаточно, так как представления людей о себе будут

все еще отличаться от нормативной модели этой культуры. Религиозные различия могут помешать этнической общности включиться в стандартизированную культуру модернизирующегося общества. Вследствие этого могут получить развитие обратные процессы, связанные со стремлением к альтернативным гражданской идентичности формам проявления национализма⁷.

На наш взгляд, наличие исторического, социально-экономического подходов сегодня может помочь в исследовании феномена национализма не только в отдельных государствах, но и в рамках отдельных регионов внутри государства⁸. Исходя из данных подходов, готовность общества поддерживать идеи элит по строительству национального государства будет зависеть от политической структуры государства, уровня экономического развития, социально-культурной специфики в отдельных регионах и всем государстве в целом, развитости чувства гражданства, степени осознания единства в рамках полиэтничного общества⁹.

Исходя из того, что национализм по своей природе достаточно инструментален, ситуативен и пластичен, нам следует рассмотреть три теоретико-методологических подхода, объясняющих природу национализма: примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский.

Если в рамках классического примордиализма этническая составляющая национализма мыслится как нечто приобретенное с момента рождения, то модифицированный примордиализм объясняет появление национализма с момента мобилизации культурных структур этнической идентичности, когда она приобретает политическое содержание¹⁰. Э. Смит в качестве социальной базы национализма рассматривал средние слои общества, поскольку они являются основными носителями этнической культуры. Помимо этого, он не отрицал роли интеллигенции, которая, манипулируя символами из исторического прошлого, способна мобилизовать этнические общности. Таким образом, не примордиалисты во многом стали близки к конструктивистам и инструменталистам. Главное отличие заключается в том, что они подчеркивают объективность этнических процессов, на которых основывается социальная конструкция.

Согласно конструктивистскому направлению, нации и национализм – результат искусственного конструирования. Используя ресурсы системы образования, СМИ, армии, элиты стараются построить основу для национального государства, которое будет противопоставлять себя всему, что окружает его. Согласно позиции Э. Хобсбаума, элитам выгодно использование национализма в тех случаях, когда страна переживает социально-экономические потрясения, и они ищут источник дополнительной легитимации власти. Благодаря национализму возможно перевести всю энергию недовольства граждан с представителей элит на представителей других национальностей. В некоторых случаях они объ-

являются одними из главных виновников внутренних и внешних политических, социально-экономических неудач государства¹¹.

В основе инструменталистского подхода лежит понимание множественности и ситуативности групповых идентичностей. Человеческая сущность достаточно многогранна, состоит из нескольких идентичностей, поэтому в зависимости от ситуации человек выбирает ту, которая больше всего будет способствовать достижению его целей. В связи с этим не имеет смысла искать в индивидуальных идентичностях какой-либо смысл и распространять его на все общество. Человек действует согласно развитию конкретной ситуации, а не соотносит свое поведение с абстрактными интересами всей нации¹².

Отмечая тот факт, что этнические общности все чаще рассматриваются в качестве средства достижений привилегий в виде власти, богатства, престижа, мы склонны согласиться с утверждением о том, что большая доля фактов национального возрождения носит «инструментальный» характер. Начиная с 80-х гг. XX в. исследователи отводят национализму роль удовлетворения экономических и политических интересов¹³.

В современных условиях этничность становится средством политической мобилизации в форме национализма. Учитывая, что в большинстве случаев в основе национализма лежат этнические интересы, мы должны ввести понятие «этнонационализм». Этнонационализм институционализируется в государственной, политической, религиозной, экономической, правовой, культурной, языковой формах. Крайней формой проявления этнонационализма являются нацизм, апартеид, геноцид, которые запрещены международным правом. В неинституционализированных формах этнонационализм проявляется в быту, когда люди целенаправленно используют термины, которые могут оскорбить представителей той или иной этнической общности.

Снова стоит обратить внимание на то, что по своей природе этничность и этническое сознание политически нейтральны. Они приобретают политическую направленность под воздействием политических антрепренеров. Однако последствия данного воздействия всегда достаточно сложно прогнозировать, поскольку многое зависит от политической и культурной ориентации конкретной этнической группы, их интересов в рамках государственного пространства.

Важно сказать о том, что с развитием института СМИ, информационно-коммуникационных каналов в современных условиях процесс политизации этничности с возможностью конструирования, деконструирования тех или иных концепций становится сложно прогнозируемым.

Чем опасен национализм в сфере политических отношений? Он опасен своей формой деструктивной мобилизации политических отношений – отношений, которые составляют основу

любой политической организации, базирующейся на понятии гражданства. Сторонники подобной мобилизации предлагают вернуться «к истокам естественного общества», начать этнические чистки, депортировать всех неугодных¹⁴. Именно поэтому концептуальное решение проблемы национализма видится нам только в рамках гражданского понимания нации и либеральной трактовки решения национальной проблемы.

Базисом этнополитики в полиэтничных государствах должна стать практика гражданского национализма. Эта конструкция базируется на формировании гражданской нации как полиэтничной нации, формировании представлений о гражданственности, лояльном отношении этнических групп к государству. Чрезвычайно важно, чтобы в современных условиях развития национализм стал катализатором внутренней консолидации общества, способствовал процессам политической, социально-экономической, культурной модернизации общества. По этой причине именно от поведения элит и этнических антрепренеров, их интересов и устремлений зависит направленность процесса нациестроительства в полиэтничных государствах, а также то, в каком качестве национализм будет преобладать в том или ином государстве. Кроме того, необходимо отметить социальную и культурную составляющие национализма. Если этому вопросу не уделять достаточного внимания, это может привести к образованию социальной проблемы. Все вышеописанное актуально для Российской Федерации по причине ее полиэтничности.

Как уже говорилось, СМИ играют важную роль в актуализации, а иногда и в прямом конструировании проблем межэтнических отношений. Средства массовой коммуникации не только транслируют информацию, но и формируют общественное мнение, определяя содержание повестки дня.

Не менее актуальным является применение комплексных PR-технологий на уровне всех органов власти. На наш взгляд, это способствовало бы решению важных задач в сфере межэтнических отношений. На данный момент наблюдается нехватка исследований, направленных на раскрытие смысла, принципов и методов применения PR-технологий в этнополитике. Кроме этого, не совсем четко определены субъекты, которые должны бы стать акторами при применении таких технологий.

В данной работе акцент сделан на этнических группах, однако при применении комплексных PR-технологий стоит учитывать и другие социальные группы – профессиональные, социокультурные, психологические и др. Все это в перспективе должно способствовать установлению благоприятного социального фона для становления единой гражданской нации.

Итак, национализм в полиэтничном обществе как социальное явление есть не только объективная реальность, но и продукт социальной

практики, и прежде всего риторики, а национализм как социальная проблема – это сложно-структурированное и многоаспектное отражение социальной действительности, понимаемое как принцип или требование-действие, предполагающее совпадение этнических (национальных), политических, экономических, духовных, примордиальных и иных факторов.

Таким образом, для преодоления социальных проблем в рамках межэтнического взаимодействия необходимо наличие отношений взаимного доверия между всеми субъектами социальных отношений. Сегодня многие полиэтничные государства делают шаги в данном направлении. Благодаря этому в современном информационном пространстве стали популярными такие категории, как консенсус, методология решения проблем, способы урегулирования конфликтов. Приходит понимание того, что общество состоит из переплетенных сетей доверия между гражданами, семьями, общественными организациями¹⁵. Их прочность зависит от характера межэтнических отношений в конкретный период времени, от тех форм, в которых находит свое отражение национализм не только в каждом государстве, но и отдельно взятом регионе внутри государства. Основные политические акторы, а также этнические антрепренеры должны понимать, что проявление националистических установок возможно в нескольких случаях: во-первых, при угрозе утраты самобытности, когда велика возможность «растворения» этнической общности; во-вторых, при процессах агрессивной консолидации самой нации, что можно наблюдать на примере стран Балтии; в-третьих, в случае утраты психологического равновесия, когда разрушается привычная система ценностей и общность находится в состоянии «оскорбленности».

Чувство принадлежности человека к той или иной группе, в данном случае этнической, является естественным и неискоренимым. Однако в полиэтничных обществах это не должно приобретать гипертрофированные формы, когда под угрозу ставится целостность всего государства. Национальное отделено от националистического достаточно условными гранями. В связи с этим важно, чтобы при реализации этнополитики политическое руководство государства учитывало политические, социально-экономические, культурно-цивилизационные реалии каждого региона.

Примечания

- 1 См.: Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. Н. Аберкромби, С. Хилла, Б. Тернера. М., 2004. С. 281.
- 2 См.: Snyder J. Nationalism and the Crisis of the Post-Soviet State // Survival. 1993. Vol. 35, № 1. P. 10–12.
- 3 Цит. по: Абдулатипов Р. Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М., 2005. С. 41.
- 4 См.: Доган М. Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе : динамика взглядов поколений // Междунар. журн. социал. наук. 1993. № 3. С. 3.
- 5 См.: Савинов Л. В. Общество и этнополитика : специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе. Новосибирск, 2005. С. 58–59.
- 6 См.: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе : пер. с нем. М., 2000. С. 15–16.
- 7 См.: Геллнер Э. Нации и национализм : пер. с англ. / ред. и предисл. И. И. Крупника. М., 1991. С. 132.
- 8 См.: Вилков А. А., Калинин В. А. Особенности восприятия национализма на региональном уровне (по материалам эмпирических исследований в Саратовской области) // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 2. С. 140–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.14>
- 9 См.: Дробижева Л. М. Постперестроечный национализм : различия в понимании и уроки // Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 21.
- 10 См.: Смит Э. Национализм и модернизм : критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.
- 11 См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года : пер. с англ. СПб., 1998. С. 320.
- 12 См.: Савинов Л. В. Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского федерального округа) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 85–86.
- 13 См.: Smith A. History and Liberty : Dilemmas of Loyalty in Modern Democracies // Ethnic and Racial Studies. 1986. Vol. 9, № 1. P. 46.
- 14 См.: Дьекофф А., Жафрело К. От государства-нации к постнационализму? // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы : взгляды американских и французских исследователей : пер. с англ. и фр. / под ред. М. Лебедевой, П. Цыганкова. М., 2001. С. 163.
- 15 См.: Стигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М., 2002. С. 8.

Образец для цитирования:

Толкунов Н. С. Феномен национализма в полиэтничной среде // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 224–227. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-224-227>

Cite this article as:

Tolkunov N. S. The Phenomenon of Nationalism in a Multi-Ethnic Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 224–227 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-224-227>

УДК 323.2:004

The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow

M. Malfait

Milka Malfait, <https://orcid.org/0000-0002-7438-4700>, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia, milkamalfait@gmail.com (Affiliation changed at the request of the author 29.04.2021).

This article demonstrates the flaws of EU intelligence agencies the past decade in the field of counterterrorism, in particular regarding Jihadi terrorism. Since 2014 the West European countries fell victim to the violent actions of Islamic State (IS), which has a huge presence on social media, both on the surface web and on the Darknet. The goal is to outline the most important case-studies of Jihadi terrorism that were plotted and carried out by the terrorists and yet, not prevented by the classical intelligence authorities. A political analysis will explain why these attacks have not been thwarted despite the fact that most of the attackers were on the radar of the EU police and intelligence agencies. Recommendations are given how intelligence work on fighting radical Islamic terrorism can be done more efficiently, through Artificial Intelligence (AI). Artificial Intelligence is a game changer for risk management in intelligence as it provides the classical intelligence agencies with tools and AI solutions to identify and mitigate potential risks and prevent Jihadi terrorist attacks from the very first moment individuals start radicalizing.

Keywords: EU, Jihadi terrorism, intelligence, Artificial Intelligence, social media, risk management, private sector.

Received: 30.01.2020 / Accepted: 06.03.2020 / Published: 01.06.2020

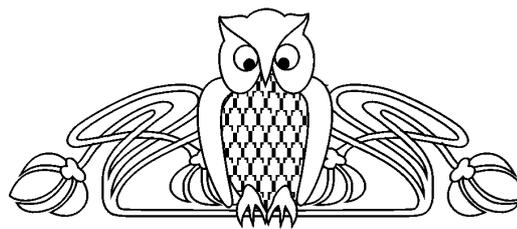
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Разведывательные службы ЕС: проблемы информационной перегрузки

М. Малфет

Малфет Милка, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, milkamalfait@gmail.com (Аффилиация изменена по просьбе автора 29.04.2021).

Эта статья демонстрирует недостатки спецслужб ЕС за последнее десятилетие в области борьбы с терроризмом, в частности, в отношении джихадистского терроризма. С 2014 г. западноевропейские страны стали жертвами насильственных действий Исламского государства (ИГ), которое имеет огромное присутствие в социальных сетях, как в поверхностной паутине, так и в Даркнете. Цель работы – очертить наиболее важные случаи джихадистского терроризма, которые были задуманы и осуществлены террористами и которые, тем не менее, не были предотвращены классическими разведывательными органами. Политический анализ объяснит, почему эти атаки не были предотвращены, несмотря на то, что большинство нападавших были на радаре полиции и разведывательных служб ЕС. Даются рекомендации

о том, как разведывательная деятельность по борьбе с радикализированным терроризмом может быть более эффективной с помощью искусственного интеллекта (ИИ). Искусственный интеллект – это игра, меняющая ситуацию в области управления рисками в разведке, поскольку он предоставляет классическим разведывательным службам инструменты и решения ИИ для выявления и снижения потенциальных рисков и предотвращения террористических атак джихадистов с самого начала, когда отдельные лица начинают радикализировать свою деятельность.

Ключевые слова: ЕС, джихадистский терроризм, разведка, искусственный интеллект, социальные сети, управление рисками, частный сектор.

Поступила в редакцию: 30.01.2020 / Принята: 06.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-228-235>

Introduction

Special attention is paid to the flaws and successes of EU crime prevention and thwarting Jihadi terror attacks. Fourteen case-studies of extremist terrorism in Western Europe proved that the national authorities of nearly all West European countries were unable to prevent all these massacres. The author also emphasizes the fact that despite many of these attackers were known to the police and intelligence services in the EU, the attacks could have been prevented. The problem that presented itself was the cognitive overflow of information that data analysts were not able to cope with, day after day. These failures can be overcome and compensated by the private security and surveillance industry, which shows a lot of successes. Instead circling around bulk data meta data is used and on top of it, with the help of revolutionary software, filters are used that reveal the most useful information and filter out the most useless data to detect radicalizing individuals. The risk management strategy of private AI companies is about better and more targeted data. In the EU there is currently a strong interdependency between the governmental and private sector in counterterrorism as a result of all the threats that plagued West European countries as well as all the innocent victims that fell. Concrete this means that today efforts are being made in the EU by the government and corporate world to establish better risk analysis and risk evaluation based on software that charts the OSINT of social media networks of radicalizing individuals

White swans in Islamic terrorism

In the aftermath of 9/11, and especially since 2014 all of Europe has come into the focus of transnational radical Islamic terrorism. The peak occurred in 2015–2016 [1, p. 114]. An overview on the most salient cases of terrorism proves this. As for many of the terror attacks which happened the past two decades, it can be concluded there were no real ‘black swans’. According to Rice, Black swans are major events we never see coming [2]. It are hard-to-predict, and rare events that are beyond the realm of normal expectations in history, science, finance, and technology. Many of those terrorists were on the radar of the agencies, especially those related to the most recent attacks in Western Europe – with the exception of the Madrid bombings in 2004 and the assassinations of two Dutch politicians in 2002 and 2004, which occurred before 2014 when IS – a notable user of social media – gained global prominence. The truth is that the intelligence agencies actually could have known this would happen (see *infra*). Those terror attacks were in fact ‘white swans’.

In Spain, the Madrid railway explosions of 11 March 2004 killed 193 people and injured around 2,000. Many of the perpetrators were of Maghrebian origin. The bombings are the deadliest terror attacks in Spain’s history. As if this was not enough for Spain, on 17 August 2017, Younes Abouyaaqoub – who was born in Morocco – drove a van into pedestrians on La Rambla in Barcelona, killing 13 people and injuring at least 130 others, one of whom died 10 days later. Abouyaaqoub fled the attack on foot, then killed another person in order to steal the victim’s car to make his escape. Nine hours after the Barcelona attack, five men thought to be members of the same terrorist cell drove into pedestrians in nearby Cambrils, killing one woman and injuring six others. All five of those attackers were shot and killed by police. The night before the Barcelona attack, an explosion occurred in a house in the Spanish town of Alcanar, destroying the building and killing two members of the terrorist cell, including the 40-year-old imam thought to be the mastermind. This attack was qualified as a jihadist attack by the Spanish authorities. Later responsibility for the attack was attributed to IS. Abouyaaqoub was later killed by police on 21 August 2017.

After 9/11, the Netherlands experienced on 6 May 2002 also a shock of its own: the murder of Pim Fortuyn, a Dutch politician, was assassinated by the Dutchman Volkert van der Graaf in Hilversum, nine days before the Dutch general election of 2002. He prompted controversy in the eyes of his assassin with his views on multiculturalism, immigration and Islam in the Netherlands. Another wake-up call on terrorism followed two years later on 2 November 2004 with the assassination of Dutch film producer Theo van Gogh. Mohammed Bouyeri, a Moroccan-Dutchman, shot van Gogh in the stomach. After van Gogh staggered to the other side of

the street, Bouyeri shot him several more times and slashed his throat with a curved machete. Bouyeri then pulled a smaller knife from his bag that he used to pin a letter to the body of van Gogh. The letter was addressed to Ayaan Hirsi Ali who, together with van Gogh, produced the movie ‘Submission’, criticizing the abuse of women under Islam [3, p. 286].

The UK, also a breeding ground for radicalization, remained not spared. The 7 July 2005 London bombings [4, p. 50], were a series of coordinated Islamic terrorist suicide attacks that targeted commuters travelling on the city’s public transport system during the morning rush hour. Apart from the bombers, 52 UK residents of 18 different nationalities, were killed, and more than 700 were injured in the attacks, making it Britain’s deadliest terrorist incident since the 1988 bombing of Pan Am Flight 103 near Lockerbie, Scotland, and England’s deadliest since World War II, as well as the country’s first Islamist suicide attack. Three of the bombers were British-born sons of Pakistani immigrants; one was a convert born in Jamaica. A suicide bombing attack took place in Manchester Arena, United Kingdom on 22 May 2017. A radical Islamist detonated a homemade bomb as people were leaving the Manchester Arena following a concert by the American singer Ariana Grande. 23 people died, including the attacker, and 139 were wounded, more than half of them children. Several hundred more suffered psychological trauma. The bomber was Salman Ramadan Abedi, a 22-year-old local man of Libyan ancestry.

France was also seriously hit by Jihadi terrorism, maybe the most of all. On 7 January 2015 the Charlie Hebdo shootings were done by two French brothers from Algerian origin: Saïd and Chérif Kouachi. Armed with rifles and other weapons, they killed 12 people and injured 11 others. The gunmen identified themselves as belonging to the Islamic terrorist group Al-Qaeda in the Arabian Peninsula, which took responsibility for the attack. Several related attacks followed in the Île-de-France region on 7–9 January 2015, including the Hypercacher kosher supermarket siege where a terrorist, named Amedy Coulibaly held 19 hostages, of whom he murdered 4 Jewish people. This perpetrator of Malian-French nationality was close friends with Saïd and Chérif Kouachi from the Charlie Hebdo shootings. On 21 August 2015, a Thalys Train was on its way from Amsterdam to Paris, crossed the Belgium border to France and a Moroccan man Ayoub El Khazzan, who boarded in Brussels, opened fire. In May 2015, some months before the Thalys train attack, the Belgian intelligence service received an information request from its Spanish counterpart about a young Moroccan who was already ‘flagged’ to the Belgian Intelligence service in October 2012. The message was one out of the 22,000 the security services received in 2015 and had no urgency notification. No further action was undertaken. On August 17, the Spanish sent the request to identify three mobile numbers in

connection with the target's case. The Belgian Intelligence replied with those identifications on August 22, a day after the subject in question was overtaken while attacking passengers in the train. Being on the radar of two intelligence services, the fact that the terrorist was able to move undetected, had a lot to do with the fact that the urgency was not taken into account [5, p. 8]. The Bataclan attacks in Paris on 13 November 2015 were planned in Syria and executed from Belgian soil [6, p. 928]. The attackers killed 130 people, including 90 at the Bataclan theatre. Another 413 people were injured, almost 100 seriously. Most of the Paris attackers had French or Belgian citizenship such as Brahim Abdeslam and Bilal Hadfi, two other perpetrators were Iraqis, and some had fought in Syria. Some of them had entered Europe among the flow of migrants and refugees. The mastermind of the attacks Abdelhamid Abaaoud was a Belgian-Moroccan Islamic militant who had spent time in Syria. The Abdeslam brothers would later be linked to the Brussels bombings in 2016. Another interesting fact is that there have been early warnings concerning these attacks. In 2009 there was a terror attack in Cairo and the Bataclan was mentioned. In the summer of 2015, some months before the attacks, the threat against rock concert halls comes up, due to a detained Syriafighter who informed the French authorities he has been given orders to carry out an attack on a rock concert hall by the very same person that would be the mastermind of the Bataclan attacks just some months later. The ringleader was clearly recruiting. He was seeking for someone 'physically and mentally' capable to execute the attack. Because his connection refused, the mastermind took later the initiative. According to a French parliamentary committee there was no connection between the 2009 and 2015 warnings. The Bataclan attacks also happened despite the heightened state of alert due to warnings coming from several foreign intelligence agencies. On the evening of 14 July 2016, a 19-tonne cargo truck was deliberately driven into crowds of people celebrating Bastille Day on the Promenade des Anglais in Nice, resulting in the deaths of 86 people and the injury of 458 others. The driver was Mohamed Lahouaiej-Bouhlel, a Tunisian resident of France. The attack ended following an exchange of gunfire, during which Lahouaiej-Bouhlel was shot and killed by police. IS claimed responsibility for the attack. The south of France is a stronghold of Islamist militancy. From a Jihadi point of view, Nice was the most perfect attack with worldwide media coverage. The terrorists used the city of Nice for a 'PR stunt'. Among the 86 victims, there were more than a dozen nationalities. It was a media scoop of high level publicity, with a maximum of 'resonance'. The terrorists also wanted to oppose themselves against 'the French nationality' on the French National holiday. On 26 July 2016, only two days after the massacre of Nice, two 19-year-old Islamist terrorists, Adel Kermiche and Abdel Malik Petitjean, were perfectly able to at-

tack unhindered participants in a Mass at a Catholic church in Saint-Étienne-du-Rouvray in Normandy, northern France. Wielding knives and wearing fake explosive belts, the men took six people captive and later killed a 85-year-old priest Jacques Hamel, by slitting his throat, and also critically wounded an 86-year-old man. The terrorists were shot dead by the police as they tried to leave the church. The attackers had pledged allegiance to IS which claimed responsibility for the attack

The Charlie Hebdo shootings, the failed attack on a Thalys train and the Bataclan attacks also compelled the Belgian government to seriously commit to national security. There were indications of a similar danger brewing on Belgian territory. A large-scale anti-terror raid was set up in the town of Verriers and rolled up a terrorist cell. Within hours of the Bataclan attacks it became clear that the terrorist's base of operations was a municipality on the outskirts of Brussels, Sint-Jans-Molenbeek [7, p. 478]. It was only a matter of time until some evil would slip through the mazes of the net. Later, the country itself fell victim to terrorist attacks on 22 March 2016 [7, p. 465]. The perpetrators involved in the November 2015 attacks in Paris were based in Molenbeek, and Brussels went into lockdown for five days from 21 to 26 November to allow the police to search for suspects. According to the Belgian authorities the 'European bubble' in Brussels as well as the Rue du la Loi and the Avenue Louise were already mentioned in the November-lockdown as potential targets, all of them places where there is a huge concentration of Belgian government officials, European politicians and expats working and living. According a former Eurojust officer, in 2016 a Joint Investigation Team (JIT) was set up between the French and Belgian agencies. Based on information gained from several raids in Brussels, the police were able to arrest on 18 March 2016, 4 days before the bombings, Salah Abdeslam, a suspected accomplice of the Paris attack. Those anti-terrorist raids killed another suspect and injured two others. Though the effective combined efforts of the French and Belgian services led to a quick and much-needed victory, it would prove to be a very short one. Four days later, the Bakraoui siblings conducted two coordinated attacks, the first in the departure hall of Brussels airport and shortly afterwards on a carriage of the metroline to the EU quarter of the city. Casualties went up to 32 dead and over 700 wounded [6, p. 940]. Their names had already been flagged in connection to the Paris attacks by the JIT. Also during his interrogation, four days earlier, Abdeslam was presented with photographs of the Bakraoui siblings. How could indications of an obviously carefully coordinated attack have been missed? Among the disconnects were the faulty follow-up on these convicted criminals by the correctional services; the failure to communicate information about the Molenbeek hide-out address which turned out to have been in the possession of the Malines police in Bel-

gium as early as three weeks later after the bloodbath in Paris – but was not shared [7, p. 479] and the fact that one of the Brussels attackers was arrested by the Turkish authorities attempting to cross into Syria in June 2015. Notification reached Belgian police only after he had been deported, while judicial authorities separately issued an arrest warrant, long after the bird had flown [6, p. 942]. The other airport bomber, who escaped and was apprehended in April 2016, had appeared on MI5's radar. Only post factum the pieces were put together. Belgian investigators believe that Abdeslam's arrest may have hastened the Brussels bombings. These were all completed, non-thwarted attacks and in many of the cases JITs were established between the French and Belgian authorities. According to the Belgian Interior Ministry authorities knew of preparations for an extremist act in Europe, but they underestimated the scale of the attack. A New York Times article noted how a list containing the names of the terrorists has been sent to the mayor of Molenbeek a month before the attacks [7, p. 479]. Interesting fact is that this particular mayor could stay in power by votes from radicalized individuals, their families and clans living in Molenbeek. It is clear Belgium became a breeding ground for radicalized Islamic terrorism, but these were not the only terrorist cell active on Belgian territory: In the end of 2007 there were Al Qaida's exhortations to attack the countries that were part of the military intervention in Afghanistan. Investigation services in Belgium had indications for a possible terrorist plot to be organized on the Brussels Grand Place [6, p. 933]. In May 2014, a gunman and Syriafighter named Mehdi Nemmouche attacked the Jewish Museum of Belgium in Brussels, killing four people [6, p. 937]. The extremist imams and groups such as Sharia4Belgium were declared as a terrorist organization by the correctional tribunal of Antwerp in February 2015 [5, p. 6]. In Belgium, a point of concern are the activities conducted at mosques and the potential for prison radicalization. As an illustration some 600,000 Muslims – largely of Moroccan or Turkish origins – live in Belgium out of a population of about 11 million and attend slightly over 300 mosques [5, p. 6], while Belgium, a highly civilized West European country that mainly has or better 'had' the Christian civilization as cornerstone of its society, counts 4296 Catholic churches [8]. Relatively this is a great percentage of Islam infiltration in a small Catholic country. Out of this 'percentage' there will always be a very small amount radicalize and precisely these individuals form a threat for the indigenous citizens. According to a Flemish Minister, the religion Islam in itself is not the primary problem, it is a secondary one, yet the problem is that Islam is often used and abused by extremists.

Although Sweden is miles away from the nerve centre of IS in the Levant, it has also been proven that terrorism does not respect borders and even penetrated Scandinavia. The 2017 Stockholm truck attack was an Islamist terrorist attack which took

place on 7 April of that year in central Stockholm. A hijacked truck was deliberately driven into crowds along Drottninggatan – one of the busiest shopping streets of Stockholm – before being crashed into an Åhléns department store. Five people were killed including an eleven-year-old girl and 14 others were seriously injured [9, p. 1]. The perpetrator was Rakhmat Akilov, a 39-year-old rejected asylum seeker and a citizen of Uzbekistan, who was apprehended several hours later. He had sworn allegiance to IS in a self-recorded video the day before the attack, and Uzbek authorities said he had allegedly joined the group. Akilov was convicted of murder and terrorist crimes, and sentenced to life in prison and, if released, deportation to Uzbekistan and lifetime expulsion from Sweden.

Also, Germany, the country that is coming off worst of the EU migration crisis, has experienced the darksides of the *Wir schaffen das*-policy [10, p. 1]. On 18 July 2016, Afghan refugee Riaz Khan Ahmadzai attacked and injured four people, two critically, on a train near Würzburg in Germany [11]. A fifth person was injured outside. The attacker was a 17-year-old asylum seeker, armed with a knife and hatchet. Germany marked it a terrorist attack with an Islamist religious motive. On 24 July 2016, only a week later, fifteen people were injured, four seriously, in a suicide bombing outside a wine bar in Ansbach, Germany. The bomber, identified as Mohammad Daleel, was a 27-year-old Syrian refugee who had pledged allegiance to Abu Bakr al-Baghdadi, leader IS. He was the only fatality in the incident. According to German authorities, Daleel was in contact with IS and had been planning more attacks before his backpack bomb exploded accidentally. On 19 December 2016, a truck was deliberately driven into the Christmas market next to the Kaiser Wilhelm Memorial Church at Breitscheidplatz in Berlin, leaving 12 people dead and 56 others injured. The perpetrator was Anis Amri, a Tunisian failed asylum seeker. The attacker has been known by the police as a radicalized individual. He was on the radar of other EU intelligence agencies too. Knowing that the German authorities were informed by the Moroccan agencies that he wanted to plot an attack, the attack still happened. Four days later he was by accident detected in a station in Milan, shot a police agent and was shot in return. Coincidence and luck. Do we have to rely on this for counterterrorism?

Better risk management through AI: a solution?

London, Boston, Paris, San-Bernardino, Brussels, Orlando, Nice, Würzburg, Ansbach, St. Etienne-du-Rouvray, London, Stockholm, Manchester. Fourteen terror attacks. The background of these attackers were quite diverse, but there seemed to be a pattern: at each attack at least one of the terrorists was known to the police, in each attack the perpetrators were part of a network, in each attack the terrorists were communicating electronically

with each other, in each of the attacks there was a digital footprint indicating radicalization, months and sometimes even days before the attacks. How can it be that despite all these traces and evidence, the intelligence had no idea that these attacks were being plotted? What kind of information and programs need intelligence services to protect us from the most dangerous attacks? According to Edward Snowden, *when we look at the Boston Marathon Bombings on 15 April 2013, which was during the height of American mass surveillance, it is clear that these surveillance programs did not stop the attack, even though the US has been specifically warned by foreign intelligence services that these individuals, the Chechen Kyrgyzstani-American brothers Dzhokhar Tsarnaev and Tamerlan Tsarnaev, were associated with terrorism. Much the same happened in Brussels. In the Brussels attacks, Belgium had been warned – by the Turks in this case – that some individuals were associated with terrorism.* Also the terrorists of the Paris attacks were known to the police, as well as those of the Berlin attacks, which were in this case signaled by the Moroccan authorities. The same is true for all the other mentioned cases. Snowden questions why mass surveillance failed to catch these terrorists. *It is not because they used encryption or because they were particularly skillful or clever, it is because when you collect everything, the communications of everyone in a nation, you understand nothing. People are drown in so much information that they can't find what is actually relevant.* So the fact that many of these terrorists were on the radar, but were not in time arrested does not necessarily indicate that the security agencies were not provided with enough information, *a contrario*, there is the problem of overload of information. Snowden was not the only one making this claim. Many data analysts in EU governmental agencies the past decade complained in their memo's about 'overcome by overload', 'flood of collection', 'too many choices', 'cognitive overflow', 'a tsunami of intercept is declared', 'overwhelming data'. They are literally drowning in their information. The complaint on mass surveillance, according to some former governmental agents is not one of civil liberties, but one of efficacy: it just doesn't work well enough. This also means that EU intelligence services were always about one year behind in evaluating data. As a result, every terrorist got at least one year to plot the attack. In fact, the planning of the attack in Nice, began exactly one year in advance as shown by analysis of the computer owned by the attacker.

A solution for this problem may be found in the private sector, under the condition that these private companies contribute to better prevention and mitigation of radical attacks, and don't make the same mistakes as the classical intelligence agencies, namely collecting too much irrelevant data. Juxtaposed to state security is the need for private security that contributes to crime prevention and community safety. In the EU, the private security sector

as well as the corporate surveillance industry has grown from a handful of small companies at the end of the Second World War into a multibillion Euro industry with thousands of firms and millions of security staff [12, p. 245]. Governmental cooperation with both the private security sector and the corporate surveillance industry happens through the governance model of Public-Private Partnerships (PPP) and the outsourcing of intelligence.

In the EU the private security industry has assumed a substantial position in the provision of policing in most member states [13; 14, p. 214–215]. In a number of countries there are statistics, admittedly of varying quality, showing more private security staff employed than public police officers (Republic of Ireland, UK) and in other countries there are substantial private security sectors employing well over 150,000 staff (Germany, Spain and the UK) (Small Arms Survey 2011) [15]. The EU strongly endorses public-private cooperation, particularly with regard to investigations into money-laundering, illegal profits, financing terrorism and cybercrime [16, p. 55]. It is an example of New public management (NPM) and it has thus a profound impact on the administration and management of law enforcement and intelligence practice. These trends are not unique to the EU, with many other areas of the world also experiencing substantial growth in size and role of the private security industry. In the European Single Market, public procurement rules have been changed so companies can bid on contracts anywhere in the EU [17, p. 409].

Aside from the private security sector the corporate surveillance industry that deals with risk management is also huge. Since the boom of technological communications, the balance of intelligence changed from HUMINT to SIGINT dramatically, both in the governmental as well as in the private sector. SIGINT produces enormous procurements and much of the intelligence in the world is outsourced. Private contractors may contract with governments for a variety of surveillance services or products. It ranges from high-tech camera's in space, spy-planes, logistics, arms supply by private military companies (PMC), drones to AI-software. This huge lucrative business of hundreds of billions of dollars annually is leading to everything: counterterrorism, border control, crisis management, surveillance drones, CCTV, satellite surveillance techniques. The private surveillance monopolies have taken over in the world. In many countries the classical intelligence services are so dependent on the private sector that without these corporate surveillance giants everything would break down at the governmental agencies. To illustrate, in the EU, the Commission tried to develop in 2003 a 'EU military surveillance complex' and 'the Group of Personalities' in order to be competitive with the international surveillance market. Or take for instance the research project 'Feel Europe' which aims to measure human feelings and emotions through remote con-

trolled sensors and surveillance cameras. Basically, the goal is to detect terrorists assuming they would be agitated the hours before executing the attack.

Working with private security partners can entail many benefits for the traditional law enforcement and intelligence agencies. The private security sector can help traditional law enforcement to bridge the gaps and provide vital services in technology and resources as well as expertise that would not otherwise be available. Such operation can take the form of the secondment of staff, licensing of software, the use of equipment and buildings and in-kind donations. The mutual benefits are huge: private entities can offer a dynamic insight into new technologies in the areas of cybersecurity, biometric identification or ballistics. Information and communication technology has proven it became the backbone of economic growth. Also corporate surveillance is very useful. For instance, large international hotels in Africa or in the Middle East can be mobilized as intelligence services. They may be asked to carry out surveillance (for example, by hanging cameras on the street that can film terrorists). Another example are taxi companies such as Uber. According to a former Eurojust officer, driving taxis may be asked to take photographs if there is a threat of terrorism in a city or if attacks have just taken place, in order to film the suspects. AI in public administration can be used for forecasting high crime risks. Public administration has for instance adopted information and communication technology in order to construct new intelligence systems and design new risk prevention strategies in transportation management [18, p. 467].

Now that the benefits of approaching the private sector are clear, the question is whether these terror attacks in the EU could have been prevented. The Viennese start-up KIVU Technologies for instance which raised already more than 1.8 million EUR in seed financing, has developed a technology that enables investigating authorities to search for terrorist propaganda on the net. Their goal: the prevention of online radicalization through software engineering and AI. Their team – which consists of specialists of different backgrounds such as data scientists, mathematicians, hardcore software engineers and AI experts – has developed a sophisticated software program to prevent and predict radicalized forms of terrorism with the help of AI. Machine learning is combined with graph theory, algorithms and probabilistic methods.

The work environment ‘par excellence’ of IS is social media. Their propaganda happens mainly through online radicalization [19]. IS ringleaders in the Levant recruit people from Europe on social media. IS acts swiftly and responds to the invention of new technologies. Their aim is to get mass media attention. Their terrorism is about a lot of people watching, not about a lot of people dead. Attention is always the core of what these terrorists want to achieve. This is mirrored by the fact that their aim

is to carry out attacks with the simplest possible means. Corporate AI companies can therefore make an efficient analysis of relatively big social networks with the help of mathematical methods of software engineering. Concrete this means that all radicalized individuals which are active on social networks can be represented in graphs. The individuals can be anonymized with dots and later it can be seen how the dots are connected: with whom are they connected, what is their geographical location, what is the frequency by which they contact each other, how many connections do they have.

According to Robert Wesley from KIVU technologies, the world is a network. *Everyone is connected both online as offline. The ability to present everything as a network, means we can run AI on top of the classical SIGINT and HUMINT strategies of the government. You can predict a lot from OSINT. With our program we identified some radicalizing individuals in Europe six months in advance compared to the traditional authorities.* There are religious problems, but also individual problems. *It is just a tactic. If you want to prevent contemporary terrorism, you need to take away the benefits from them, which is in this case their social networks.* According to Jan van Oort their software works at a high velocity: *We are talking here about milliseconds while others needs minutes or hours to track potential perpetrators.* According to one of his partners, Christian Weichselbaum, you can see on social media that they radicalize. *All their data is accessible to anyone online because their goal is to reach as many people as possible.* They are very open in sharing their data to the public and AI companies are very grateful for that. *All our data originates from OSINT, which is all the data openly available online. We use information available on sites such as Facebook, Twitter, blogs, but we also collect data from the darknet. With all these data we can analyze everything without needing to hack into mobile phones or emails (Cfr. SIGINT).* This means *we are not violating the privacy of the users nor the devices because this information is public and we don't need more.* Wesley also states that access to more data doesn't always lead to better intelligence. *It is an assumption that if you have more data, you can make more sense of the data. As we have seen from the past, even if you have all the data from all the communications, it is still difficult to make the connections, develop good intelligence and prevent attacks from happening.* Wesley states that mass surveillance is no guarantee. *Therefore, there is a need for more targeted efforts, more sophisticated strategies: not having more access to information, but better access to information, more targeted information collection through filters so that data analysts are not drown in data.* Wesley's team believes that machine learning and huge networks can solve this problem in counterterrorism. *AI can tell us things we were not observing before. The goal of KIVU technologies is to use OSINT to prevent terror attacks.*

Instead of collecting everything and then searching for keywords, a different approach is used. The content of a phone call, text message, or email becomes irrelevant. What become relevant is: who communicates with whom? When? How? How often and from where? In short, the metadata is important. Metadata is data that provides information about other data. In other words, it is data about data. It is also the data that is used to transport the content data around the networks. However, in the past decade the EU intelligence agencies have all been fundamentally circling around the bulk acquisition of data of any type, which proved to be inefficient and a waste of time. The conclusion is that there is an overload of bulk data on which SIGINT is based. The overload of information stands efficiency in the way, because there are not enough filters. This appears as well in the efficiency argument in a Weberian bureaucracy. Intelligence work should be done efficiently. On this problem private AI companies are currently working to assist governments.

If the classical intelligence agencies in the EU would have used software programs like the one of KIVU technologies and similar companies, this means the attackers would have been on 'top of the list' and the agencies would have been warned. Does the system also protect people's privacy? The team in Vienna is also aware that their program could also be used for something other as networks of terrorists. It will depend how governments will use this type of software. *We know since Snowden that surveillance tools are not only used to prevent crime, but also for spying activities of all kind, including spying on your own partner.* The team's response to the question of abuse is 'privacy by design'. This means that protection of privacy is built-in into the system. Antoine de Saint Exupéry wrote about technology and tried to answer the question: what is secure technology? What is highly developed technology? [20] Since he was a pilot his answer focused on aviation technology, but it can also be applied generally. *Good technology is technology that I do not have to think about; This means if I sit on a plane as a passenger, I don't have to worry about the engines,* states Jan van Oort, an aviation engineer. Regarding their software, this means that their meta data analysis collects only data related to suspects, which is encrypted immediately. After the quest is made to access the data by the government, an independent authority will generate three keys for decryption: one for the police and intelligence agencies, one for the judiciary and one for the legislative oversight. Only when all three keys are employed together, data can be inspected and used. Every access is locked. A digital record is generated every time data is accessed. That way the parties involved have the chance to justify themselves in a court of law in the case of abuse or error. Never has a program come closer to a solution that factors in both security and the fundamental right to privacy to equal degrees.

Conclusion

In intelligence there is thus need, not only for HUMINT and SIGINT, but also for OSINT. Collaboration between the classic law enforcement agencies is clearly not enough in the EU. That is why the private sector must also be involved in order to play its role. Private corporations may help governments in finding better risk management strategies to track radicalizing terrorists. OSINT is used as starting point and from these OSINT data, the metadata are used, which are in turn an extra filter. In the intelligence world risk analysis and risk evaluation (i.e. together risk assessment) should combine the best of both worlds: the traditional HUMINT and SIGINT from the governmental services and the progressive OSINT from the corporate world, translated into AI software. In case of the terrorists which infiltrated Western Europe and made it an unsafe place, their digital footprint showed their radicalization online, even one year, months or days before the attacks were executed. Conclusion: all these attacks could have been prevented, if there was made use of the right technologies.

References

- 1 Malfait M., Chernyavskiy S. I. The Russia-EU perspective: national security and counterterrorism from a different angle. *Political Science Issues*, 2019, vol. 9, iss. 6 (46), pp. 114–124.
- 2 Rice C., Zegart A. *Political Risk: How Businesses and Organizations Can Anticipate Global Insecurity*. New York, Hachette Book Group, 2018. 336 p.
- 3 Den Boer M. G. W. Wake-up call for the Lowlands: Dutch counterterrorism from a comparative perspective. *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, vol. 20, no. 2, pp. 285–302. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557570701414658>
- 4 Gaines S., Goodwin R. Terrorism perception and its consequences following the 7 July 2005 London bombings. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2009, vol. 1, iss. 1, pp. 50–65. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/19434470802482167>
- 5 Lasoen K. Belgian Intelligence SIGINT Operations. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, 2019, vol. 32, no. 1, pp. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/08850607.2018.1488501>
- 6 Lasoen K. Indications and Warning in Belgium: Brussels Is Not Delphi. *Journal of Strategic Studies*, 2017, vol. 40, no. 7, pp. 927–962. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402390.2017.1288111>
- 7 Lasoen K. For Belgian Eyes Only: Intelligence Cooperation in Belgium. *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, 2017, vol. 30, no. 3, pp. 464–490. DOI: <https://doi.org/10.1080/08850607.2017.1297110>
- 8 Jaarrapport de Katholieke Kerk in België. *Kerknet*. Available at: https://www.kerknet.be/sites/default/files/2018_Jaarrapport%20Bisschoppenconferentie%20-%20light.pdf (accessed 3 February 2020).

- ⁹ Ekström A., Eng-Larsson F., Isaksson O., Kurland L., Nortberg M. The effect of a terrorist attack on emergency department inflow: an observation study using difference-in-differences methodology. *Scand. J. Trauma Resusc. Emerg. Med.*, 2019, vol. 27, no. 57. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13049-019-0634-2>
- ¹⁰ Galantino M. The migration–terrorism nexus: An analysis of German and Italian press coverage of the ‘refugee crisis’. *European Journal of Criminology*, 2020, 147737081989621, pp. 1–23. DOI: [10.1177/1477370819896213](https://doi.org/10.1177/1477370819896213)
- ¹¹ Goertz S. Radikalisierung im Phänomenbereich Islamismus und islamistischer Terrorismus sowie Prävention. In: *Terrorismusbabwehr*. Wiesbaden, Springer VS, 2019, pp. 147–182. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-20899-8_6
- ¹² Button M., Stiernstedt P. The evolution of security industry regulation in the European Union. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2017, vol. 41, no. 4, pp. 245–257.
- ¹³ Jones T., Newburn T. (eds.). *Plural policing: A comparative perspective*. London, Routledge, 2006. 256 p.
- ¹⁴ Sarre R., Van Steden R. The Growth of Private Security: Trends in the European Union. *Security Journal*, 2007, vol. 20, no. 4, pp. 211–221. DOI: [10.1057/palgrave.sj.8350052](https://doi.org/10.1057/palgrave.sj.8350052)
- ¹⁵ Small Arms Survey, A booming business private security and small arms, 2011. Available at: <http://www.small-arms-survey.org/publications/by-type/yearbook/small-arms-survey-2011.html> (accessed 27 January 2020).
- ¹⁶ Den Boer M. G. W. Police, policy and politics in Brussels: Scenarios for the shift from sovereignty to solidarity. *Cambridge Review of International Affairs*, 2014, vol. 27, no. 1, pp. 48–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557571.2013.810588>
- ¹⁷ Button M., Stiernstedt P. Comparing private security regulation in the European Union. *Policing and Society*, 2018, vol. 28, iss. 4, pp. 398–414. DOI: <https://doi.org/10.1080/10439463.2016.1161624>
- ¹⁸ Kouziokas G. The application of artificial intelligence in public administration for forecasting high crime risk transportation areas in urban environment. *Transp. Res. Proc.*, 2017, vol. 24, pp. 467–473.
- ¹⁹ Baugut P., Neumann K. Online propaganda use during Islamist radicalization. *Information, Communication & Society*, 2019, pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1594333>
- ²⁰ Blakemore E. In Flight with Antoine de Saint-Exupéry, *JS-TOR Daily*, 2015. Available at: <https://daily.jstor.org/flight-antoine-de-saint-exupery/> (accessed 15 January 2020).

Образец для цитирования:

Malfait M. The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow [Малфет М. Разведывательные службы ЕС: проблемы информационной перегрузки] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-228-235>

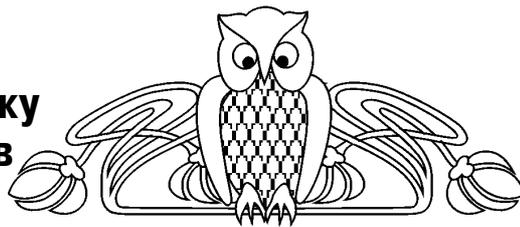
Cite this article as:

Malfait M. The EU Intelligence Agencies: Flawed by Cognitive Overflow. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-228-235>

УДК 327.8

Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира

Н. Демирель

Демирель Нури, соискатель кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, deminuri75@mail.ru

В статье рассматривается внешняя политика Турции в Черноморском регионе в контексте ее взаимодействия с такими глобальными субъектами, как Российская Федерация и Европейский союз, а также с государствами Причерноморья. Для каждого из глобальных субъектов определяются основные направления сотрудничества, такие как безопасность, торговые отношения, энергетика и проч. Делается общий вывод о том, что базовой стратегией Турции в Черноморском регионе выступает форма двусторонних отношений, включающих широкий спектр взаимных инициатив.

Ключевые слова: Турция, Черноморский регион, глобальные субъекты, региональные акторы.

Поступила в редакцию: 11.03.2020 / Принята: 18.03.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Influence of Turkish Foreign Policy in the Black Sea Region on the Politics of Global and Regional Actors of the Modern World

N. Demirel

Nuri Demirel, <https://orcid.org/0000-0002-7233-8778>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia, deminuri75@mail.ru

The article discusses the foreign policy of Turkey in the Black Sea region in the context of its interaction with such global entities as the Russian Federation and the European Union, as well as with the states of the Black Sea region. For each of the global entities, the main areas of cooperation are defined, such as security, trade relations, energy and so on. The general conclusion is made that the basic strategy of Turkey in the Black Sea region is the form of bilateral relations, including a wide range of mutual initiatives.

Keywords: Turkey, the Black Sea region, global actors, regional actors.

Received: 11.03.2020 / Accepted: 18.03.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-236-241>

Нет сомнений в том, что на сегодняшний день Турецкая Республика играет важную роль

в международных процессах, происходящих на мировой арене. Издревле находясь на перекрестке путей между миром Востока и Запада, она претендует на исключительную позицию в отношениях этих регионов между собой, а также в их внутренних процессах и событиях. Универсальное расположение между Европой и Азией делает внешнюю политику Турции одним из ее главных политических вопросов, особенно в области регионального сотрудничества. А изменения мира последних десятилетий, такие как распад СССР, революции и военные действия в восточных странах, переход Крыма в состав России приводят к тому, что Турция ведет свою внешнюю политику продуманно и активно, занимая наиболее выгодные для себя позиции.

Важным регионом для проведения политики Турции является Причерноморье. События последних лет существенно отразились на нем и на роли, которую играют в нем большие государства, такие как Турецкая Республика и Российская Федерация. Также он стал вызывать большой интерес у государств и регионов западного мира, таких как Европейский союз. Изменившаяся геополитическая структура Черноморского региона привела к необходимости его членов определить свои позиции и сферы взаимодействия, в которых они готовы сотрудничать или, наоборот, противостоять друг другу.

Сам Черноморский регион в связи с вопросами торговли, энергетики и национальной безопасности также начал играть важную роль в международных отношениях глобального мира. Все это стало причиной активного сотрудничества Турции с новыми и старыми причерноморскими государствами на разных уровнях и в разных областях взаимодействия, а также попытки утверждения себя в качестве регионального лидера. По этим причинам исследование политики Турции в Черноморском регионе является особенно актуальным как для Российской Федерации, так и для системы международных отношений современного мира.

Целью нашей статьи является анализ влияния внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира. Ее задачами выступают:

- 1) рассмотрение политики Турции и позиций Российской Федерации в Причерноморье;
- 2) определение интересов Турции и Европейского союза в рамках Черноморского региона;

3) анализ внешней политики Турции и региональных акторов в Причерноморье.

Объектом исследования выступает внешняя политика Турецкой Республики, а его предметом – влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов.

Решая первую задачу статьи, рассмотрим взаимоотношения России и Турции, реализуемые в рамках Причерноморья.

История российско-турецких отношений включает в себя более пяти столетий. Их основа в XX в. была заложена «Договором о дружбе и братстве между Правительством РСФСР и Правительством Великого национального собрания Турции» от 16 марта 1921 г.¹

Современный период, начавшийся после 90-х гг. XX в., открывает «Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой об основах отношений» 1992 г. С него началось развитие современных политических и экономических связей между этими странами². В начальный период главной движущей силой российско-турецких отношений было экономическое взаимодействие. Однако с начала XXI в. сотрудничество этих государств вышло на более высокий уровень стратегического партнерства.

Важный этап в развитии политического взаимодействия между Турцией и Россией символизировало учреждение в 2010 г. «Совета сотрудничества на высшем уровне». В 2014 г. Президент России В. В. Путин посетил Турцию с официальным визитом, включавшим участие в пятом заседании Совета. Премьер-министр Турции отметил, что данный визит является знаковым и Турция придает большое значение Совету³.

Этот год стал важным для взаимоотношений России и Турции, так как был значительно усложнен событиями в Украине и Крыму и реакцией на них стран Запада. Однако, несмотря на публичное неодобрение турецкими властями присоединения Крыма к России, Анкара не поддержала западные санкции и сохранила отношения с Москвой как с важным стратегическим партнером.

Более сложным испытанием для российско-турецких отношений стал конец 2015 г., когда над сирийско-турецкой границей турецкими ВВС был сбит российский бомбардировщик Су-24, который якобы нарушил воздушное пространство страны. Согласно заявлению турецких военных, Су-24 не раз предупреджали о нарушении перед тем как сбить. В России же заявили, что самолет не пересекал турецкую границу, а летел над сирийской территорией.

После этого инцидента в отношении Турции Россией были введены санкции: ограничения в двухстороннем экономическом сотрудничестве, ввоза на территорию РФ отдельных видов товаров, ограничение деятельности турецких организаций на российской территории, запрет на

трудоустройство граждан Турции, отмена безвизового режима, действующего с 2011 г., и запрет на чартерные перевозки между Турцией и РФ. Все эти временные меры были направлены на «обеспечение национальной безопасности России и защиту граждан от преступных и противоправных действий»⁴.

Комментируя ввод санкций, Президент Турции Р. Эрдоган заявил, что «позиция, демонстрируемая Россией, вполне недипломатична. Они подходят к проблеме эмоционально. Когда Запад ввел санкции против России, Турция их не поддержала, сказав, что Россия является их стратегическим партнером. Решение РФ отказаться от турецких продуктов несерьезно для страны»⁵.

Этот инцидент спровоцировал серьезное осложнение в российско-турецких отношениях, что, однако, не означало полного их прекращения. Сферами постоянного пересечения интересов двух государств являются определенные территории, такие как Кавказ и Крым.

По мнению экспертов, в настоящее время в целом политика Турции на Южном Кавказе не имеет конфронтационного настроя по отношению к России. «Оба государства заинтересованы в недопущении милитаризации Черного моря и прихода сюда внешних сил. В будущем характер политики Турции на Южном Кавказе будет определяться ситуацией в регионе, а также общим контекстом международных отношений. Причин для возникновения острых противоречий пока не фиксируется»⁶.

Экономическая активность Турции в этом регионе сосредоточена, прежде всего, на рыболовстве, строительстве, гостиничном бизнесе. В 2014 г. Абхазию посетила официальная делегация парламента Турецкой Республики. Во время президентских выборов 2014 г. права избирателей получили проживающие на территории Турции абхазы. Голосование происходило на избирательных участках в Стамбуле.

Относительно второго региона, Крыма, и в целом ситуация в Украине вызывает наибольшие расхождения в позициях Анкары и Москвы. Руководством Турции была неоднократно озвучена позиция относительно непризнания нового статуса Крыма. Сам Р. Эрдоган неоднократно осуждал присоединение Крымского полуострова к РФ, «репрессивную политику» в отношении крымских татар в «аннексированном Крыму», выражал поддержку территориальной целостности Украины.

Другой сложный «украинский вопрос» в российско-турецких отношениях – это военнотехническое сотрудничество Киева и Анкары. В России масштабы этого сотрудничества значительно преувеличиваются. Однако каких-либо серьезных подвижек в этом сотрудничестве назвать нельзя.

Развитие этого сотрудничества связано с тем, что в Турецкой Республике только неболь-

шая часть военного бюджета тратится на закупки вооружения и военной техники. При общих затратах в 2017 г. на оборону порядка 13 млрд долл. более 54% военного бюджета Турции пришлось потратить на жалование личному составу и до 22% – на питание и амуницию. В результате лишь немногим более 20% расходуется на разработку и закупку ВиВТ, что существенно снижает возможности военно-технического сотрудничества⁷.

Следующим важным направлением русско-турецкого сотрудничества является энергетика. Здесь позиции более перспективны, поскольку, как пишут авторы монографии «Современная Турция: тренды развития и значение для России», «Турция – второй важнейший рынок для Газпрома на западном направлении. Серьезных рисков со стороны конкурентов здесь не предвидится»⁸.

Главный вопрос этой сферы отношений – сможет ли Турция трансформироваться в крупный транзитный хаб для экспорта газа из Каспийского региона. По мнению экспертов, осуществление этого является проблемой, так как на протяжении последних 25–30 лет никаких прорывов видно не было. Это связано, во-первых, с тем, что в Европе идет «энергетическая революция», опережающими темпами строятся ветровые и солнечные электростанции. Во-вторых, Турция как крупный газовый хаб не отвечает экономическим интересам крупнейших потребителей газа в Южной Европе.

Еще одним важным для сотрудничества между Россией и Турцией проектом является план по строительству нового канала, параллельного проливу Босфор, а также канала, параллельного Дарданеллам из Эгейского в Мраморное море. Турция очень заинтересована в реализации этих планов, так как в течение нескольких десятилетий она предпринимала меры по усилению контроля над судоходством в проливах. Однако Анкара не наделена полномочиями вводить какие-либо меры по регулированию судоходства в них без консультаций и согласования с другими участниками, в том числе в рамках Международной морской организации (ИМО).

В сентябре 2018 г. Правительством Турции была распространена информация о принятии им решения внести изменения в условия прохода судов через свои проливы. В большей части это касается ограничений на приближение к опорам мостов, уведомления за 10 дней о проходе судов длиной более 300 метров, движения нефтетанкеров и газовозов только в дневное время. Помимо этого, было заявлено, что Турция будет приравнять гражданские суда с военными грузами на борту к военным кораблям⁹. По сути это означает, что суда черноморских государств обязаны уведомлять по дипломатическим каналам о своем проходе за 8 дней, а нечерноморских – за 15. Также должна быть предоставлена

информация о назначении, типе и числе судов, обозначена дата прохода в обоих направлениях, а при проходе – данные о составе отряда, название судов и их количество.

В итоге можно сделать вывод о том, что на данный момент отношения России и Турции в Причерноморье являются сложными и противоречивыми, что не отменяет совместной работы и усилий по решению сложных вопросов каждой из сторон. Имеются территории и ситуации, такие как Кавказ, Крым, морские проливы, вызывающие наибольшие сложности. Однако присутствуют и области взаимодействия: энергетика, торговля, военно-техническое сотрудничество. Они предполагают возможности для дальнейшего развития диалога между этими странами, с учетом черноморских проблем.

Характеризуя «черноморские» взаимоотношения Турции с ЕС, стоит отметить, что на протяжении длительного времени Европейский союз не имел четкой и последовательной политики в Черноморском регионе. С начала 1990-х гг. контакты со странами, расположенными в регионе, развивались посредством участия Евросоюза в финансировании различных региональных проектов, связанных с проведением внутренних реформ. Осуществлялись многочисленные программы, направленные на выполнение конкретных действий в транспортной сфере, сотрудничество в области энергетики и оказание помощи в целях развития в рамках программы TACIS. Целью Евросоюза было также включение этого региона в паневропейские транспортные проекты. Кроме того, ЕС взаимодействовал со странами Черноморского региона в рамках двусторонних соглашений о партнерстве и сотрудничестве.

Турция была определена Евросоюзом как важный партнер в Черноморском регионе, требующий особого подхода. Ее рассматривали как союзника в обеспечении геополитических интересов Европы, особенно в военно-политических аспектах отношений со странами Варшавского договора (благодаря связям в рамках НАТО) и странами Ближневосточного региона (продвижение Турции как модели исламской демократии и современной рыночной экономики). Страны ЕС поддержали вхождение Турции в Совет Европы (1949 г.) и ОЭСР (1961 г.), а в 1963 г. подписали Соглашение об ассоциации, открывавшее Турции возможность создания таможенного союза с ЕЭС, а в перспективе – членства в этой организации. Тогда же были созданы правовые рамки для массовой трудовой миграции турок в ЕС (прежде всего в Германию).

Эти тенденции усилились в 1990-е гг., после развала СССР и окончания «холодной войны». В новых условиях ЕС фактически принял стратегию на максимальное сближение с Турцией, прежде всего в экономической сфере. В 1995 г. он заключил Соглашение о таможенном союзе с Турцией, а уже в 1999 г. предоставил ей статус

страны-кандидата в члены ЕС. В начале 2000-х гг. Турция активно проводила требуемые для вступления реформы. Однако уже в конце первого премьерства Р. Эрдогана реформы затормозились, и на фоне нерешенного вопроса Республики Кипр Совет ЕС в 2006 г. решил не открывать восемь переговорных глав и не закрывать другие, пока Турция не выполнит все свои обязательства. Затем вето на продолжение переговоров наложила Франция, ее поддержала Германия.

Финансовый кризис 2008–2010 гг. еще более осложнил ситуацию и фактически заморозил переговоры. Сдвиги в отношениях начались только после 2012 г., когда были заключены Соглашение ЕС – Турция о реадмиссии с запуском «диалога о визовой либерализации» (2013 г.), договоренности о модернизации таможенного союза и открытии новой главы в переговорах о вступлении в ЕС (2015 г.). В марте 2016 г. было принято Заявление ЕС – Турция, «перекрывшее» Восточно-Средиземноморский маршрут нелегальной миграции в ЕС через греческие острова в Эгейском море и сухопутную границу с Болгарией. В обмен Турция получала финансирование для содержания на своей территории сирийских беженцев в размере 3 млрд евро.

Однако при этом еще в январе 2015 г. представители турецкой политической власти, в частности, президент страны Р. Эрдоган, вице-премьер Б. Арындж, а также министр по делам ЕС В. Бозкыр заявили об отсутствии у Турецкой Республики интереса к вопросу вступления в ЕС¹⁰.

В конце 2016 г. Совет ЕС вновь прекратил открытие новых глав переговоров о членстве Турции и отказался от конкретных шагов в переговорах о модернизации таможенного союза. Были остановлены и переговоры о введении безвизового режима для въезда граждан Турции в страны Шенгенской зоны.

На сегодняшний день Евросоюз фактически заменил долгосрочную стратегию в отношении Турции краткой- и среднесрочной тактикой. Не принимая официальных решений по прекращению переговоров о членстве Турции в ЕС, модернизации таможенного союза, визовой либерализации, ЕС фактически ставит их в зависимость от возобновления внутренних реформ, торможения исламизации и проведения выгодной Западу внешней политики. Это продемонстрировал саммит ЕС – Турция, прошедший в марте 2018 г. Из пяти обсуждавшихся на встрече проблем: сотрудничество по управлению миграционными потоками, общность интересов в борьбе с терроризмом, верховенство права в Турции, действия Турции в Восточном Средиземноморье и Эгейском море, участие Турции в военных действиях в Сирии – договориться удалось только по одному, первому вопросу.

Определяя политику Турции и региональных акторов в Причерноморье, воспользуемся типологией, предложенной в диссертации

Н. С. Беляковой. Она пишет, что «в Черноморском бассейне Турция ведет региональную политику на трех уровнях:

– на уровне международной организации ОЧЭС;

– на уровне трехстороннего сотрудничества с Азербайджаном и Грузией;

– на уровне двусторонних отношений с причерноморскими государствами»¹¹.

По ее мнению, первый уровень, ОЧЭС, не входит в приоритет внешней политики Турции¹².

Следующим уровнем политики Турции в Черноморском регионе можно назвать трехстороннее сотрудничество Турции с Азербайджаном и Грузией. В 2012 г. состоялся первый трехсторонний саммит министров иностранных дел этих государств. В его рамках были обсуждены политические, экономические, энергетические и транспортные вопросы¹³.

Следующим и основным уровнем черноморского регионального сотрудничества Турции является двусторонний, предполагающий разную степень взаимодействия со старыми и новыми странами Причерноморья. Исключая рассмотренную выше Россию, а также ЕС как основного для Турции западного субъекта, последовательно охарактеризуем основные направления сотрудничества с оставшимися государствами региона. В продолжение рассмотрения отношений с Азербайджаном и Грузией.

Как заявил Р. Эрдоган, Турция и Азербайджан – это «две братские страны, связанные невиданными в мире узами»¹⁴, а Совет стратегического партнерства на высоком уровне призван укрепить это «братство». На сегодняшний день можно фиксировать ежегодные визиты на уровне глав государств, глав правительств, руководителей министерств и парламентариев. За более чем двадцатилетний период двусторонних отношений подписано около 190 документов¹⁵.

Следующий важный партнер – это Грузия. Визит Р. Эрдогана в Грузию в 2004 г. придал новый импульс развитию их двусторонних отношений. В ходе визита обсуждались вопросы завершения строительства нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, региональной безопасности, экономического сотрудничества и инвестиций¹⁶. По мнению турецкого политолога Б. Араса, «транспортная нефть является одним из важнейших факторов сближения Турции и Грузии»¹⁷.

Не менее важная для Турции группа черноморских стран – это союзники по блоку НАТО. Политика с ними имеет также непростой, однако более сбалансированный характер и играет большую роль в системе безопасности Причерноморья.

Первая из этих государств, Болгария, долго находилась под владычеством турок-османов, будучи частью огромной Османской империи, обретая полную независимость только в начале XX в. На текущем этапе отношений этими стра-

нами были сделаны весомые шаги в сторону интенсификации сотрудничества. В 2008 г., например, была создана Смешанная комиссия по нерешенным проблемам, в 2012 г. – Совет сотрудничества на высоком уровне¹⁸.

Вторая из этой группы страна, Румыния, находится севернее Болгарии и имеет похожую историю развития взаимоотношений сначала с Османской империей, а после – с Турецкой Республикой. На сегодняшний день между странами идет позитивный политический диалог, совершаются визиты на уровне президентов, премьер-министров и министров иностранных дел. Один из знаковых визитов на уровне глав государств состоялся в феврале 2014 г., в ходе которого Президент Турции А. Гюль отметил, что «отношения между Турцией и Румынией развиваются в духе сотрудничества и дружбы на основе давних традиций»¹⁹.

Еще две черноморские страны являются государствами бывшего социалистического лагеря, а также на их территории проживают этнические группы (крымские татары и гагаузы), имеющие к Турции самое прямое отношение, – это Украина и Молдова.

После распада СССР Турция признала Украину, установила с ней дипломатические отношения и подписала Договор о дружбе и сотрудничестве²⁰. Страны начали взаимодействовать по широкому кругу вопросов: политика, безопасность, экономика, торговля, культура, образование, искусство и туризм. Кризис на Украине и возникшая внутренняя напряженность в стране стали значимым аспектом турецко-украинских отношений. Важно также, что именно в Киеве Турция выразила официальную поддержку крымских татарам, за положением которых она «внимательно наблюдает»²¹.

Молдова обрела независимость в августе 1991 г., а в феврале 1992-го Турция установила с ней дипломатические отношения. В настоящее время двусторонние отношения регламентируются подписанным еще в 1996 г. Соглашением о дружбе и сотрудничестве, в котором определены основные сферы взаимодействия²². Отдельная статья Соглашения посвящена гагаузам – тюркоязычному меньшинству Молдовы, связям с которыми Турция придает большое значение.

Таким образом, на сегодняшний день Турция реализует внешнею политику в Причерноморье в формате двух-, трехсторонних отношений, а также работы в региональной международной организации. Двусторонние отношения остаются приоритетными и наиболее перспективными для нее, так как позволяют реализовать потенциал возможностей для эффективного диалога, а также дают возможность обсуждать проблемные вопросы, по сей день имеющиеся, с некоторыми участниками Черноморского региона.

Подводя общий итог, отметим, что основными субъектами черноморских внешнеполити-

ческих отношений Турции выступают не только государства региона, но и такие важные мировые международные акторы, как Европейский союз. Из-за противоречий в интересах ЕС и Российской Федерации на сегодняшний момент Турецкая Республика вынуждена находить политико-компромисса и выстраивать систему отношений, в наибольшей степени соответствующую ее интересам как самостоятельного субъекта и как важного регионального актора, заинтересованного в эффективной системе безопасности Черноморского региона.

Помимо сферы безопасности, отношения Турции затрагивают сферы экономики, энергетики, культуры и обеспечивают осуществление диалога, проходящего не всегда легко даже в современных многополярных международных реалиях. Это, однако, не лишает Турцию ее ресурсов и лидерских амбиций в Черноморском регионе.

Примечания

- 1 См.: О 85-летию заключения Договора о дружбе и братстве между Россией и Турцией // МИД России : [сайт]. URL: <http://www.uzluga.ru/potre/%D0%98%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C+16+%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0+2006+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0e/main.html> (дата обращения: 01.03.2019).
- 2 См.: Türkiye Cumhuriyeti ile Rusya Federasyonu arasındaki ilişkilerin eseları hakkında antlaşması // TC Dışişleri Bakanlığı : [site]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-ile-rusya-federasyonu-arasindaki-iliskilerin-yeni-bir-asamaya-dogru-ilerlemesi-ve-dostlugun-ve-cok-boyutlu.tr.mfa> (дата обращения: 27.02.2019).
- 3 См.: Совместная пресс-конференция с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47126> (дата обращения: 23.12.2018).
- 4 Современная Турция : тренды развития и значение для России / под ред. Л. С. Вартазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. М. : ИМЭМО РАН, 2019. С. 43.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 44.
- 8 Там же. С. 45.
- 9 См.: Турция изменила условия прохода судов через свои проливы // Black Sea News. URL: <https://www.blackseanews.net/read/144108> (дата обращения: 13.12.2018).
- 10 См.: Хафизоглу Р. Турцию не интересует вопрос вступления в ЕС, сказал президент страны Реджеп Тайип Эрдоган // Trend news agency. URL: <https://www.trend.az/world/turkey/2356772.html> (дата обращения: 20.03.2019).
- 11 См.: Белякова Н. С. Роль и место Черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на

- современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015. С. 43.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: Trabzon Declaration of the Ministers of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, Georgia and the Republic of Turkey, 08 June 2012 Trabzon // TC Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/trabzon-declaration-of-the-ministers-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan-georgia-and-the-republic-of-turkey-08-june-2012-trabzon.en.mfa> (дата обращения: 01.03.2019).
- ¹⁴ Подписана Декларация о создании Совета стратегического сотрудничества между Азербайджаном и Турцией // Azərbaycan Respublikasının Prezidenti : [сайт]. URL: <http://www.president.az/articles/721?locale=ru> (дата обращения: 01.03.2019).
- ¹⁵ См.: Azerbaijan – Turkey relations // Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyi : [site]. URL: <http://www.mfa.gov.az/files/file/Azerbaijan-Turkey-relations> 17.09.2014.pdf (дата обращения: 27.02.2019).
- ¹⁶ См.: Erdoğan'ın Gürcistan ziyareti // Türkiye Cumhuriyeti Basın Servisi : [site]. URL: <http://www.byegm.gov.tr/turkce/haber/erdoanin-grcstan-zyaret/24101> (дата обращения: 23.12.2018).
- ¹⁷ Арас Б. Турция и Южный Кавказ 2008 г. // Кавказ–2008 : ежегодник Института Кавказа. Ереван : Ин-т Кавказа, 2010. С. 177.
- ¹⁸ См.: Dışişleri Bakanı Dalutoğlu Bulgaristan'da temsalarına devam ediyor // TC Dışişleri Bakanlığı : [site]. URL: <http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-davutoglu-bulgaristan-da-temaslarina-devam-ediyor.tr.mfa> (дата обращения: 20.02.2019).
- ¹⁹ Türkiye – Romanya ilişkilerin gücü, halklarımız arasında trihi yakınlık ve karşılıklı etkileşimden geliyor // Türkiye Cumhurbaşkanı : [site]. URL: <http://www.tccb.gov.tr/haberler/170/88474/turkiyeromanya-iliskilerinin-gucu-halklarimiz-arasindaki-tarihi-yakinlik-ve-karsilikli-etkilesimden.html> (дата обращения: 23.12.2018).
- ²⁰ См.: Türkiye Cumhuriyeti ile Ukrayna arasında dostluk ve işbirliği anlaşması // Yasalar. URL: <http://www.kanunum.com/files/3919-1-1.pdf> (дата обращения: 27.02.2019).
- ²¹ См.: Ukrayna'nın her karışında barış ve huzurun sağlanması en büyük temennimizdir // Türkiye Cumhurbaşkanı : [site]. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/29831/ukraynanin-her-karisinda-baris-ve-huzurun-saglanmasi-en-buyuk-temennimizdir.html> (дата обращения: 20.02.2019).
- ²² См.: Türkiye Cumhuriyeti ile Moldova Cumhuriyeti arasında dostluk ve işbirliği antlaşması // Türkiye Büyük Millet Meclisi : [site]. URL: http://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/KANUNLAR_KARARLAR/kanuntbmmc079/kanuntbmmc079/kanuntbmmc07904145.pdf (дата обращения: 23.12.2018).

Образец для цитирования:

Демирель Н. Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 236–241. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-236-241>

Cite this article as:

Demirel N. The Influence of Turkish Foreign Policy in the Black Sea Region on the Politics of Global and Regional Actors of the Modern World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 236–241 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-236-241>

УДК 327.58

Современное состояние курдского вопроса на Ближнем Востоке

М. Г. Исса

Исса Мохаммад Гайсам, аспирант кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, mohammad.issa.90@mail.ru

Статья посвящена курдскому конфликту, который происходит в настоящее время на территориях четырех стран Ближнего Востока. Причиной его является стремление курдов осуществить свою «мечту»: создать свое суверенное государство – Курдистан, что невозможно без выделения нескольких регионов из состава территории четырех суверенных государств. Однако это противоречит государственным интересам последних. Противоположность интересов является одной из главных причин возникшего конфликта. Тема статьи представляется актуальной для изучения, так как рассмотренные в ней факты позволяют понять, в каком положении находится конфликт на данный момент.

Ключевые слова: Курдистан, курдский народ, курдский конфликт, курдско-национальное освободительное движение, РПК – Рабочая партия Курдистана, ДПК – Демократическая партия Курдистана.

Поступила в редакцию: 23.01.2020 / Принята: 07.02.2020 / Опубликована: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Current State of the Kurdish Issue in the Middle East

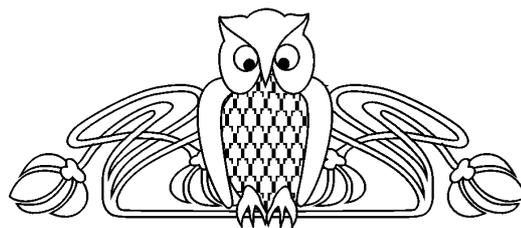
М. H. Issa

Issa Mohammad Haitham, <https://orcid.org/0000-0003-0609-985X>, Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia, mohammad.issa.90@mail.ru

The article focuses on the Kurdish conflict in the Middle East at present time. The conflict erupted on the territory of four countries: the Islamic Republic of Iran, the Republic of Iraq, the Republic of Turkey, the Syrian Arab Republic. The cause of the conflict is the desire of the Kurds to fulfill their dream and create their sovereign state of Kurdistan, but for this it is required to separate parts of the territories of the sovereign countries under consideration, which of course don't agree, because it contradicts their interests. Incompatible interests are one of the main causes of the conflict. This topic is relevant for study, since the facts examined in this paper make it possible to understand the current situation of the Kurdish conflict in the Middle East.

Keywords: Kurdistan, Kurdish people, Kurdish conflict, Kurdish-national liberation movement, KWP – Kurdistan Workers Party, KDP – Kurdistan Democratic Party.

Received: 23.01.2020 / Accepted: 07.02.2020 / Published: 01.06.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-242-245>

На данном этапе исторического развития курдская нация является крупнейшим этническим меньшинством во всех странах своего исторического расселения. Несмотря на многочисленность и автохтонность, курды не обладают сегодня государственной самостоятельностью. Так как этнические курды на протяжении веков не имеют своей суверенной государственности, то по многим причинам они были вынуждены сосуществовать на территории ряда независимых стран. Результаты демографических опросов ООН в 2010 г. показывают, что численность курдов на территории Ближнего Востока составляет более 40 млн чел. При этом, по данным ООН, численность этнических курдов растет с каждым десятилетием. Таким образом, без решения курдского вопроса возрастает риск обострения конфликта и дестабилизации на Ближнем Востоке¹.

Стремление курдов осуществить свою мечту и создать независимое национальное государство сталкивается с ситуацией, когда для этого необходимо выделить части территорий существующих здесь государств: на северо-западе Исламской Республики Ирана, на северо-востоке Республики Ирака, на юго-востоке Республики Турция и на северо-востоке Сирийской Арабской Республики. Однако ни одно из них не намерено отдавать свои территории под контроль этническим курдам. Противоположность интересов сторон является одной из главных причин возникшего конфликта².

Глубокий кризис и упадок Османской империи начала XIX в. совпали с активными курдскими восстаниями против турецких султанов. Подобные выступления происходили и в шахском Иране. В первой половине XIX в. главной ареной курдского движения были исторические области Бахденан, Саран, Джазира и Хакири. В 1854–1855 гг. почти весь Северный и Западный Курдистан был охвачен восстанием Езданшира. В начале XX в. радикально настроенные курды осуществили попытку добиться признания своих прав на национальную независимость со стороны иранского и турецкого правительств, для чего они обратились к шаху с петицией под названием «Курдская конституция», но, не полу-

чив ответа, подняли восстание в шахском Иране. Первая иранская революция (1905–1911 гг.) в значительной степени подавила пробудившийся курдский национализм, направив борьбу курдского народа по пути общеиранского демократического движения³.

В 1920–1930-х гг. в Турции, Иране и Ираке вспыхивали крупные курдские восстания, главное требование которых заключалось в объединении всех курдских земель и создании суверенного Курдистана. Следует отметить, что перед началом Второй мировой войны наряду со старыми курдскими политическими организациями, на которых лежало тяжкое бремя консервативных идей, появляются новые политические партии, который действовали в различных частях Курдистана. Поражение курдского восстания под руководством Мустафы Барзани в Ираке в 1945 г. повлекло за собой прекращение действия курдской автономии в Мехабаде.

Весь период после Второй мировой войны курдский народ боролся за свою независимость. Рубеж 1980–1990-х гг. ознаменовался глобальными историческими изменениями в связи с окончанием холодной войны и распадом Советского Союза. Период, начавшийся с этого рубежа, и по настоящее время характеризуется новыми процессами на Ближнем Востоке, значительно повлиявшими и на положение курдов, особенно с началом войны с Исламским государством⁴.

Начало XXI в. в Турции ознаменовалось тем, что решение проблемы курдского вопроса вошло в число основных политических задач нового правительства. Относительно позиции правительства по курдскому вопросу можно утверждать, что фундамент для изменения характера межэтнических отношений был заложен еще при прежнем правительстве. К первым действиям нового правительства в данном вопросе можно отнести утверждение ряда реформ, которые провозглашали своей целью снятие напряженности в сфере межэтнических отношений для ускорения вступления Турции в ЕС в августе 2002 г. Курдская проблема официально была признана лишь летом 2005 г. после визита премьер-министра Турции Реджепа Эрдогана в Диярбакыр. Основным противником диалога с курдскими националистами остаются сторонники турецкой Партии националистического движения, а также находящаяся под их крылом организация «Серые волки». Правительство и националистически настроенные лидеры государства считали возможное образование независимого Иракского Курдистана угрозой для интересов Турции. В 2013 году Р. Эрдоган в своей речи, опубликованной в СМИ, заявил о встрече и переговорах с лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджаланом, который был в заключении. Также для переговоров приезжали к Оджалану помощники Эрдогана⁵.

В процессе переговоров, как сообщала газета «Радикал», были достигнуты двусторонние соглашения между Эрдоганом и Оджаланом. В газете опубликованы двусторонние обязательства, которые включали соглашения отступления РПК на территорию Иракского Курдистана. Также Анкара обязалась выпустить на свободу нескольких курдских политических лидеров и дать амнистию заключенным боевикам РПК. Кроме этого, Анкара рассматривала поправки в Конституцию Турции, которые должны были касаться включения в состав Турции курдов и других национальных меньшинств⁶.

Однако ситуация поменялась 25 июня 2015 г. предпосылкой обострения конфликта стали действия ВС Турции, которые нанесли некоторое количество авиационных ударов по позициям боевиков Исламского государства (ИГ, запрещенная в РФ группировка) на сирийско-турецкой границе. В Турции вновь стали появляться террористические организации, как, например, «Ястребы Курдистана» – организация молодых курдских националистов.

16 марта 2016 г. на съезде региональной курдско-арабской администрации трех курдских сирийских кантонов, на котором присутствовало свыше 30 политических курдских партий Сирии, было объявлено о введении федеративной системы управления на территориях. Реакция турецкого правительства на возможность объединения курдских территорий Сирии последовала незамедлительно. Начиная с 24 августа по 29 марта 2017 г. турецкие силы и силы сирийской оппозиции при поддержке США предприняли военную операцию под названием «Щит Евфрата». В ходе операции военные силы Турции вторглись в Сирию через г. Джераблус, оттеснив силы Демократического союза на восточный берег р. Евфрат, запретив пересекать реку. За этим последовали авиаудары по пограничным районам на севере Сирии⁷.

Для понимания нынешнего положения курдов важно также рассмотреть ситуацию в Южном и Восточном Курдистане. Первый из них по праву считается наиболее развитым в политическом и социально-экономическом отношении курдским регионом, занимающим центральное место во всем этническом Курдистане.

Новый период борьбы курдов Ирака был вызван поражением Ирака в Кувейте в 1991 г. в ходе операции «Буря в пустыне». Иракским курдам удалось заручиться поддержкой Соединенных Штатов и в феврале 1991 г. поднять восстание, благодаря которому в короткий срок удалось освободить весь Южный Курдистан, однако из-за предательства США Саддам Хусейн сумел подавить восстание.

В настоящее время Курдский автономный район в Ираке представляет собой уникальную модель разрешения курдского конфликта в рамках одной страны при сочетании двух основных

принципов международного права: строгое сохранение сложившихся границ государства и право национальных меньшинств на самоопределение.

В соответствии с Конституцией Ирака, принятой на референдуме 15 октября 2005 г., автономный регион Иракский Курдистан обладает многими атрибутами государства. 7 мая 2006 г. был сформирован Объединенный кабинет министров, в состав которого вошли также члены Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК), – большое событие в истории курдского вопроса в Ираке⁸.

Основная же проблема между Южным Курдистаном и правительством Ирака заключается в споре из-за нефтяных месторождений. В конце лета 2012 г. центральное правительство решило сформировать оперативное командование «Тигр» и дислоцировать его на спорных между Багдадом и Эрбилем (столица курдской автономии) территориях. С начала 2014 г. курдские ополченцы принимают активное участие в анти-террористической операции на стороне правительственных сил против группировки ИГ не только на территории Иракского Курдистана, но также в провинциях Найнава, Салах-эд-Дин. В 2014 г. Масуд Барзани заявил, что Иракский Курдистан больше не признает ст. 140 Конституции Ирака, а спорные территории отходят в состав Иракского Курдистана. К настоящему моменту курды остаются приверженцами современного демократического, светского общества, в то время как остальной Ирак возвращается к догмам суннитского и шиитского течений ислама. 24 июля 2014 г. на пост президента Ирака был избран представитель курдского меньшинства Фуад Масум, принимавший участие в создании ПСК.

В последние годы отмечена мирная деятельность курдских партий в Иране, в том числе и Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК), которая пользуется популярностью среди курдов. Действия иранских курдов направлены на культурную пропаганду. Во время президентства Махмуда Ахмадинежада в период с 2005 по 2013 г. курдское движение, как политическое, так и сепаратистское, практически себя не проявляло. Более приемлемым представлялся мирный путь решения конфликта посредством договоренностей с членами правительства, путь обоюдных уступок и компромиссов, достижение экономических и социальных преимуществ для спокойного, позитивного развития общественных процессов в Иранском Курдистане. Однако программа, предлагаемая Демократической партией Иранского Курдистана (ДПИК) на данном этапе, может дестабилизировать ситуацию в стране и регионе и будет способствовать еще большему ухудшению положения курдского народа Ирана⁹.

В Сирии область компактного проживания курдов находится на севере страны, сирийские

курды называют эту территорию Рожава. Она состоит из трех основных кантонов: Кобани, Африн и нескольких районов Сирийской Джазир. По некоторым оценкам, общее число курдов в стране составляет около 2 млн чел. – примерно 8% населения всей Сирии. За время правления Башара Асада ситуация в курдском сирийском вопросе не претерпела значительных изменений. Первоначально в этот период Сирия не являлась местом активного национального противостояния между курдами и правительством.

Активное противостояние курдского движения начинается в 2004 г. В 2003 г. была создана Партия демократического союза, целью которой провозглашалось «решение курдского вопроса в Сирии на основании демократизации Сирии и права курдов на самоопределение и самоуправление». Цель партии – «официальное признание в конституции Сирии существования курдов как отдельной национальной общности». Лидерами партии принято считать Салиха Муслима и Асия Абдулла. Сирийские курды активно выдвигают требования предоставления гражданства, снятия запрета на использование курдского языка и признания курдов первым по численности национальным меньшинством¹⁰.

Ситуация начинает меняться с наступлением гражданской войны в 2011 г. К ее началу сохранилось лишь несколько курдских сирийских партий, действующих в основном нелегально или полуполигально. Сирийские курды внесли большой вклад в борьбу против ИГ. Значимым событием оказалось освобождение г. Айн-эль-Араб (курд. Кобани), населенного в основном курдами. Для повышения эффективности борьбы была налажена координация между сирийскими и иракскими курдами при поддержке международных коалиций во главе с Россией и США. На стороне сирийских курдов сражались также отряды пешмерга – курдского военизированного формирования Иракского Курдистана. Оборона города продолжалась 133 дня, с 16 сентября 2014 г. по 26 января 2015 г. В других курдских районах Алеппо, таких как Шейх Масуд и Ашрафия, отряды курдского ополчения также проявили мужество и героизм в боях за город. В декабре 2015 г. правительство Сирии объявило о введении в некоторых курдских районах комендантского часа, стараясь ограничить уличные столкновения армии с боевиками РПК.

В 2017 г. курдские отряды ополчения продолжали вести активную борьбу с целью освобождения Севера Сирии от боевиков ИГ. Эта борьба свидетельствует о возросшей роли сирийских курдов в политическом конфликте в Сирии. Курды являются одной из главных сил, активно противостоящих боевикам ИГ, и, соответственно, важным политическим игроком, с которым вынуждены считаться основные силы региона. Однако, несмотря на значительную роль курдов в нанесении поражения силам Исламского госу-

дарства, правительство Сирии по-прежнему отказывается признавать самопровозглашенную автономию курдов¹¹.

Курдистан и курдский вопрос в XXI в. стал одним из важнейших вопросов макрорегиональной политики. Долгие упорные годы национальной борьбы курдского народа за свои права и свободы к настоящему моменту увенчались относительным успехом. Иракским курдам удалось создать федерацию в составе Ирака, турецкие курды сменили тактику вооруженной борьбы на политический диалог с правительством в 2013 г., однако позже боевые действия возобновились. Сирийские курды, оказывая активное сопротивление боевикам ИГ, предпринимают попытки создания автономных районов, а иранские курды стремятся выстроить конструктивный диалог с лидером страны Хасаном Раухани. На современном этапе не подлежит сомнению, что национальное движение курдского народа, а в частности, его авангард – Иракский Курдистан, преодолели рубеж изоляции и имеют моральное и политическое признание.

В Вашингтоне все чаще можно услышать о необходимости изменения границ на Ближнем и Среднем Востоке. В этих планах основным и наиболее противоречивым вопросом являются границы проектируемого единого курдского государства. Тем не менее, мнение о необходимости создания курдского государства в США пока далеко не определяющее. Россия, как и Запад, действовала прагматично. Ее отношение к курдам находилось в тени связей с Ираком и Турцией. Рубеж XXI в. был весьма сложным периодом в отношениях России с курдскими военно-политическими силами. С одной стороны, Россия имела мощную благоприятную основу среди общественного мнения в Курдистане. С другой стороны, пробаасистская и фактически анти-курдская, по мнению курдов, внешняя политика России по отношению к Ираку вызвала их сильное охлаждение к России.

В заключение хотелось бы отметить, что необратимая глобализация всех судьбоносных процессов и в связи с этим интерес основных акторов региона и ведущих мировых держав

к стабильности важнейшего стратегического и сырьевого региона, каким является Ближний Восток, диктуют необходимость превращения обсуждаемой проблемы в предмет заинтересованности не только курдов, но и международного сообщества.

Примечания

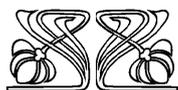
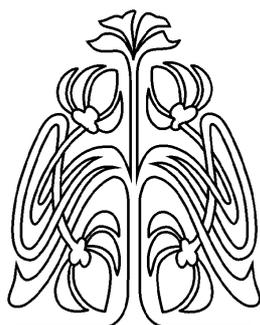
- 1 См.: *مدقا نمانتس دركفو دركفا خيرات فصلال خ. يكز نيم آدم حم*. *بي خيراتل اروص عل* 1931. ص. 444 (Мухаммед Амин Заки. Краткое описание истории курдов и Курдистана с древнейших времен. Багдад. 1931. С. 444.) (язык араб.).
- 2 См.: *بي دركفا فلكش مل رودج / يو ايل عل ايل ع دم حم طلل دب ع د*. 2016 (Абдулла Мухаммед Али Аль-Олайви. Корни курдской проблемы // Ал-Джазира. 2016). URL: <http://www.aljazeera.net/specialfiles/pages/4f935dae-8e08-4c54-83ca-16f692c7ab35> (дата обращения: 15.08.2019) (язык араб.).
- 3 См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. С. 472.
- 4 См.: *Лабинская И.* Конфликты на Ближнем Востоке в XX веке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 10. С. 3–18.
- 5 См.: *Абдулла Оджалан и его инициатива*. URL: <http://www.kurdistan.com.ua/history-of-kurdistan-intro/ocalan-2013> (дата обращения: 10.07.2019).
- 6 См.: Конституция Турецкой Республики. Анкара, 1982 г. // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 13.07.2019).
- 7 См.: «Щит Евфрата» (военная операция) 2017. URL: https://ria.ru/event_SHHit_Evfrata_voennaja_operacija/ (дата обращения: 10.07.2019).
- 8 См.: *Иракский Курдистан. Досье* // ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/1311929> (дата обращения: 20.08.2019).
- 9 См.: *Gunter M. M.* Historical Dictionary of the Kurds. Oxford: Scarecrow press, 2011. P. 457.
- 10 См.: *Мазур О. А.* Перспективы решения курдского вопроса в Сирии // *Вестн. ЗабГУ*. 2016. Т. 22, № 4. С. 10.
- 11 См.: *Патиев Ф. А.* Курдские автономные районы в современной Сирии // *Курдский фактор в региональной геополитике* (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015 г.) / под ред. А. Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН. 2015. С. 51–54.

Образец для цитирования:

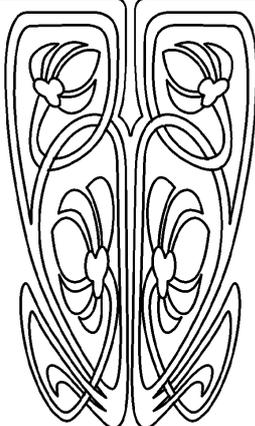
Исса М. Г. Современное состояние курдского вопроса на Ближнем Востоке // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 242–245. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-242-245>

Cite this article as:

Issa M. H. The Current State of the Kurdish Issue in the Middle East. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 242–245 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-242-245>

ПОДПИСКА

Подписка на 2020 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>